

От автора бестселлера
«ДРОЖЬ»

Мэгги Стивотер

Преображение

Annotation

Сэм, юноша-оборотень, в которого влюблена Грейс, наконец-то освобождается от своего проклятия и заново учится жить в облике человека. Сэм мечтает о совместном будущем с Грейс, но, похоже, его мечтам не суждено сбыться. Родители девушки резко против их встреч, а главное, с самой Грейс начинают происходить странные изменения. Неужели проклятие Сэма достигло и ее тоже?

Книги Мэгги Стивотер обрели читательское признание и стали бестселлерами во многих странах мира!

Мэгги Стивотер

Превращение

Тесс — отчасти за дельные советы, но главным образом за все то, что в промежутках между ними

Это история парня, который когда-то был волком, и девушки, которая медленно, но верно превращалась в волчицу.

Всего несколько месяцев назад Сэм был существом из мифов. Его недуг был неисцелим. Он неотвратно ускользал от меня. Его тело являло собой загадку, непостижимо странную, поразительную и пугающую.

И вот пришла весна. Совсем скоро вернувшееся тепло заставит оставшихся волков сбросить волчью шкуру и принять человеческий облик. Сэм по-прежнему остается Сэмом, Коул — Коулом, и только я одна не пойми кто.

Еще год назад я ни о чем другом и не мечтала. У меня была масса причин для желания присоединиться к волчьей стае, которая обитает в лесу за моим домом. Но тогда я следила за волками, дожидаясь, когда один из них придет ко мне, а теперь они следят за мной в ожидании, когда я приду к ним.

Их глаза, человеческие глаза на волчьих мордах, похожи на воду: голубые, как отражающееся в озере весеннее небо; коричневые, как взбаламученный после дождя ручей; зеленые, как затянутый тиной пруд; серые, как река в ледоход. Прежде лишь желтые глаза Сэма следили за мной из-за мокнущих под дождем берез, а теперь я чувствую на себе пристальный взгляд целой стаи. Он давит на меня безмолвным бременем того, что известно нам друг о друге.

Сейчас, когда мне известна их тайна, волки кажутся мне незнакомцами. Прекрасными и притягательными, но все же незнакомцами. За каждой парой глаз скрывается незнакомый мне человек. Единственный из них, кого я знаю по-настоящему, это Сэм, и сейчас он рядом со мной. Моя рука в его руке, его щека касается моей шеи.

Но я больше не властна над своим телом. Теперь я стала неизвестно кем, непонятно кем.

Это история любви. Я и не подозревала, что любовь бывает такой многоликой и что она способна действовать на людей так по-разному.

Я не подозревала, что есть столько способов сказать «прощай».

Теперь, когда я знал, что до конца жизни останусь человеком, крошечный городок Мерси-Фоллз в Миннесоте открывался мне совершенно с иной стороны. Прежде он существовал для меня лишь в летний зной — бетонные тротуары и рвущая к солнцу листва, запах нагретого асфальта и висящих в воздухе выхлопных газов.

Теперь, когда весна одела ветви нежной розовой дымкой, я чувствовал себя здесь как дома.

С тех пор как сбросил волчью шкуру, я пытался заново научиться быть обычным парнем. Я вернулся на работу в «Корявую полку», с головой погрузился в новые слова и шорох страниц. Перешедший мне по наследству джип, намертво пропахший Бекон и моей жизнью в стае, я продал и купил вместо него «фольксваген-гольф»; в него помещались только мы с Грейс и моя гитара. Я старался не морщиться, когда в приоткрытую дверцу внезапно врвался холодный воздух. Я постоянно напоминал себе, что больше не одинок. По вечерам мы с Грейс украдкой пробирались к ней в комнату, я сворачивался клубочком рядышком с ней, вдыхал запах моей новой жизни и слушал, как бьется в такт ее сердцу мое собственное.

И если это самое сердце вдруг екало, когда ветер доносил из леса протяжный волчий вой, моя немудрящая обычная жизнь становилась мне утешением. Я мог рисовать в воображении череду рождественских вечеров — в этом году, и в следующем, и через год, которые я намеревался провести рядом с этой девушкой — преимущество старения в нынешней моей непривычной шкуре. Я понимал это. Я получил все.

Дар времени сокрыт во мне,
И будущее стало явным мне.

Я начал носить гитару с собой в магазин. Торговля шла вяло, так что я мог часами мурлыкать песни собственного сочинения, и единственными моими слушателями были уставленные книгами полки. Небольшой блокнотик, который купила мне Грейс, малопомалу заполнялся записями. Каждая новая дата, нацарапанная наверху страницы, означала очередную маленькую победу над уходящей зимой.

Сегодняшний день ничем не отличался от череды предыдущих: слякотные улицы были все так же пустынные. Жители Мерси-Фоллз не спешили за покупками. Однако вскоре после того, как открылся магазин, я с удивлением услышал звяканье колокольчика на входной двери. Я пристроил гитару между стеной и табуретом и вскинул глаза.

— Привет, Сэм.

Изабел. Непривычно было видеть ее одну, без Грейс, да еще не где-нибудь, а в книжном магазине, посреди моего уютного мирка из бумажных переплетов. После того как прошлой зимой она лишилась брата, голос у нее стал резче, а взгляд пронзительней, чем когда мы только познакомились. Она одарила меня пронизательным взглядом искушенной женщины,

и я немедленно почувствовал себя наивным дурачком.

— Что новенького? — осведомилась она, усаживаясь на свободный табурет по соседству с моим и закидывая одну длинную ногу на другую.

Грейс спрятала бы ноги под сиденье. Изабел увидела мой чай и отпила глоток, потом протяжно вздохнула.

Я покосился на оскверненный стакан.

— Да ничего особенного. Ты подстриглась?

Вместо безукоризненных белокурых локонов на голове у нее была экстремально короткая стрижка; она казалась очень красивой и очень порочной.

Изабел вскинула бровь.

— Не замечала за тобой склонности...

— А у меня ее и нет.

Я придвинул к ней нетронутый мною одноразовый стаканчик с чаем — мол, допивай. Пить после нее показалось мне двусмысленным.

— Иначе я поинтересовался бы, почему ты в такое время не в школе, — добавил я.

— Туше, — произнесла Изабел и взяла стаканчик с таким видом, как будто он с самого начала принадлежал ей.

Она изящно опустила плечики, я сгорбился на своем табурете, точно стервятник. Часы на стене отсчитывали секунду за секундой. Небо за окном затягивали по-зимнему низкие белые облака. Я проводил взглядом дождевую каплю; она шлепнулась на асфальт и застыла. Мысли мои переползли с выдавшей виды гитары на лежащий на прилавке томик Мандельштама («Дано мне тело — что мне делать с ним, таким единым и таким моим?»). В конце концов я нагнулся и включил музыкальный центр, скрытый под прилавком; из динамиков над головой полилась музыка.

— Я регулярно замечаю вокруг нашего дома волков. — Изабел взболтала жидкость на дне стаканчика. — Ну и отравя.

— Зато для здоровья полезно.

Мне было до боли жаль, что она забрала чай; в такой холод горячее питье давало мне ощущение безопасности. Теперь я вполне мог обходиться и без него, но со стаканчиком в руке все равно чувствовал себя увереннее.

— Далеко от дома?

Она пожала плечами.

— В лесу; с моего третьего этажа они видны как на ладони. У них определенно отсутствует инстинкт самосохранения, иначе они держались бы подальше от моего папочки. Он волков не жалуется.

Она покосилась на рваный шрам у меня на шее.

— Да уж, я помню, — отозвался я. У Изабел тоже не было причин испытывать к ним симпатию. — Если вдруг наткнешься на кого-нибудь из них в человеческом обличье, свистнешь мне, ладно? Пока твой отец не наделал из них чучел и не выставил их у вас в вестибюле.

Изабел метнула на меня такой взгляд, что кто-нибудь менее стойкий на моем месте непременно бы окаменел.

— Кстати, о вестибюлях, — произнесла она. — Ты теперь живешь в том громадном доме один?

Я там не жил. С одной стороны, я понимал, что должен занять место Бека, встретить

остальных членов стаи, когда холода закончатся и они начнут принимать человеческий облик, должен позаботиться о четырех новообращенных волках, которые, должно быть, сейчас готовились к превращению в людей, но все мое существо противилось мысли о том, что мне придется торчать там, не имея ни малейшей надежды снова увидеть Бека.

Все равно это не мой дом. Мой дом там, где Грейс.

— Да, — ответил я Изабел.

— Врешь, — язвительно улыбнулась она. — Грейс умеет врать куда убедительней. Скажи-ка, где у вас медицинские справочники? И не делай такое удивленное лицо — вообще-то я здесь по делу.

— Ни минуты в этом не сомневался, — заверил ее я и указал на один из стеллажей. — Но мне нужно понять, что это за дело.

Изабел сползла с табурета и подошла к указанному мной стеллажу.

— Я здесь потому, что в «Википедии» есть далеко не все.

— О том, чего нельзя найти в Интернете, можно писать книги, — заметил я.

Теперь, когда она поднялась, дышать мне стало легче. Я принялся складывать из копии накладной журавлика.

— Тебе ли этого не знать, — поддела меня Изабел. — Ты ведь у нас когда-то был воображаемым существом.

Я поморщился и продолжил складывать журавлика. Черно-белые полосы штрих-кода расчерчивали одно из крыльев, из-за чего второе казалось больше. Я взял ручку и совсем уже было собрался разлиновать второе крыло точно такими же полосами, но в последний момент передумал.

— Так что именно тебе нужно? На самом деле у нас тут серьезной медицинской литературы кот наплакал. В основном всякая дребедень из серии «Помоги себе сам» и книги по нетрадиционной медицине.

Изабел присела на корточки перед полкой.

— Сама не знаю, — задумчиво проговорила она. — Пойму, когда найду. Знаешь, есть такой справочник... здоровенный такой талмуд? Там описано все, что может случиться с человеком.

— «Кандид»,^[1] — пошутил я, но в магазине не было никого, способного оценить эту шутку, так что я, помолчав, предположил: — Справочник Мерка?

— Он самый.

— Его сейчас нет, но я могу заказать, — даже не заглядывая в каталог, сказал я. — Новый стоит недешево, но, думаю, я смогу найти для тебя подержанный. К счастью, болезни со временем не меняются. — Я продел сквозь спину моего журавлика нитку и забрался на прилавок, чтобы подвесить его над головой. — Да он, наверное, не так уж и нужен в хозяйстве, если только ты не собираешься стать врачом.

— Я об этом подумываю, — произнесла Изабел решительным тоном.

До меня не сразу дошло, что она доверила мне свою тайну, и я не успел ничего сказать ей в ответ, потому что дверной колокольчик звякнул снова, возвещая о появлении еще одного покупателя.

— Одну минуточку, — произнес я, балансируя на прилавке на цыпочках, чтобы обмотать второй конец нитки вокруг лампы у меня над головой. — Если у вас возникнут вопросы, обращайтесь.

Хотя повисшая пауза была мгновенной, я отметил, как красноречиво умолкла Изабел, и

нерешительно опустил руки.

— Не беспокойтесь, — спокойным и поразительно деловым тоном произнес вошедший. — Я подожду.

В его голосе было что-то такое, отчего мне мгновенно расхотелось доводить до конца мою ребяческую затею. Я обернулся и увидел, что у прилавка стоит полицейский и смотрит на меня, задрав голову. Со своей высоты я отлично видел все, чем был увешан его поясной ремень: пистолет, рацию, перцовый баллончик, наушники и сотовый телефон.

Когда тебе есть что скрывать, пусть даже в этом нет ничего противозаконного, появление на рабочем месте офицера полиции производит поразительный эффект.

Я медленно слез с прилавка и, равнодушно махнув в сторону журавлика, сказал:

— А, все равно ничего не выходит. Вы... вы что-то хотели?

Голос у меня дрогнул; я понимал, что он явился сюда не ради того, чтобы побеседовать о книгах. На шее лихорадочно и настойчиво запульсировала жилка. Изабел как ветром сдуло, и торговый зал казался абсолютно пустым.

— Вообще-то я хотел бы с вами поговорить, если вы не заняты, — произнес полицейский вежливо. — Вы же Сэмюэль Рот?

Я кивнул.

— Моя фамилия Кениг, — представился он. — Я расследую дело Оливии Маркс.

Дело Оливии. У меня похолодело под ложечкой. Оливию, лучшую подругу Грейс, в прошлом году случайно укусили, и последние несколько месяцев она провела в волчьем облике в Пограничном лесу. Ее родные считали, что она сбежала из дома.

Эх, была бы здесь Грейс! Если бы вранье включили в программу Олимпийских игр, Грейс заняла бы первое место. При всей ее ненависти к написанию сочинений вешать окружающим лапшу на уши ей удавалось потрясающе.

— А-а, — протянул я. — Оливия.

Присутствие полицейского, который собирался меня допрашивать, нервировало, но, как ни странно, еще сильнее нервировало то, что Изабел, которая и так все знала, тоже должна была все услышать. Я представил, как она прячется за одним из стеллажей, презрительно вздергивая бровь всякий раз, когда с моих неискушенных губ срывается очередная неприкрытая ложь.

— Вы ее знали?

Вопрос был задан дружелюбным тоном, но насколько дружелюбным может быть человек, который заканчивает свой вопрос словом «верно»?

— Немного, — ответил я. — Сталкивались несколько раз на улице. Только я с ней не учился.

— А где вы учились?

И снова вопрос Кенига прозвучал вполне учтиво и даже светски. Я попытался убедить себя, что он кажется мне подозрительным только потому, что мне есть что скрывать.

— Я был на домашнем обучении.

— Моя сестра тоже, — заметил Кениг. — Она доводила нашу мать до белого каления. Но с Грейс Брисбен вы знакомы хорошо.

И снова это его «верно?». Может, он начал с вопросов, ответы на которые были известны ему и без меня? Я ни на миг не забывал о том, что нас слушает Изабел.

— Да, — сказал я. — Она моя девушка.

Этой информацией они, возможно, не располагали, да она их, вероятно, и не

интересовала, но мне почему-то хотелось, чтобы Изабел это слышала.

К моему удивлению, Кениг улыбнулся.

— Я знаю.

Хотя улыбка казалась искренней, я весь напрягся, пытаюсь понять, игра это или нет.

— Грейс и Оливия дружили, — продолжал Кениг. — Можете вспомнить, когда вы в последний раз видели Оливию? Я не прошу вас назвать точную дату, но постарайтесь припомнить хотя бы приблизительно.

Он раскрыл небольшой голубой блокнот и приготовился записывать.

— Э-э... — Я видел Оливию всего несколько недель назад; тогда ее белую шкуру припорошивал снег, впрочем, едва ли стоило сообщать об этом Кенигу. — Я видел ее в городе. Прямо здесь. Перед магазином. Мы с Грейс выходили из магазина и наткнулись на Оливию с братом. Это было несколько месяцев назад. В ноябре? Или в октябре? Прямо перед тем, как она пропала.

— Не знаете, Грейс после этого ее видела?

Я с трудом выдержал его взгляд.

— По-моему, тогда она тоже видела Оливию в последний раз.

— Подросткам очень трудно выжить в одиночку, — сказал Кениг, и на этот раз меня охватила абсолютная уверенность, что он видит меня насквозь и его слова исполнены особого смысла; он намекает на то, что я лишился покровительства Бека. — А беглецам особенно трудно. Подростки сбегают по многим причинам, и, судя по тому, что я узнал от учителей и домочадцев Оливии, возможно, причиной могла стать депрессия. Нередко подростки сбегают просто потому, что хотят вырваться из дома, но они понятия не имеют, как выживать в этом мире. Так что иногда их побег заканчивается в соседнем доме. Иной раз...

Я не дал ему договорить.

— Мистер... Кениг? Я понимаю, к чему вы клоните, но в доме у Грейс Оливии нет. Грейс не носит ей еду и не прикрывает ее. Мне хотелось бы, ради блага Оливии, чтобы все было так просто. И ради блага Грейс тоже. Я был бы счастлив сообщить вам, что мне известно точное местонахождение Оливии. Но нам точно так же, как и вам, остается только гадать, когда она вернется.

Интересно, Грейс таким же образом придавала своему вранью убедительности? Трансформировала его в то, во что могла поверить сама?

— Вы же понимаете, я должен был задать этот вопрос.

— Я понимаю.

— Что ж, спасибо, что уделили мне время. Если вам что-нибудь станет известно, пожалуйста, свяжитесь со мной. — Кениг развернулся было к выходу, но остановился. — А что вы знаете о лесе?

Я помертвел. Превратился в волка, замершего между деревьями, молящегося про себя, чтобы его не заметили.

— Что вы имеете в виду? — слабым голосом произнес я.

— Родные Оливии сказали, что она много фотографировала волков в лесу и что Грейс тоже интересуется волками. Вы разделяете этот интерес?

Я лишь молча кивнул.

— Как вы думаете, не могла она попытаться в одиночку выжить в лесу, вместо того чтобы уехать в другой город?

Я почувствовал растущую панику, перед глазами замелькали картины, как полицейские и родные Оливии акр за акром прочесывают лес, пытаясь отыскать следы человеческой жизнедеятельности. И возможно, найдут их.

— Оливия никогда не казалась мне любительницей жизни на природе, — делано небрежным тоном произнес я. — Мне это кажется крайне маловероятным.

Кениг кивнул каким-то своим мыслям.

— Что ж, еще раз спасибо, — сказал он.

— Не за что, — отозвался я. — Удачи вам.

Дверь, звякнув, захлопнулась за ним; как только патрульная машина тронулась, я оперся локтями на прилавок и закрыл руками лицо. Господи.

— Поздравляю, ты делаешь успехи, — сказала Изабел, с шорохом поднимаясь из-за стойки с документальной литературой. — Ты даже почти не был похож на психа.

Я ничего не ответил. В голове у меня крутились вопросы, которые полицейский мог бы мне задать, и я разнервничался еще сильнее, чем когда он здесь был. Он мог бы спросить, куда подевался Бек. Или о том, слышал ли я о пропавших ребятах из Канады. Или что мне известно о гибели брата Изабел.

— Да что с тобой такое? — спросила Изабел; на этот раз ее голос раздался совсем близко. Она плюхнула на прилавок стопку книг, увенчанную кредитной картой. — Ты отлично справился. Это всего лишь опрос свидетелей. Он ни в чем тебя не подозревает. Господи, да у тебя руки трясутся.

— Да, не выйдет из меня преступника, — отозвался я, но руки у меня тряслись не поэтому.

Будь здесь Грейс, я рассказал бы ей правду: я ни разу не разговаривал с полицейскими с тех пор, как моих родителей посадили в тюрьму за то, что они перерезали мне вены. От одного вида офицера Кенига в душе у меня всколыхнулись тысячи подспудных воспоминаний.

Голос Изабел сочился язвительностью.

— И не надо, потому что ты не делаешь ничего противозаконного. Кончай психовать и займись своими обязанностями. Мне нужен чек.

Я пробил ей книги и сложил их в пакет, то и дело поглядывая в окно на пустынную улицу. Голова у меня шла кругом от воспоминаний о полицейских мундирах, волках в лесу и голосах, которых я не слышал добрый десяток лет.

Протягивая ей пакет с книгами, я чувствовал, как зудят шрамы на запястьях, словно от пробудившихся воспоминаний вскрылись старые раны.

На миг мне почудилось, что Изабел хочет сказать что-то еще, но она лишь молча покачала головой и произнесла:

— Некоторые люди просто не созданы для вранья. Пока, Сэм.

Все мои мысли были сосредоточены на одном: я должен выжить.

Не думать больше ни о чем, день за днем, было блаженством.

Мы, волки, бегали среди редких сосен, легко ступая лапами по влажной от сошедшего снега земле. Мы были так близки друг к другу, мы терлись друг о друга, игриво щелкали челюстями, подныривали друг под друга и перескакивали друг через друга, словно рыбы в реке, так что невозможно было различить, где начинается один волк и заканчивается другой.

Темные проплешины на поросшей мхом земле и отметины на деревьях вели нас через лес; я учуял усиливающийся затхлый запах озера еще до того, как услышал плеск воды. Один из волков поделился мимолетной картинкой: утки, плавно опускающиеся на холодную голубую гладь озера. От другого я получил еще один образ: олениха с олененком, на нетвердых ногах семенящим к водопою.

Для меня не существовало ничего, кроме этого мига, стремительного обмена образами и этой безмолвной нерушимой связи.

А потом, впервые за много месяцев, я вдруг вспомнил, что когда-то давно у меня были пальцы.

Я запнулся, сломав строй, мышцы под волчьей шкурой напряглись и заходили ходуном. Волки обернулись, некоторые даже приблизились ко мне, побуждая вернуться к ним, но я не мог идти за ними. Я скорчился на земле, прелые перезимовавшие листья липли к шкуре, в ноздри бил запах весеннего тепла.

Мои пальцы скребли рыхлую черную землю, она набивалась под ногти, которые внезапно стали слишком короткими и не могли больше защищать меня, размазывалась вокруг глаз, по которым вдруг ударило разноцветье красок.

Я снова стал Коулом, весна пришла слишком скоро.

В тот же день, когда в книжной лавке появился полицейский, Грейс впервые на моей памяти пожаловалась на головную боль. Возможно, кому-то это показалось бы ничем не примечательным, но с тех пор, как мы с ней познакомились, я не слышала от нее ни одного упоминания даже о насморке. И потом, я — что-то вроде эксперта по головным болям. Они — мое хобби.

После того как я стала свидетельницей разговора Сэма с полицейским, я отправилась обратно в школу; на теперешнем этапе моей жизни это сделалось редкостью. Учителя не могли найти на меня управу, потому что оценки у меня, несмотря на рекордное количество прогулов, были хорошие, так что мне очень многое сходило с рук. В конечном итоге мы пришли к молчаливому соглашению, что я появляюсь на уроках, а они позволяют мне делать что заблагорассудится, при условии, что я не стану сворачивать с пути истинного других учеников.

Так что, явившись на информатику, я первым делом, как послушная девочка, включила компьютер и, как девочка непослушная, вытащила книги, купленные с утра. Среди них была иллюстрированная энциклопедия заболеваний — пухлый пыльный том 1986 года издания. Наверное, это была одна из первых книг, которыми начали торговать в «Корявой полке». Пока мистер Грант объяснял задание, я листала энциклопедию, выискивая картинки пострашнее. Среди них обнаружилась фотография больного порфирией, еще одного, страдающего себорейным дерматитом, а также изображение процесса жизнедеятельности глистов, от которого меня, к собственному удивлению, затошнило.

Потом я добралась до раздела на букву «М» и нашла статью, посвященную бактериальному менингиту. Когда я дочитала до конца, в носу у меня щипало. Причины. Симптомы. Диагностика. Лечение. Прогноз. Смертность при отсутствии лечения: ст процентов. Смертность при лечении: от десяти до тридцати процентов.

Можно было и не читать: эти цифры я и так знала. Вообще могла воспроизвести всю статью наизусть. К тому же я знала о менингите побольше, чем эта энциклопедия 1986 года, поскольку проштудировала все онлайн-медицинские журналы о новейших препаратах и необычных случаях.

Сиденье соседнего стула скрипнуло; я не стала даже закрывать книгу, когда моя соседка повернулась ко мне на своем стуле. Грейс всегда пользовалась одними и теми же духами. Вернее сказать, зная Грейс: одним и тем же шампунем.

— Изабел, — произнесла Грейс сравнительно негромко; остальные вовсю переговаривались, обсуждая задание. — Это уже чересчур даже для тебя.

— А ты меня укуси, — отозвалась я.

— Тебе голову лечить надо, — беззлобно посоветовала она.

— Уже лечу. — Я вскинула на нее глаза. — Я просто пытаюсь понять механизм действия менингита. Не вижу в этом ничего предосудительного. Разве тебе не интересно понять, каким образом решилась маленькая проблема Сэма?

Грейс пожала плечами и покрутилась из стороны в сторону на стуле; потом уткнулась

взглядом в пол, так что ее темно-русые волосы завесили покрасневшие щеки.

— Это уже в прошлом.

— Угу, — кивнула я.

— Если будешь говорить гадости, я пересяду, — предупредила Грейс. — И вообще, мне что-то нездоровится. Пойду-ка я лучше домой.

— Я просто сказала «угу», — отозвалась я. — Где тут гадость? Честное слово, если тебе так хочется, чтобы я снова включила стер...

— Девушки! — За спиной у меня вырос мистер Грант и уставился на белый экран моего монитора и черный экран монитора Грейс. — Насколько я помню, у нас тут урок информатики, а не клуб по интересам.

Грейс вскинула на него серьезные глаза.

— Можно я пойду в медкабинет? У меня что-то голова болит... наверное, синусит начинается или еще что-то.

Мистер Грант взглянул на ее покрасневшие щеки и печальное лицо и кивнул в знак согласия.

— Принесешь потом справку, — велел он, когда Грейс, поблагодарив его, поднялась.

Со мной она прощаться не стала, лишь молча щелкнула костяшками пальцев по спинке моего стула.

— А вы... — начал мистер Грант, потом взглянул на распахнутую энциклопедию и замер на полуслове. Он молча кивнул каким-то своим мыслям и отошел.

Я вновь погрузилась в изучение смерти и недугов. Что бы там ни думала Грейс, я-то знала, что в Мерси-Фоллз они никогда не останутся в прошлом.

Когда вечером Сэм вернулся из своего книжного магазина, я за кухонным столом записывала новогодние зарок.

Я давала себе новогодние зарок с тех пор, как мне исполнилось девять. Каждый год на Рождество я садилась за кухонный стол и, съжившись в своем свитере с высоким воротником, потому что от стеклянной двери на веранду тянуло сквозняком, в тусклом электрическом свете записывала планы на следующий год в простую черную тетрадь, которую купила специально для этих целей. И каждый год накануне Рождества, в сочельник, я садилась за тот же самый стол, открывала ту же самую тетрадь на чистой странице и записывала все, чего достигла за минувшие двенадцать месяцев. Из года в год две эти страницы в точности повторяли одна другую.

Однако в прошлом году я не стала давать себе никаких зарок. Весь предрождественский месяц я старательно пыталась не смотреть сквозь стеклянную дверь на лес, не думать о волках и Сэме. Тогда сесть за стол и начать строить планы на будущее казалось мне куда большим притворством, нежели что-либо еще.

Но теперь, когда у меня был Сэм и наступал новый год, эта черная тетрадка, аккуратно стоящая на полке между книгами о том, как правильно делать карьеру, и мемуарами знаменитых людей, не давала мне покоя. Мне даже снилось, будто я сижу за кухонным столом в свитере, и в этих снах я снова и снова записывала новогодние зарок, но страница почему-то все время оставалась пустой.

Сегодня, дожидаясь возвращения Сэма, я поняла, что не могу больше этого выносить. Я вытащила тетрадь с полки и направилась в кухню. Перед тем как сесть за стол, я приняла еще две таблетки ибупрофена; те две, что дала мне школьная медсестра, практически заглушили головную боль, но мне хотелось быть уверенной, что она не вернется. Я зажгла над столом лампу с цветастым абажуром, но едва закончила точить карандаш, как зазвонил телефон. Я поднялась и, перегнувшись через столешницу, сняла трубку.

— Слушаю?

— Привет, Грейс.

Я не сразу узнала отцовский голос. Слышать его в телефонной трубке, далекий и неразборчивый, было непривычно.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Что? А, нет. Все в порядке. Я звоню, чтобы сказать, что мы с мамой вернемся от Пата с Тинной в девять.

— Понятно, — протянула я.

Ничего нового папа не сообщил; мама предупредила меня еще утром, когда мы расходились — я в школу, она в студию.

В трубке повисло молчание.

— Ты одна?

Так вот зачем этот звонок. У меня почему-то перехватило горло.

— Нет, — ответила я. — У меня в гостях Элвис. Хочешь с ним поболтать?

Папа словно и не слышал моего ответа.

— Сэм с тобой?

Меня так и подмывало сказать «да», просто чтобы проверить, как он отреагирует, но вместо этого я сказала правду, только собственный голос почему-то показался мне чужим и неубедительным.

— Нет. Я делаю уроки.

Хотя мама с папой были в курсе, что Сэм мой парень — мы с ним не делали секрета из наших отношений, — они до сих пор не догадывались о том, что происходит на самом деле. Когда Сэм оставался у меня на ночь, они были уверены, что я сплю одна. Они не подозревали о моих планах на будущее. Они считали, что у нас с Сэмом простые и невинные подростковые отношения, которые должны неизбежно сойти на нет с возрастом. Не то чтобы я не хотела открывать им правду, просто пока в их неведении были свои плюсы.

— Понятно, — сказал папа. В его словах сквозила молчаливая похвала, одобрение тому, что я в одиночестве корплю над домашним заданием. Ведь именно этим все Грейс занимается по вечерам, и упаси меня бог нарушить традицию. — Планируешь тихий домашний вечер?

Я услышала, как хлопнула входная дверь, и в прихожей появился Сэм.

— Угу, — отозвалась я, глядя, как он направляется в гостиную с зачехленной гитарой в руке.

— Вот и славненько. Ладно, до вечера, — сказал папа. — Удачи с уроками.

Трубки мы положили одновременно. Сэм молча снял пальто и двинулся напрямиком в кабинет.

— Привет, приятель, — сказала я, когда он вернулся обратно все с той же гитарой, но уже без чехла.

Он улыбнулся, но между бровей у него залегла морщинка.

— Какой-то ты напряженный, — заметила я.

Он плюхнулся на диван, откинулся на спинку и принялся брэнчать на гитаре. Зазвучали нестройные аккорды.

— Изабел заходила сегодня в магазин, — произнес он.

— Правда? Что ей было нужно?

— Кое-какие книги. Еще она рассказала, что видела у своего дома волков.

Мне немедленно вспомнился ее отец и охота на волков, которую он устроил в лесу за нашим домом. Судя по встревоженному лицу Сэма, его посетила та же самая мысль.

— Паршиво.

— Угу, — согласился он. Его пальцы проворно перебирали гитарные струны, вдохновенно и без усилий извлекая из них один минорный аккорд за другим. — Еще и полицейский заявился.

Я отложила карандаш и всем телом подалась вперед.

— Что?! Чего он хотел?

Сэм поколебался.

— Он приходил по поводу Оливии. Спрашивал, не могла ли она уйти жить в лес.

— Что?! — переспросила я, ощущая, как по коже забегали мурашки. Не может быть, чтобы кто-то догадался. Это слишком невероятно. — Откуда он мог узнать?

— Вряд ли он намекал на то, что она стала волчицей. Думаю, он надеялся, что мы где-то ее прячем или что она живет где-то поблизости, а мы ей помогаем, ну или что-нибудь в

этом роде. Я сказал, что она не производила впечатления любительницы пожить на природе, он поблагодарил меня и ушел.

— Ничего себе.

Я откинулась на спинку стула и задумалась. На самом деле просто удивительно, что они не допросили Сэма еще раньше. Ко мне приходили почти сразу же после того, как Оливия «сбежала». Видимо, им только недавно стало известно о наших с Сэмом отношениях. Я пожала плечами.

— Они просто отрабатывают все возможные версии. Вряд ли нам есть о чем тревожиться. В смысле, она вернется, когда вернется, так ведь? Как думаешь, скоро уже новые волки начнут превращаться обратно в людей?

Сэм ответил не сразу.

— Поначалу они остаются людьми ненадолго. Они очень нестабильны. Все зависит от того, какая температура держится в течение дня. И потом, у каждого это проходит по-разному. Примерно так же, как в одинаковую погоду одни люди надевают свитера, а другие разгуливают в футболках и отлично себя чувствуют. Все по-разному реагируют на одну и ту же температуру. Но, думаю, в этом году некоторые из них уже хотя бы по разу превращались в людей.

Я принялась рисовать в воображении, как Оливия в своем новом волчьем теле рыщет по лесу, пока не спохватилась, что Сэм что-то сказал.

— В самом деле? Уже? А вдруг кто-то ее видел?

Сэм покачал головой.

— В такую погоду она пробыла бы человеком от силы несколько минут; сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог ее видеть. Это просто... просто что-то вроде пробы сил.

Вид у него вдруг стал совершенно отстраненный, как будто мысли его были где-то очень далеко. Наверное, вспомнил, как это происходило с ним, когда он только превратился в волка. Меня пробил дрожь; это случалось всякий раз, стоило мне подумать про Сэма и его родителей. Под ложечкой неприятно заныло; липкий ком в животе рассосался, лишь когда Сэм снова заиграл на гитаре. Несколько долгих минут он перебирал струны, и когда стало окончательно ясно, что возвращаться к этой теме в ближайшее время он не собирается, я вновь уткнулась в свою тетрадь. Впрочем, мысли мои были теперь заняты другим: я представляла себе, как маленький Сэм превращался из человека в волка и обратно, а его родители в ужасе на это смотрели. Я принялась машинально чертить в углу страницы маленький параллелепипед.

— Чем это ты занята? — наконец нарушил молчание Сэм. — Подозрительно похоже на муки творчества.

— Разве что на мученица, — сказала я и смотрела на него, вскинув брови, пока он не улыбнулся.

— Неужто Грейс надоели цифры и теперь слова ее страсть? — пропел Сэм.

— Вот и нескладно.

— Забросила всю свою алгебру и всецело им предалась? — закончил он.

Я состроила гримаску.

— Все равно «страсть» не рифмуется с «предалась». Я пишу новогодние зарок.

— Еще как рифмуется, — уперся Сэм. Он отложил гитару на стол — она отозвалась негромким мелодичным гулом — и, усевшись напротив меня, добавил: — Я хочу посмотреть. Никогда в жизни не писал никаких зарок. Хочу знать, как это выглядит.

Он придвинул к себе раскрытую тетрадь и свел брови на переносице.

— А это что? — спросил он, — «Зарок номер три: выбрать колледж». Ты что, уже решила, куда пойдешь?

Я выдернула у него тетрадь и поспешно перевернула страницу.

— Нет, не успела. Отвлеклась на одного клевого парня, который превращался в волка. В этом году я первый раз не выполнила свои зарок, и все из-за тебя. Придется теперь наверстывать.

Улыбка Сэма слегка померкла, он отодвинулся от стола и прислонил гитару к стене, потом взял со стола ручку и бумажную карточку.

— Ладно. Тогда давай писать новые.

«Найти работу», — записала я.

«Продолжать любить свою работу», — вывел он.

«Сохранить безумную любовь», — написала я.

«Остаться человеком», — написал Сэм.

— Потому что я всегда буду безумно тебя любить, — сказал он, глядя не на меня, а в свою бумажку.

Я в упор смотрела на него, пока он не поднял на меня глаза.

— Значит, в этом году в твоём списке снова появится пункт «Выбрать колледж»? — спросил он.

— А в твоём? — легкомысленным тоном парировала я.

Вопрос был «ниже пояса»: мы с Сэмом впервые завели разговор о том, как сложится наша жизнь по эту сторону зимы, теперь, когда Сэм может жить как все обычные люди. Ближайший к Мерси-Фоллз колледж находился в Дулуте, в часе езды, а те, что я рассматривала для себя прежде, до Сэма, — еще дальше.

— Я первый спросил.

— Ну да, — произнесла я скорее бодро, чем беспечно, и вывела на бумаге: «Выбрать колледж». Запись отличалась от предыдущих, как будто была сделана совершенно другой рукой. — Теперь твоя очередь.

Сердце у меня неожиданно заколотилось.

Сэм вместо ответа поднялся и вышел в кухню. Я крутанулась в своем кресле и увидела, что он поставил чайник. Он вытащил из шкафчика над плитой две кружки, и уверенность этого непринужденного движения почему-то вдруг вызвала у меня прилив нежности. Я с трудом подавила желание подойти к нему сзади и обнять.

— Бек хотел, чтобы я пошел в юридическую школу, — произнес Сэм, водя пальцем по кромке моей любимой голубенькой кружки. — Он никогда мне об этом не говорил, но я слышал, как они разговаривали с Ульриком.

— Мне трудно представить тебя адвокатом, — сказала я.

Сэм смущенно улыбнулся и покачал головой.

— Мне самому трудно представить себя адвокатом. По правде говоря, мне вообще пока трудно представить себя кем бы то ни было. Я понимаю, это звучит... ужасно. Как будто у меня нет честолюбия. — Он снова задумчиво нахмурился. — Но мысль о том, что у меня есть будущее, для меня непривычна. До этого месяца я никогда не думал, что смогу пойти в колледж. Мне не хочется делать это очертя голову.

Наверное, я смотрела на него во все глаза, потому что он поспешно добавил:

— Но я не хочу заставлять тебя ждать, Грейс. Не хочу мешать тебе двигаться вперед из-

за того, что я еще не готов принять решение.

— Мы могли бы поступить куда-нибудь вместе, — по-детски заупрямилась я.

Засвистел чайник. Сэм снял его с огня и сказал:

— Я отчего-то сомневаюсь, что один колледж был бы идеальным решением для будущего светила математики и любителя мрачной поэзии. Но наверное, это возможно. — Он взглянул на мерзлый серый лес за окном. — Не знаю только, имею ли я право уехать отсюда. Вообще. Кто тогда будет заботиться о стае?

— Я думала, именно ради этого и сделали новых волков, — сказала я.

Собственные слова показались мне странными. Какими-то черствыми. Как будто обновление стаи было процессом искусственным, организованным специально, а это, разумеется, было не так. Никто не знал, что представляют собой новенькие. За исключением Бека, разумеется, но он уже ни о чем не мог рассказать.

Сэм потер лоб и прикрыл глаза ладонью; с тех пор как вернулся, он постоянно так делал.

— Я знаю, — сказал он. — Знаю, что их обратили именно ради этого.

— Он был бы за то, чтобы ты уехал, — сказала я. — И я все равно считаю, что мы можем пойти в один колледж.

Сэм вскинул на меня глаза, не отрывая рук от висков, как будто позабыл, что они там.

— Это было бы здорово. — Он помолчал. — Но мне... мне бы очень хотелось познакомиться с новыми волками, посмотреть, кто они такие. Мне так будет легче. Тогда, может быть, я смогу уехать. Когда буду уверен, что здесь все будет в ажуре.

Я зачирикала пункт «Выбрать колледж».

— Я подожду тебя, — сказала я.

— Но не всю же жизнь.

— Нет, если окажется, что от тебя нет никакого толку, я уеду без тебя. — Я побарабанила ручкой по зубам. — Думаю, надо завтра посмотреть в лесу новых волков. И Оливию. Я позвоню Изабел и спрошу ее про волков, которых она видела рядом с домом.

— Прямо целый план, — сказал Сэм.

Он положил свою карточку обратно на стол и что-то дописал к списку, потом улыбнулся и развернул ее ко мне.

«Слушаться Грейс» — значилось там.

СЭМ

Потом я вновь стал перебирать в памяти все, что мог бы добавить к перечню задач, все, чего я хотел, пока не осознал, что у оборотней не может быть будущего. Например, «написать роман», «сколотить рок-группу», «выучиться на переводчика мрачной поэзии» и «поездить по миру». Теперь, после того как я долго напоминал себе, что все это для меня невозможно, такие желания казались мне каким-то баловством, прихотью.

Я попытался вообразить, как заполняю заявление о приеме в колледж. Набрасываю фабулу романа. Вешаю объявление «Рок-группе требуются барабанщики» на доску напротив почты. Слова эти кружились у меня в голове, такие ослепительные в своей неожиданной досягаемости. Мне очень хотелось дописать их к своему перечню зарокков, но я просто... не мог.

Вечером, пока Грейс принимала душ, я вытащил карточку и снова взглянул на нее.
«Верить в свое исцеление», — вывел я.

Я вновь стал человеком.

Перед глазами все расплывалось, я обессилел и не понимал, где нахожусь. С тех пор как я в прошлый раз пришел в себя, прошло уже много времени; должно быть, я снова превращался в волка. Я со стоном перевернулся на спину и с опаской сжал и разжал кулаки.

В утреннем лесу стоял пронизывающий холод, в воздухе висел туман, придававший всему вокруг призрачную золотистость. Рядом выступали из дымки влажноватые стволы сосен, темные и шершавые. На высоте нескольких футов они уже казались нежно-голубыми, а дальше и вовсе тонули в белесом тумане.

Я лежал в грязи; все плечи были облеплены растрескавшейся коркой. Когда я поднял руку, чтобы отряхнуться, оказалось, что и пальцы тоже покрыты ею — жидкой полупрозрачной грязью цвета детской неожиданности. От ладоней пахло тиной, где-то под боком лениво плескалась вода. Я поводил перед собой левой рукой и ощутил под пальцами сначала все ту же грязь, потом воду.

Как меня сюда занесло? Я бежал со стаей, а потом начал превращаться, но не помнил, как оказался на берегу. Должно быть, я снова превращался. Сначала в волка, затем назад в человека. Эта логика — вернее, ее полнейшее отсутствие — была просто убийственной. Бек говорил, что со временем превращения станут более контролируемыми. Ну и где же обещанный контроль?

Я лежал ничком, чувствуя, как разбегается по всему телу дрожь и покалывает от холода кожу, и думал о том, что скоро опять превращусь в волка. Господи, до чего же я устал. Я вытянул перед собой трясущиеся руки и с изумлением отметил, что кожа сделалась ровной и гладкой, от большинства старых шрамов, наследия прошлой жизни, не осталось и следа. Я возрождался заново с пятиминутными перерывами.

Из леса донесся какой-то шум, и я повернул голову, пытаюсь определить, не грозит ли мне опасность. Совсем рядом, полускрытая за деревом, стояла и смотрела на меня белая волчица; в косых лучах восходящего солнца ее мех отливал розоватым золотом. До странности задумчивые зеленые глаза на долгий миг встретились с моими. Взгляд был каким-то непривычным. Человеческий взгляд, в котором не читалось ни осуждения, ни ревности, ни жалости, ни злости, лишь молчаливый интерес.

Я не мог понять, какие чувства это у меня вызывает.

— Что пялишься? — огрызнулся я.

Она бесшумно растворилась в тумане.

Мое тело содрогнулось, больше не подвластное воле, и я перестал быть человеком.

Не знаю, сколько времени я пробыл волком в этот раз. Несколько минут? Часов? Дней? Было позднее утро. Я не чувствовал себя человеком, но и волком тоже не был. Я завис где-то в промежутке, сознание перескакивало от воспоминаний к настоящему и снова к воспоминаниям, причем и то и другое было одинаково четким.

В памяти вдруг всплыл сначала мой семнадцатый день рождения, потом та ночь, когда

мое сердце перестало биться в клубе «Джозефина». Не хотел бы я пережить ту ночь во второй раз.

До превращения в волка меня звали Коулом Сен-Клером. Я был солистом группы «Наркотика».

На улицах Торонто стояла такая холодина, что лужи подернулись льдом, а пар от дыхания застывал, не успев вырваться изо рта, но в клубе «Джозефина», расположенном в здании бывшего склада, было жарко, как в преисподней, а наверху, в толпе народу, наверняка еще жарче.

А народу собралась тьма.

Контракт был неплохой, но участвовать в этом концерте мне все равно не хотелось. В последнее время меня вообще воротило от всего этого. Все выступления давным-давно слились в одно, и единственное, что отличало один концерт от другого, это что где-то я играл под кайфом, где-то — нет, а где-то вообще приходилось постоянно догоняться. Я выходил на сцену в погоне за собственными представлениями о жизни и славе, которые сложились у меня в шестнадцать лет, — однако стремления добиться чего-то на самом деле у меня становилось все меньше.

Когда я переносил клавиатуру, какая-то девица, назвавшаяся Джеки, дала нам таблетки, которых я никогда раньше не видел.

— Коул, — прошептала она мне на ухо, как будто была моей старой знакомой. — Коул, это будет нереальный улет.

— Детка, — сказал я, перехватывая свою ношу, чтобы не уронить ее на пол, — для нереального улета мне нужно кое-что покруче.

Она широко улыбнулась, продемонстрировав желтоватые зубы, как будто знала какую-то тайну. От нее пахло лимоном.

— Не беспокойся, я знаю, что тебе нужно.

Меня разбирал смех, но я лишь отвернулся и плечом толкнул прикрытую дверь.

— Вик, давай сюда! — крикнул я, глядя вверх разноцветных волос Джеки. Потом взглянул на нее. — Ты-то сама поди уже закинулась?

Джеки провела пальцем по моей руке, поводила по краю тугого рукава футболки.

— Если бы закинулась, я бы не стала тратить время на разговоры.

Я похлопал ее пальцами по руке, пока она не сообразила, чего я от нее хочу, и разжала ладонь. Там ничего не оказалось, но она порылась в кармане джинсов и вытащила оттуда смятый полиэтиленовый пакетик. Внутри обнаружилось несколько ядовито-зеленых таблеток с выбитыми на каждой двумя буквами «Т». Кроме того, на них еще значилось «А+» — максимум по «приходу», но кто знает, что там было на самом деле.

В кармане у меня зазвонил телефон. Обычно я жду, когда включится голосовая почта, но, поскольку Джеки по-прежнему стояла ко мне вплотную, едва не утыкаясь в меня носом, я ухватился за этот повод свернуть разговор.

— Да!

— Коул, хорошо, что я до тебя дозвонился. — Это был Берлин, мой агент. Говорил он, как всегда, напористо и стремительно. — Ты только послушай: «Группа „Наркотика“ штурмом взяла музыкальный олимп со своим последним альбомом „Все тринадцать“. Этим релизом ее талантливый, но эпатажный солист, Коул Сен-Клер, которого многие уже сбросили со счетов, — (прости, приятель, из песни слова не выкинешь), — вновь

завоевывает утраченные позиции, доказывая тем самым, что самый первый его релиз, состоявшийся, когда ему было шестнадцать, не был случайным везением. Все трое...» Ты меня слушаешь, Коул?

— Нет, — сказал я.

— Очень зря. Это Элиот Фрай пишет, — заявил Берлин. Я ничего не ответил, и он продолжил: — Ну помнишь, Элиот Фрай, который назвал тебя угрюмым детсадовцем без тормозов за клавиатурой? Тот самый. Все, теперь вы в шоколаде. Он запел совсем по-другому. Это успех, приятель.

— Потрясающе, — сказал я и отключился. — Я беру весь пакет, — бросил я Джеки. — Скажешь Виктору. Он у нас заведует кошельком.

Да, Виктор заплатил за таблетки. Но решение взять их принял я, так что, наверное, это все-таки была моя вина.

Или, может, во всем была виновата Джеки, которая не сказала нам, что это за дрянь, но чего еще можно было ожидать от клуба «Джозефина»? Новые снадобья появлялись там еще до того, как становилось понятно, к чему они могут привести. Неизвестные колеса, новейшие порошки, загадочные переливчатые эликсиры в пузырьках. Мне случалось подбивать Виктора еще и не на такое.

В темном холле Виктор проглотил одну зеленую таблетку, запив ее пивом; Джереми со своим «мое тело — храм» пил чай и молча наблюдал за ним. Я бросил в рот сразу несколько штук и запил их пепси. Не помню, сколько их было. К тому времени, когда мы вышли на сцену, я уже жалел об этой сделке. Таблетки не действовали: я не испытывал совершенно никаких ощущений. Мы принялись играть; толпа на танцполе всколыхнулась, подалась к сцене, они тянули к нам руки, выкрикивали наше название.

Виктор что-то завопил им в ответ из-за своих барабанов. Его перло не по-детски, таблетки Джеки все-таки действовали. С другой стороны, Виктору всегда нужно было очень немного. Стробы хаотически выхватывали из темноты участки танцпола: то чью-то шею, то губы, то бедро, трущееся о другого танцора. В висках у меня грохотало в такт с барабанами Виктора, сердце колотилось с удвоенной скоростью. Я снял с шеи наушники и натянул их на уши, пальцы ощутили разгоряченную кожу. А девицы начали вопить мое имя.

Почему-то я все время натькался взглядом на одну и ту же девицу; на фоне черной майки кожа ее казалась ослепительно белой. Она выкрикивала мое имя, как будто оно причиняло ей физическую боль; зрачки у нее были так расширены, что глаза казались черными и бездонными. Чем-то она неуловимо напоминала сестру Виктора — то ли вздернутым носиком, то ли низко посаженными джинсами, непонятно каким чудом державшимися на тощих бедрах. Только Энджи на пушечный выстрел не подошла бы к подобному клубу.

Внезапно меня словно понесло куда-то. Голоса, хором выкрикивавшие мое имя, больше не отзывались ознобом, и музыка зазвучала тише, чем стук моего собственного сердца, и перестала казаться чем-то важным.

Именно в этот момент я должен был вступать, чтобы разбавить голосом безостановочную дробь, которую выбивал Виктор на своих барабанах, но мне почему-то не захотелось, а Виктора так плющило, что он ничего не заметил. Он приплясывал на месте, и казалось, ему мешают оторваться от земли только барабанные палочки в руках.

Прямо передо мной, в толпе голых животов и вскинутых в воздух потных рук, неподвижно стоял какой-то мужик. Лазерные вспышки и лучи стробов время от времени

выхватывали его из мрака, и я, точно замороженный, смотрел, как напирают на него со всех сторон подергивающиеся в танце тела, а он все так же неподвижно стоит на месте. Он глядел на меня, задумчиво хмуря низкие брови.

Я уставился на него в ответ, и на меня вдруг повеяло запахом дома, оставшегося далеко-далеко от Торонто.

Я не знал, настоящий он или просто мне мерещится. Может, мне вообще примерещилось все в этом чертовом клубе?

Он скрестил руки на груди и продолжал смотреть, а сердце у меня так и норовило выскочить из груди.

Надо было во что бы то ни стало удержать его на месте. Пульс вдруг понесся как бешеный, а потом сердце вырвалось на свободу, меня обдало жаром, и я рухнул лицом в клавиатуру. Раздался прерывистый вой. Я пытался ухватиться за клавиши, но пальцы были чужие.

Лежа на сцене, я чувствовал, как от моей щеки во все стороны разбегается огонь; Виктор бросил на меня убийственный взгляд — похоже, он наконец заметил, что я пропустил свою партию.

А потом я отключился на сцене клуба «Джозефина».

Я был по горло сыт «Наркотикой». Я был по горло сыт Коулом Сен-Клером.

— Знаешь, — буркнула Изабел, — когда я просила тебя позвонить мне на выходных, я не предполагала, что ты потащишь меня в лес по такой холодрыге.

Она недовольно посмотрела на меня, очень бледная и до странности хорошо вписывающаяся в промозглый весенний пейзаж в своем белом пальто с отороченным мехом капюшоном, который обрамлял ее тонкое лицо с глазами-льдинками, делая Изабел похожей на принцессу из скандинавских сказаний.

— Не такая уж и холодрыга, — возразила я, сбивая с подошвы сапога налипший ноздреватый снег. — И вообще, все не так плохо. Ты же сама хотела выбраться из дома.

Все и на самом деле было не так плохо. Потеплело, и на припеке снег уже практически растаял; лишь под деревьями еще оставались маленькие островки. С наступлением тепла в серый зимний пейзаж начали потихоньку проникать краски. Хотя кончик носа у меня по-прежнему немел от холода, пальцам в перчатках было тепло и уютно.

— Чем жаловаться, шла бы лучше вперед, — сказала я. — Это ведь ты видела здесь волков, а не я.

Лес, который начинался за домом родителей Изабел, был мне совершенно незнаком. Густые сосны и еще какие-то стройные деревья с серыми стволами, которых я не знала. Сэм наверняка сказал бы, как они называются.

— Ну, вообще-то я тоже раньше здесь не бывала, — огрызнулась Изабел, но прибавила шагу и вскоре поравнялась со мной. Мы зашагали рядом на расстоянии ярда или двух друг от друга, перебираясь через бурелом и невысокие кусты. — Просто я знаю, что они всегда появляются на том краю двора, а их вой доносился откуда-то со стороны озера.

— Озера Двух Островов? — уточнила я. — Это далеко отсюда?

— По ощущениям — ужасно, — пожаловалась Изабел. — Так зачем мы сюда потащились? Волков пугать? Искать Оливию? Если бы я знала, что Сэм немедленно бросится обо всем докладывать тебе, я бы ни слова ему не сказала.

— И за тем и за другим. Только Сэм никуда не бросался. Он просто беспокоится. Я не считаю, что это беспокойство на пустом месте.

— Ну да. Ладно. Думаешь, Оливия точно уже могла превратиться в человека? Если нет, мы могли бы совершить утреннюю пробежку до моей машины и поехать куда-нибудь пить кофе.

Я отодвинула в сторону преградившую путь ветку и прищурилась; мне показалось, что между деревьями блеснула вода.

— Сэм сказал, сейчас новый волк уже может превратиться обратно в человека, по крайней мере на короткое время. Если достаточно тепло. Как сегодня.

— Ну ладно, тогда поедем пить кофе после того, как не найдем ее, — заявила Изабел. — Смотри, вон твое озеро. Довольна?

— Угу.

Я нахмурилась, внезапно заметив, что деревья вокруг стали совершенно другими. Более редкими и равномерными, со спутанным, нежным, сравнительно молодым подлеском. Я

остановилась как вкопанная, увидев среди тусклой бурой соломы искорку цвета. Это был крокус — крохотный лиловый росток с еле заметным желтым глазком. В нескольких дюймах от него сквозь прелую листву пробивались еще несколько нежно-зеленых стебельков и два цветка, свидетельство наступающей весны, но, самое главное, человеческого присутствия в чаще леса. Мне хотелось опуститься на корточки и потрогать лепестки крокуса, чтобы убедиться, что они мне не мерещатся. Но бдительный взгляд Изабел заставил меня удержаться от этого.

— Что это здесь?

Изабел перебралась через упавший сук и, остановившись рядом со мной, взглянула на островок отважных маленьких цветов.

— А, это! В старые добрые времена, еще до того, как мы купили этот дом, у бывших хозяев была проложена дорога к озеру и разбито что-то вроде садика. Там, ближе к воде, есть еще скамейки и статуя.

— Пойдем посмотрим? — попросила я, зачарованная идеей заброшенного потаенного мирка в лесной чаще.

— Да мы уже пришли. Вон скамейка.

Изабел сделала несколько шагов по направлению к озеру и пнула носком сапога бетонную скамью. Она вся поросла зеленым мхом, в котором там и сям виднелись пятна оранжевого лишайника, так что, если бы не Изабел, я бы ее и не заметила. Однако как только мне указали, куда смотреть, я без труда различила очертания сиденья, а чуть подальше и второе, и небольшую статую женщины; она стояла, вскинув руки ко рту, как будто в изумлении, и смотрела в сторону озера. Вокруг подножия статуи и ножек скамей тоже пробивались упругие зеленые ростки, а посреди островка снега чуть поодаль я заметила еще несколько крокусов. Изабел разворошила ногой палую листву.

— Вот еще, посмотри сюда. Там внизу камень. Наверное, тут было что-то вроде патио. Я в прошлом году обнаружила.

По ее примеру я принялась разгребать листву и, разумеется, тоже наткнулась на камень. Наша цель была немедленно забыта, и я начала расчищать покрытый влажной грязью пятак от листьев.

— Изабел, это не простой камень. Взгляни. Это... это... — Я запнулась, не найдя подходящего обозначения для прихотливого узора из булыжников.

— Мозаика, — подсказала Изабел, разглядывая замысловатые завитки под ногами.

Я присела на корточки и прутиком соскребла с нескольких камней налипшую грязь. В большинстве своем это были обычные булыжники, но среди них попадались осколки искристо-голубых и красных изразцов. Я расчистила еще кусочек мозаики, и моим глазам открылся узорчатый орнамент с архаичного вида улыбающимся солнцем посередине. Этот сияющий лик, скрытый под грязной прелой листвой, вызвал у меня странное чувство.

— Сэму бы понравилось, — сказала я.

— Где он, кстати? — поинтересовалась Изабел.

— Прочесывает лес за домом Бека. Зря он не пошел с нами.

Я так и видела, как нависшие брови Сэма взлетают вверх при виде мозаики и статуи. Сэм жил такими вещами.

Однако мое внимание привлек какой-то предмет под скамьей, и я вернулась к реальности. Это оказалась тонкая, серовато-белая... кость. Я протянула руку и подняла ее; на ней виднелись отметины зубов. И тут мне бросились в глаза другие такие же кости,

разбросанные повсюду вокруг и полускрытые в палой листве. Из-под скамьи выглядывала стеклянная миска, щербатая и в пятнах, однако определенно не имевшая никакого отношения к старине. Мне понадобилось всего полсекунды, чтобы сложить два и два.

Я поднялась и очутилась лицом к лицу с Изабел.

— Ты их подкармливала?

Изабел метнула на меня испепеляющий взгляд и ничего не ответила.

Я извлекла миску из-под скамьи и вытряхнула со дна два скукоженных листка.

— И чем же ты их кормила?

— Христианскими младенцами, — огрызнулась Изабел.

Я покосилась на нее.

— Да мясом, мясом. Я же не идиотка. Да и то когда было по-настоящему холодно. И вообще, все равно все сжирали глупые еноты.

Она произнесла это с вызовом, почти гневно. Я уже совсем было собралась подколоть ее по поводу так неожиданно обнаружившегося у нее доброго сердца, но услышала в ее голосе звенящие нотки и передумала.

— Или хищные олени, — пошутила я вместо этого. — В стремлении увеличить количество белка в рационе.

Губы Изабел дрогнули в легкой улыбке, как обычно больше походившей на ухмылку.

— А я-то грешила на снежного человека.

Тишину прорезал пронзительный крик, похожий на зловещий смех и доносившийся со стороны озера, потом — плеск воды. Мы вздрогнули от неожиданности.

— О господи, — охнула Изабел, схватившись за сердце.

— Это гагара. Мы ее испугнули, — с облегчением вздохнула я.

— Черт бы побрал эту живность. И вообще, если эту гагару испугнули мы, вряд ли Оливия где-то поблизости. Думаю, своим превращением из волчицы в девушку она наделала бы шуму побольше нашего.

В ее словах было рациональное зерно. К тому же я до сих пор не придумала никакого способа объяснить внезапное возвращение Оливии в Мерси-Фоллз, так что в глубине души испытала некоторое облегчение.

— Ну как, теперь мы можем ехать пить кофе?

— Угу, — отозвалась я.

Однако ноги сами понесли меня через заброшенное патио к озеру. Теперь, когда я знала, что под ногами у меня мозаика, казалось странным, как я могла не замечать, насколько неподатлива поверхность, по которой я ступаю, насколько не похожа она на мягкий лесной ковер. Перед скульптурой женщины я остановилась и ахнула при виде открывшейся мне картины. Лишь потом, когда зеркальная гладь озера с плывущей по ней черноголовой гагарой в обрамлении голых деревьев успела отпечататься в моем сознании, до меня дошло, что я безотчетно скопировала позу застывшей в вечном изумлении статуи.

— Ты это видела?! — не удержалась я от восклицания.

Изабел подошла ко мне.

— Пейзаж как пейзаж, — пожалала она плечами. — Купи себе открытку с видом. Поехали.

Я перевела взгляд на подножия деревьев и обомлела.

— Изабел, — прошептала я.

Позади статуи в куче палой листвы лежал волк; его серая шкура почти сливалась с

мертвыми листьями. Я различила краешек черного носа и торчащее из вороха листьев ухо.

— Ондохлый, — сказала Изабел, не потрудившись понизить голос. — Видишь, у него на морде лист. Похоже, он здесь давно.

Сердце у меня продолжало колотиться; мне пришлось напомнить себе, что Оливия превратилась в белую волчицу, а не в серую. И что Сэм благополучно перезимовал в человеческом обличье. Этот волк не мог быть кем-то из них.

С другой стороны, это мог быть Бек. Меня волновали только Сэм с Оливией, но Бек много значил для Сэма. И он был как раз серый.

Только бы не Бек.

Сглотнув, я опустилась перед волком на колени; Изабел принялась ворошить листву. Я осторожно сняла с волчьей морды прикрывавший ее лист и даже сквозь перчатку ощутила под ладонью колючий волчий мех. Когда я отняла руку, примятые черные, серые и белые волоски распрямились. Я осторожно приоткрыла один глаз. Тускло-серый, совсем не волчий, он смотрел куда-то в неведомые мне дали. У Бека глаза были не такие. Вздохнув с облегчением, я отодвинулась от него и взглянула на Изабел.

— Интересно, кто он такой, — сказала я, и одновременно со мной она произнесла:

— Интересно, от чего он умер.

Я погладила волчью шкуру; зверь лежал на боку со скрещенными лапами и распластанным, точно приспущенный флаг, хвостом. Я закусила губу.

— Крови вроде не видно.

— Переверни его, — посоветовала Изабел.

Я осторожно взяла волка за лапу и перевернула на другой бок; тело почти не окоченело; несмотря на то что на морде у него лежал лист, волк был мертв не так уж и давно. Я поморщилась, ожидая увидеть неприглядную картину, однако и на другом боку никаких видимых ран не обнаружилось.

— Может, он умер от старости, — предположила я.

Когда мы только познакомились с Рейчел, у нее был пес, дряхлый золотистый ретривер с седой от старости мордой.

— Да не похож он на старого, — усомнилась Изабел.

— Сэм говорит, волки умирают лет через пятнадцать после того, как перестают превращаться, — сказала я. — Может, это как раз такой случай.

Я приподняла волчью морду и принялась разглядывать ее в попытке обнаружить предательские седые щетинки. Изабел у меня за спиной с отвращением фыркнула, но я не сразу поняла, что послужило тому причиной. Волчью морду покрывали пятна засохшей крови. Поначалу я решила, что это кровь его последней жертвы, однако потом увидела, что и та сторона морды, которая покоилась на земле, тоже окровавлена. Это была волчья кровь.

Я снова сглотнула; меня слегка замутило. Однако мне не хотелось, чтобы Изабел сочла меня неженкой, и я сказала:

— Может, его сбила машина и он приполз сюда?

Изабел снова фыркнула — не то с отвращением, не то презрительно.

— Нет. Глянь на его нос.

Она была права: из волчьих ноздрей сочились тонкие струйки свежей крови.

Я смотрела на них, как замороженная, не в силах отвести глаз. Если бы не Изабел, не знаю, сколько бы еще я сидела на корточках, держа в ладонях волчью морду и глядя на этого волка — на этого человека, — который умер в луже собственной крови.

Но Изабел стояла рядом, и я бережно опустила голову волка обратно на землю. Не снимая перчатки, я одним пальцем погладила мягкую шерстку на боку волчьей морды, и меня немедленно охватило извращенное желание снова взглянуть на другую ее сторону, ту, что была окровавлена.

— Может, он чем-то болел? — высказала я предположение.

— Думаешь? — хмыкнула Изабел и пожала плечами. — Может, у него просто пошла кровь из носа. У волков бывают носовые кровотечения? Когда из носа идет кровь, можно даже подавиться, если запрокинуть голову.

Под ложечкой у меня засосало от дурного предчувствия.

— Грейс. Хватит. Возможно, кровотечение вызвала травма головы. Или его обглодали какие-нибудь звери уже после того, как он умер. Или были еще какие-нибудь причины, слишком неаппетитные, чтобы думать о них перед обедом. Он мертв. Все.

Я посмотрела на безжизненный серый глаз.

— Наверное, нужно его похоронить.

— Наверное, можно сперва выпить кофе.

Я поднялась и отряхнула колени от грязи. Меня не отпускало тягостное чувство, какое бывает, когда оставляешь что-то несделанным, какое-то гнетущее беспокойство. Может, Сэм что-нибудь подскажет?

— Ладно, — нарочито легкомысленным тоном сказала я. — Поедем погреемся, я заодно позвоню Сэму. Может, он тоже захочет взглянуть.

— Погоди. — Изабел вытащила свой сотовый телефон, нацелила его на волка и сделала снимок. — Попытаемся подключить к делу голову. Добро пожаловать в мир высоких технологий, Грейс.

Я взглянула на экранчик ее телефона. Волчья морда, заскорузлая от крови, на экране мобильного телефона казалась ничем не примечательной и невредимой. Если бы я не видела этого волка своими глазами, ни за что бы не заподозрила, что с ним что-то не так.

Я сидел в «Кенниз» уже минут пятнадцать, глядя, как официантка снует между другими кабинками, когда Грейс постучала по стеклу с той стороны. Подсвеченная сзади ярким солнцем, она казалась темным силуэтом; я различил лишь ее белозубую улыбку и воздушный поцелуй, который она послала мне, а потом они с Изабел завернули за угол и двинулись ко входу в закусочную.

Миг спустя Грейс, раздурившаяся от холода, плюхнулась на обшарпанное красное сиденье; ткань джинсов со скрипом скользнула по вечно засаленной поверхности. Когда она приблизилась, чтобы поцеловать меня, я шарахнулся от нее.

— От меня что, воняет? — осведомилась она беззлобно и, положив мобильник и ключи от машины на стол, потянулась взять меню.

Я отодвинулся и кивнул на ее перчатки.

— Вообще-то воняет. От твоих перчаток пахнет волком. И ничего хорошего этот запах не предвещает.

— Спасибо за поддержку, человек-волк, — сказала Изабел. Грейс протянула ей меню, она решительно покачала головой и добавила: — Вся машина пропахла мокрой псиной.

Я не стал бы так уверенно утверждать про мокрую псину; да, от перчаток Грейс исходил самый обычный мускусный волчий запах, но к нему примешивалось что-то еще — какая-то неприятная нотка, раздражавшая мое все еще обостренное обоняние.

— Пфф, — фыркнула Грейс. — Пойду отнесу их в машину. Только не надо делать вид, будто вас обоих сейчас стошнит. Если подойдет официантка, возьмите мне кофе и что-нибудь с беконом, ладно?

Пока она отсутствовала, мы с Изабел сидели в неловком молчании; из динамиков лилась какая-то песенка, а из кухни доносился звон посуды. Я разглядывал искривленную тень от солонки на контейнере с пакетиками сахара. Изабел внимательно изучала объемистые манжеты своего свитера.

— Ты сделал еще одну птицу, — произнесла она наконец.

Я покрутил в пальцах журавлика, которого сложил из салфетки, пока ждал их с Грейс. Журавлик вышел кривобокий и неказистый, потому что салфетка была не совсем квадратная.

— Угу.

— Зачем?

Я потер нос, пытаюсь избавиться от волчьего запаха.

— Не знаю. У японцев есть поверье, что, если сложить из бумаги тысячу журавликов, исполнится любое твоё желание.

Вечно изогнутая правая бровь Изабел придавала ее улыбке какое-то жестокое выражение.

— У тебя есть неудовлетворенные желания?

— Нет, — сказал я, и тут Грейс снова плюхнулась на свое прежнее место рядом со мной. — Все мои желания уже исполнились.

— Что за желания? — заинтересовалась Грейс.

— Поцеловать тебя, — сказал ей я.

Она наклонилась ко мне и подставила шею, и я поцеловал ее за ушком, сделав вид, что не чувствую исходящего от ее кожи пряного волчьего запаха. Изабел прищурилась, хотя на губах у нее продолжала играть улыбка, и я понял, что моя реакция от нее не укрылась.

К нашей кабинке подошла официантка, и я отвел взгляд. Грейс заказала кофе и сэндвич с беконом, салатом и помидорами. Я попросил суп дня и чай. Изабел ограничилась чашкой кофе, а когда официантка удалилась, вытащила из маленькой кожаной сумочки батончик мюсли.

— Аллергия? — поинтересовался я.

— Ага, — отозвалась Изабел. — На захолустье. И на жирное. Там, где я жила раньше, были человеческие кофейни. Здесь же, когда я произношу «панини», в ответ слышу хорошо если не «свят-свят».

Грейс рассмеялась и взяла моего журавлика; в ее пальцах он замахал крыльями.

— Когда-нибудь мы поедем в Дулут и наедемся панини до отвала, — пообещала она Изабел. — А пока что ешь бекон, он тоже полезный.

Изабел скептически скривилась.

— Ну, если под пользой понимать целлюлит и прыщи, то конечно. Так что там с тем трупом, Сэм? Грейс мне рассказала... Ты ведь говорил о том, что, когда волки перестают превращаться, им остается еще пятнадцать лет.

— Ну, спасибо тебе, Изабел, — пробормотала Грейс и покосилась на меня, чтобы посмотреть, как я отреагирую на слово «труп».

Впрочем, она уже успела по телефону сообщить мне, что это не Бек, не Пол и не Ульрик, так что я и бровью не повел.

Нимало не смутившись, Изабел пожала плечами и щелкнула крышечкой телефона. Она подвинула его ко мне.

— Первая картинка.

Я развернул аппарат к себе; под корпусом захрустели невидимые крошки. Волк на экране был определенно мертв; у меня защемило сердце, но я горевал не в полную силу. Человеком этого волка я никогда не знал.

— Думаю, вы правы, — сказал я. — Потому что я видел его только в волчьем облике. Должно быть, он умер от старости.

— Сомневаюсь, что он умер от естественных причин, — возразила Грейс. — И потом, у него на морде не было седины.

Я распрямился.

— Я знаю только то, что сказал мне Бек. Что мы... они... — я запутался в местоимениях, поскольку перестал быть одним из «них», — живут еще лет десять — пятнадцать после того, как перестают превращаться. Столько живут обычные волки.

— У него кровь текла из ноздрей, — сказала Грейс почти сердито, как будто раздраженная тем, что ей пришлось произнести это вслух.

Я покрутил телефон на вытянутой руке, пытаюсь получше разглядеть волчью морду. Ничто в расплывчатом изображении не наводило на мысль о насильственной смерти.

— Ее было не очень много, — ответила Грейс на мои невысказанные сомнения. — Когда умирали другие волки, у кого-нибудь из них была кровь на морде?

Я попытался припомнить всех волков, которые умерли, когда я жил в доме Бека.

Воспоминания сливались и наслаивались друг на друга: Пол и Бек с брезентом и лопатами, Ульрик, горланящий: «Хороший он все-таки парень».

— Я все это помню очень смутно. Может, этот волк повредил голову.

Я старательно запрещал себе думать о человеке, заточенном в волчью шкуру.

Грейс ничего не ответила; официантка принесла нам еду и напитки. Повисло долгое молчание. Я цедил свой чай, Изабел — кофе. Грейс задумчиво разглядывала свой сэндвич.

— Для дешевой забегаловки у них на удивление приличный кофе, — заметила Изабел.

В глубине души я восхитился тем, что она даже не оглянулась, чтобы посмотреть, не услышит ли ее официантка; видеть столь непробиваемую бесчувственность было почему-то отраднo. Впрочем, еще больше я радовался тому, что сижу рядом не с ней, а с Грейс; та метнула на Изабел взгляд, в котором красноречиво читалось: «Иной раз я сама не понимаю, почему с тобой общаюсь».

— Ого, — сказал я, бросив взгляд на открывшуюся дверь. — Кто пришел!

Это был Джон Маркс, старший брат Оливии. Не скажу, чтобы я жаждал с ним пообщаться, и поначалу казалось, что и не придется, потому что Джон, видимо, нас не заметил. Он направился напрямик к барной стойке и уселся на табурет. Не успел он сделать заказ, как официантка принесла ему кофе; он сгорбился над чашкой, облокотившись на стойку.

— А он клевый, — заметила Изабел таким тоном, как будто в ее глазах это был скорее недостаток.

— Изабел, — прошипела Грейс. — А не убавить ли тебе громкость?

Та поджала губы.

— А что? Оливия же не умерла.

— Я пойду и приглашу его к нам за столик, — сказала Грейс.

— Ох, нет, не надо, пожалуйста, — попросил я. — Придется ему врать, а я в этом не спец.

— Зато я спец, — пожалала плечами Грейс. — У него несчастный вид. Я сейчас.

Минуту спустя она вернулась в сопровождении Джона и уселась рядом со мной. Джон остался стоять у стола; Изабел не сразу подвинулась, чтобы дать ему место, и вид у него сделался слегка сконфуженный.

— Ну, как ты? — с сочувствием спросила Грейс, облакачиваясь на стол.

Возможно, какой-то подвох в ее голосе мне лишь почудился, однако я был уверен, что не ошибся. Мне уже доводилось слышать эти нотки, когда она задавала вопрос, ответ на который знала заранее и он ей нравился.

Джон покосился на Изабел, которая довольно демонстративно от него отстранилась, и склонился к нам с Грейс.

— Я получил от Оливии письмо по электронной почте.

— Письмо? — эхом отозвалась Грейс.

В ее голосе прозвучала точно выверенная в пропорциях смесь надежды, изумления и надрыва. Ровно то, чего можно ожидать от горюющей девочки, которая не теряет надежды, что ее лучшая подруга все еще жива. Вот только Грейс была в курсе, что Оливия на самом деле жива.

Я покосился на нее.

Грейс проигнорировала мой взгляд и продолжала взирать на Джона с видом воплощенной невинности и выражением напряженного внимания.

— И что там написано?

— Что она была в Дулуте и скоро вернется домой! — Джон развел руками. — Я просто не знал, то ли скакать от радости, то ли плакать. Как она могла так поступить с нашими родителями? А теперь просто взяла и написала: «Так что я уже скоро вернусь», — как будто ездила навестить друзей. Ну, то есть я страшно рад, но, Грейс, до чего же меня это бесит!

Он откинулся на спинку сиденья; вид у него был такой, как будто он сам не ожидал от себя подобной откровенности. Я скрестил руки на груди и подался вперед, пытаюсь погасить ревность. Меня задел тон, которым Джон назвал Грейс по имени, — как будто их что-то связывало. Забавно, сколько узнаешь о собственных недостатках, когда любишь.

— А когда? — продолжала наседавать Грейс. — Когда она обещала приехать?

Джон пожал плечами.

— Разумеется, она не написала ничего определенного. Там было просто «скоро».

Грейс просияла.

— Зато она жива!

— Угу, — сказал Джон; глаза у него тоже сияли. — Полицейские говорили, чтобы мы особо не надеялись. Это было хуже всего. Не знать, жива она или нет.

— Кстати, о полицейских, — встряла Изабел. — Вы показывали им письмо?

Грейс одарила Изабел не вполне добрым взглядом, однако, когда Джон опять обернулся к ней, ее лицо вновь выражало кроткий интерес.

— Мне не хотелось выслушивать от них, что это может оказаться неправдой, — с виноватым видом сказал он. — Наверное... наверное, надо. Они ведь могут отследить, откуда оно было послано.

— Вот именно, — произнесла Изабел, однако взгляд ее был устремлен на Грейс, а не на Джона. — Я слышала, полицейские могут отслеживать ай-пи адреса, или как это там называется. Так что они могут определить, из какой местности оно послано. Например, прямо отсюда, из Мерси-Фоллз.

— Но если его отправили из интернет-кафе в каком-нибудь большом городе вроде Дулута или Миннеаполиса, толку от этого не будет практически никакого, — со значением произнесла Грейс.

— Не знаю, хочу ли я, чтобы Оливию приволокли домой на аркане, — перебил ее Джон. — Ей уже почти восемнадцать, и она не глупышка. Мне ее не хватает, но если она уехала, то сделала это не с бухты-барахты.

Мы как по команде воззрились на него; впрочем, думаю, каждый по своей причине. Я подумал, насколько понимающим и бескорыстным человеком нужно быть, чтобы так говорить, пусть даже ему известны не все факты. Во взгляде Изабел читалось нечто более напоминающее «ты что, совсем идиот?». Грейс смотрела с восхищением.

— Ты хороший брат, — сказала Грейс.

Джон уткнулся в свою чашку.

— Ну, насчет этого не знаю. Ладно, пойду я. Мне нужно в школу.

— В субботу?

— У меня семинар, — пояснил Джон. — Дополнительные занятия. Законный повод свалить из дома. — Он выбрался из кабинки и вытащил из кармана несколько долларовых бумажек. — Отдадите официантке, ладно?

— Угу, — пообещала Грейс. — Увидимся?

Джон кивнул и вышел. Не успел он скрыться за дверью, как Изабел плюхнулась на

середину сиденья напротив Грейс.

— Да, Грейс, я и не подозревала, что у тебя совсем нет мозгов, — покачала она головой. — Надо же было додуматься до такой глупости!

Формулировку на ее месте я бы несколько смягчил, однако суть моих мыслей она отражала вполне верно.

— Да ну, — отмахнулась Грейс. — Я послала письмо, когда в прошлый раз была в Дулуте. Хотела дать им хоть какую-то надежду. И потом, я подумала, что полицейские не станут так рыть носом землю, если будут думать, что это практически законный побег, а не возможное похищение или убийство. Видите, я как раз включила мозги.

Изабел вытряхнула на ладонь немного мюсли.

— В общем, я считаю, что нечего тебе лезть в это дело. Сэм, скажи ей, чтобы не лезла.

Вся эта затея мне тоже не слишком нравилась, однако же я сказал:

— Грейс — большая умница.

— Грейс — большая умница, — сообщила Грейс Изабел.

— Как правило, — добавил я.

— Может, стоит ему рассказать, — произнесла Грейс.

Мы с Изабел вытаращились на нее.

— А что? Он же ее брат. Он любит ее и хочет ей добра. И потом, не понимаю, к чему такая секретность, если это все какой-то научный эксперимент. Да, обычные люди точно воспримут это плохо. Но родные-то? Думаю, им будет проще это принять, если объяснение лежит в области логики, а не сверхъестественного.

Я даже дар речи потерял, такой ужас вызвала у меня эта идея. Сам не знаю, отчего моя реакция оказалась настолько сильной.

— Сэм, — произнесла Изабел, и я очнулся, обнаружив, что все так же сижу в кафе и потираю исполосованное шрамами запястье.

Изабел взглянула на Грейс.

— Грейс, более дурацкой идеи я в жизни своей не слышала. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы из Оливии сделали подопытного кролика. И потом, Джон явно слишком на взводе, чтобы спокойно воспринять всю концепцию.

Этот довод показался мне разумным.

— Не думаю, что он подходящая кандидатура для таких откровений, Грейс, — кивнул я.

— Но Изабел же ты рассказал!

— У нас не было иного выхода, — произнес я, прежде чем Изабел успела напустить на себя самодовольный вид. — Она и так почти обо всем уже догадалась сама. Думаю, это как раз тот случай, когда меньше знаешь — крепче спишь.

Грейс сделала непроницаемое лицо; это значило, что она в раздражении, поэтому я добавил:

— Но я все равно считаю, что ты большая умница. Как правило.

— Как правило, — повторила за мной Изабел. — Пойду-ка я отсюда, пока окончательно не прилипла к сиденью.

— Изабел, — сказал я; она уже поднялась, но застыла на месте и посмотрела на меня странным взглядом, как будто я никогда прежде не называл ее по имени. — Я хочу его похоронить. Волка. Может, даже сегодня, если земля не замерзшая.

— Можешь не спешить, — усмехнулась Изабел. — Он никуда не убежит.

Грейс склонилась ко мне, и меня снова обдало запахом смерти. Я пожалел, что не

рассмотрел снимок в телефоне Изабел повнимательнее. Мне очень хотелось, чтобы причина смерти волка была более очевидной. Тайнами я был сыт по горло.

Я был человеком.

На следующий день после того, как я похоронил волка, ударили холода. Мартовская миннесотская погода снова продемонстрировала себя во всей своей переменчивой красе: сегодня у нас может быть за тридцать, а завтра хорошо если двенадцать-тринадцать градусов.^[2] Просто поразительно, как тепло кажется в тридцать два градуса после того, как два месяца градусник не показывал выше десяти. Мне никогда не приходилось переносить такую стужу в человеческой шкуре. Стоял пронизывающий холод, и весна казалась невообразимо далекой. Если бы не ярко-алые грозди ягод на ветках падубов, в мире не осталось бы цветных пятен. Дыхание клубами стыло под носом, глаза слезились от холода. Воздух пах так, как будто я волк, однако же я им не был.

Эта мысль окрыляла и ранила меня одновременно.

За целый день в книжном магазине побывало всего два человека. Я задумался, чем бы заняться после работы. Обыкновенно, когда смена кончалась раньше, чем Грейс приходила из школы, я устраивался на втором этаже с какой-нибудь книжкой, лишь бы не возвращаться в пустой дом Брисбенов. Без нее он был всего лишь местом, где я ждал ее, баюкая тупую боль в груди.

Сегодня боль увязалась за мной на работу. Я уже написал песню, вернее, отрывок.

Пусть все это тайна, пусть всем наплевать,
 пусть знание это никак не мешает тебе
 жить, чувствовать... что еще? Да, ну конечно,
 дышать —
 и знать, что известно тебе обо мне.

Скорее, это лишь надежда на песню. Моя смена подходила к концу, а Грейс сегодня училась допоздна, так что я притулился за прилавком с томиком Ретке, однако сейчас мое внимание занимали кружащиеся за окном снежинки, а не слова поэта.

Тьма, тьма мой свет, желанья — сущий мрак.
 Душа, в жаре июля бешеная муха —
 лбом о стекло, жужжит. Который я из двух?^[3]

Я опустил глаза, посмотрел на свои пальцы, держащие книгу, — бесценные сокровища! — и мне стало стыдно за смутную тоску, не дававшую мне покоя.

Стрелки часов подползли к пяти. В это время я обыкновенно запирал главный вход, вешал на дверь табличку «Закррито» и через служебный вход шел к своему «фольксвагену».

Но на сей раз я не стал этого делать. Запер заднюю дверь, взял гитару в чехле и вышел

через главный вход, едва не поскользнувшись на обледенелом пороге. Я натянул шапочку, которую купила мне Грейс в бесплодной попытке защитить меня от холода, но при этом добавить сексуальности моему внешнему виду. Выйдя, я остановился посреди тротуара и стал смотреть, как на пустынную улицу падают снежинки. Повсюду вокруг, точно грязные скульптуры, высились слежавшиеся снежные сугробы. Сосульки придавали витринам магазинов сходство с зубастыми улыбками.

От холода слезились глаза. Я протянул руку; снежинки садились на ладонь и таяли на коже.

Это была какая-то ненастоящая жизнь. Я как будто наблюдал за ней из окна. Или смотрел по телевизору. Я не помнил даже, когда не прятался от всего этого.

Мне было холодно, на ладони у меня лежала пригоршня снега, а я оставался человеком. Будущее простиралось передо мной, бесконечное и прекрасное, и я был его хозяином. А ведь никогда прежде я на это даже не надеялся.

Меня вдруг охватил беспричинный восторг, лицо расплылось в неудержимой улыбке; мне невероятно, фантастически повезло. Я поставил на карту все и сорвал банк, и теперь мир принадлежал мне, а я ему. Я рассмеялся во весь голос, благо никто вокруг, кроме снежинок, не мог меня услышать, и спрыгнул с тротуара в сереющий сугроб. Меня пьянила реальность моего человеческого тела. Впереди была целая жизнь, полная зим, теплых шапок, поднятых для тепла воротников, покрасневших от холода носов, новогодних ночей. Я вприпрыжку побежал через улицу, размахивая чехлом с гитарой и оскальзываясь на утрамбованном колесами машин снегу, и тут мне засигналила какая-то машина.

Я помахал водителю, заскочил на тротуар и зашагал дальше, стряхивая снег с каждого стояночного счетчика, мимо которого проходил. В ботинки набился снег, так что штанины внизу обледенели и встали колом, пальцы занемели от холода и покраснели, а я все равно оставался собой. Навечно.

Я бродил вокруг квартала, пока холод не утратил своей новизны, потом вернулся к машине и посмотрел на часы. У роки у Грейс еще не закончились, а ехать к ней домой с риском нарваться вместо нее на кого-нибудь из ее предков мне не улыбалось. Сказать, что подобные встречи заканчивались взаимной неловкостью, значит ничего не сказать. Чем меньше мы с Грейс скрывали наши отношения, тем меньше общих тем находилось у ее родителей со мной, а у меня — с ними. Так что я направился к дому Бека. Рассчитывать на то, что кто-то из новых волков уже превратился в человека, не приходилось, но я решил, что прихвачу оттуда кое-какие свои книги. Детективы, которыми были забиты книжные полки у Грейс, мне не особенно нравились.

Я выехал на шоссе и покатил вперед в отгорающем свете пасмурного дня. С обеих сторон к обочинам подступал Пограничный лес. Вскоре я очутился на пустынной улице, которая вела к дому Бека.

Подъездная дорожка была пуста, я выбрался из машины и полной грудью втянул в себя воздух. В здешнем лесу он был не такой, как около дома Грейс: терпко пахло березами и тянуло озерной сыростью. Я уловил и резкий мускусный дух стаи.

По привычке я направился к задней двери. Свежий снег скрипел под подошвами, забивался в штанины джинсов. Я провел ладонью по заснеженным верхушкам кустов перед домом, подспудно ожидая — сейчас нахлынет волна тошноты, всегдашней предвестницы превращения. Но она не нахлынула.

Перед дверью я заколебался, еще раз оглядел заснеженный двор и опушку леса. С этим

пятачком земли у меня были связаны тысячи воспоминаний.

Я обернулся к двери и понял, что она не открыта, но и не заперта полностью, а скорее прикрыта так, чтобы ее не распахнул случайный порыв ветра. Дверная ручка была в чем-то красном. Должно быть, кто-то из волков превратился в человека раньше времени — больше некому. Так рано это мог быть только кто-то из новообращенных волков, да и те едва ли могли задержаться в таком виде сколько-нибудь надолго, пока весь двор был покрыт настом.

Я толкнул дверь и крикнул:

— Привет!

Ответом мне был какой-то шорох из кухни. Звук был странный, как будто на кафельном полу происходила какая-то возня, и я встревожился. Я попытался придумать что-нибудь такое, что прозвучало бы ободряюще для волка, но в то же время не показалось бы полным бредом человеку.

— Кто бы ты ни был, я свой.

Я вошел в темное помещение и как вкопанный остановился перед кухонным островом в центре — в нос мне ударил запах озерной тины. Я щелкнул выключателем и спросил:

— Кто здесь?

Первое, что я увидел, это нога — человеческая, босая и грязная; когда она дернулась, я тоже вздрогнул от неожиданности. Подойдя ближе, я увидел на полу парня; он лежал скрючившись, его сильно трясло. Темно-каштановые волосы слиплись от грязи, распростертые руки покрывали ссадины, свидетельствовавшие о том, что ему пришлось пробираться через чащу. От него разило волком.

Умом я понимал, что это должен быть один из новых волков, которых Бек инициировал в прошлом году. Однако при мысли о том, что Бек специально его выбрал и что передо мной новообращенный член стаи, первый за бог знает сколько времени, меня пробрала странная дрожь.

Он повернул ко мне лицо; несмотря на то что сейчас должен был испытывать боль — а я помнил, что это за боль, — он выглядел вполне спокойным. А еще я где-то его видел. Что-то в резких очертаниях его скул и разрезе ослепительно зеленых глаз казалось до боли знакомым, связанным с каким-то именем, брезжившим на краю сознания. При более обыденных обстоятельствах я бы вспомнил его, но тогда не стал напрягать память.

— Я сейчас превращусь обратно в волка? — спросил он, слегка опарашив меня своим голосом.

Не только тембром, который оказался довольно резким и более взрослым, чем я ожидал, но и тоном. Произнесено это было совершенно хладнокровно, несмотря на то что плечи у него содрогались, а пальцы под ногтями начинали наливаться синевой.

Я присел рядом с ним, примеряясь к словам и чувствуя себя ребенком, нацепившим отцовский костюм. Еще год назад все это объяснял бы новичку Бек, а не я.

— Да. Еще слишком холодно. Послушай, когда превратишься в человека в следующий раз, найди в лесу такой сарайчик...

— Я его видел, — отозвался он голосом, срывающимся на рык.

— Там внутри есть обогреватель, кое-какая еда и одежда. Загляни в ящик с надписью «Сэм» или «Ульрик», там должно отыскаться что-нибудь подходящее. — Впрочем, откровенно говоря, я не был так уж в этом уверен: незнакомец был широкоплечим и мускулистым, как гладиатор. — Там, конечно, победнее, чем здесь, зато не надо продираться через колючки.

Он вскинул на меня блестящие насмешливые глаза, и я запоздало подумал, что он не давал мне повода полагать, будто ему плевать на раны.

— Спасибо за совет, — сказал он, и все дальнейшие напутствия застряли у меня в горле.

Бек говорил, эти трое новичков согласились стать волками добровольно, они знали, на что идут. До сих пор я не задумывался, каким человеком надо быть, чтобы выбрать такую жизнь. Чтобы по доброй воле согласиться с каждым годом утрачивать свою суть на все большее и большее время и в конце концов потерять ее окончательно. По сути своей это было что-то вроде самоубийства, и как только я подобрал слово, оно заставило меня взглянуть на незнакомца в совершенно ином свете. Пока он корчился на полу, сохраняя все то же хладнокровное, если не сказать ждущее выражение, я успел разглядеть у него на руках «дорожки», прежде чем его кожа превратилась в волчью шкуру.

Я поспешил открыть дверь, чтобы волк, темно-серый с бурым отливом, мог выскочить из чересчур человеческой обстановки кухни на свободу. Волк, однако, не бросился к выходу, как поступил бы любой другой его собрат. Во всяком случае, как поступил бы я в волчьем обличье. Вместо этого он неторопливо прошествовал мимо меня, низко опустив голову, потом остановился и взглянул мне прямо в глаза. Я не отвел взгляда, и в конце концов он выскользнул за дверь и уже во дворе остановился во второй раз, чтобы смерить меня взглядом.

Долго еще после того, как новый волк скрылся, перед глазами у меня стоял его образ: следы от инъекций на внутренних сгибах локтей, высокомерный взгляд, знакомое лицо.

Я вернулся в кухню, чтобы протереть заляпанный кровью и грязью пол, увидел на полу запасной ключ и пошел вернуть его на место, за косяком задней двери.

В этот момент я почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся, ожидая увидеть на опушке нового волка. Однако там стоял совсем другой волк, крупный серый самец, знакомый мне до мельчайшей черточки.

— Бек, — прошептал я.

Он не двинулся с места, лишь повел носом, чую тот же запах, что и я: запах нового волка.

— Бек, кого ты к нам притащил?

ИЗАБЕЛ

После уроков я осталась на заседание школьного совета. Заседание было смертельно скучное, к тому же меня совершенно не волновало, какой принцип организации изберет наша школа, однако оно давало мне законный повод, во-первых, не идти домой, а во-вторых, сидеть на задней парте с безмолвной усмешкой и прищуром густо подведенных глаз, демонстрируя абсолютную недосыгаемость. Вокруг меня восседала моя обычная свита из девиц; глаза у них были подведены в точности как у меня, и они тоже пытались казаться недосыгаемыми, однако казаться — одно дело, а быть — совершенно другое.

Завоевать популярность в крохотном городишке вроде Мерси-Фоллз — раз плюнуть. Надо лишь твердо верить, что все вокруг от тебя без ума, и дело в шляпе. Не то что в Сан-Диего, где для поддержания популярности приходилось выкладываться, как на полноценной работе. Отсидев на этом дурацком заседании час, я могла не беспокоиться о популярности бренда «Изабел Калперер» еще как минимум неделю.

Но в конце концов ехать домой все же пришлось. К моему огромному удовольствию, обе родительские машины стояли перед домом. Я была вне себя от радости. Остановив джип у обочины, я открыла томик Шекспира, которого нам задали, и врубила музыку на полную мощность, так что даже зеркало заднего вида задрожало. Через десять минут в окне показалась мама и сердито замахала мне рукой.

Вечерок обещал удалиться на славу.

Едва я вошла на кухню, как предки немедленно принялись разыгрывать спектакль «Семейка Калперер».

Мама: «Уверена, наши соседи жить не могут без твоей дебильной музыки. Надо было сделать погромче, вдруг они не слышали?»

Папа: «И вообще, где ты была?»

Мама: «На заседании школьного совета».

Папа: «Я спрашиваю не тебя, а нашу дочь».

Мама: «Честное слово, Томас, не все ли тебе равно, кто ответил?»

Папа: «Такое впечатление, что заставить ее разговаривать со мной можно только под дулом пистолета».

Я: «Мне уже можно начинать бояться?»

Теперь оба готовы были испепелить меня взглядами. На самом деле я могла вообще не подавать никаких реплик; спектакль прекрасно шел без моего участия и обычно растягивался на весь вечер.

— Я же тебе говорил, не надо было отдавать ее в государственную школу, — упрекнул отец мать.

Дальнейший сценарий был мне прекрасно известен. Следующей репликой мамы должна была стать: «А я говорила тебе, не надо было переезжать в Мерси-Фоллз», после чего папаша принимался швыряться вещами и они расходились по разным комнатам, где накачивались каждый своей излюбленной маркой алкоголя.

— У меня много уроков, — прервала их я. — Я иду наверх. Увидимся на следующей

неделе.

— Постой, Изабел, — окликнул папа, когда я уже двинулась к лестнице.

Я остановилась.

— Джерри говорит, ты общаешься с дочкой Льюиса Брисбена. Это правда?

Вот теперь я обернулась, чтобы взглянуть на выражение его лица. Он стоял, скрестив руки на груди и прислонившись к бесцветной столешнице, в своей безукоризненной, как будто только что отутюженной сорочке с галстуком.

— А что? — поинтересовалась я, вздернув бровь под стать его выражению.

— Не говори со мной таким тоном, — отчеканил отец. — Я всего лишь задал тебе вопрос.

— Ну ладно. Да. Я общаюсь с Грейс.

Он сжал кулаки, потом снова разжал их и опять сжал. На руке у него выступила синяя жила.

— Я слышал, она вечно крутится возле волков.

Я сделала неопределенный жест, что-то вроде «это кто тебе такое сказал?».

— Говорят, она их подкармливает. В последнее время я частенько вижу их поблизости, — продолжал он. — И вид у них подозрительно холеный. Думаю, пришла пора устроить им небольшое прореживание.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Я хотела понять, знает ли он, что на самом деле это я кормлю волков, и таким образом пытается вынудить меня проговориться.

— Конечно, папа, — произнесла я наконец. — Перестрелять волков — отличная идея. И главное, поможет вернуть Джека. Славно придумано. Попросить Грейс, чтобы подманила их поближе к дому?

Мать уставилась на меня, этакая ожившая картина «Портрет женщины с бокалом шардоне». У отца сделался такой вид, как будто он собирался меня ударить.

— Может, хватит уже? — осведомилась я.

— О, с меня уже совершенно точно хватит, — процедил отец.

Он бросил на мать многозначительный взгляд, однако она этого не заметила: была слишком занята тем, что готовилась заплакать.

Я решила, что моя роль в этом акте пьесы завершена, и удалилась из кухни.

— Я перебью их всех до единого, — сказал отец мне в спину.

— Делай что хочешь, Том, — со слезами в голосе отозвалась мать.

Вот и все. Наверное, пора было прекращать кормить волков.

Чем ближе они подбирались, тем большая опасность грозила всем нам.

К тому времени, когда вернулся Сэм, мы с Рейчел уже полчаса пытались приготовить цыпленка пармезан. У Рейчел не хватило бы терпения, чтобы заниматься панировкой, так что я приставила ее помешивать томатный соус, а сама принялась один за другим погружать куски цыпленка сначала во взбитое яйцо, а потом в сухари. Я делала вид, что раздражена, но на самом деле это монотонное действие оказалось в некотором роде успокаивающим, к тому же было какое-то изысканное тактильное удовольствие в том, как тягуче колыхался вокруг ломтиков куриного мяса глянцево-желтый яичный лезон и с мягким шорохом терлись друг о друга крошки сухарей.

Еще бы не болела так голова, все было бы совсем прекрасно. И все же приготовление ужина и присутствие Рейчел помогало отвлечься и от головной боли, и от по-зимнему густых сумерек за окном над раковиной, и от того, что Сэм до сих пор не вернулся домой.

«Он больше не превратится в волка. Он исцелился. Все кончилось», — словно мантру, твердила я про себя.

Рейчел подтолкнула меня бедром, и я, очнувшись, поняла, что она врубила музыку на полную громкость. Рейчел снова наподдала мне бедром в такт музыке, а потом выскочила в центр кухни и, вскинув руки над головой, принялась дергаться, как ополоумевший Снупи. В сочетании с ее нарядом, состоявшим из черного платья и полосатых леггинсов, и двумя хвостами на голове впечатление этот танец производил самое что ни на есть смехотворное.

— Рейчел, — окликнула я ее, и она взглянула на меня, однако дергаться не прекратила. — Вот почему у тебя до сих пор никого нет.

— С таким ни один парень не справится, — завершила меня Рейчел, указывая на себя подбородком.

Она крутанулась на месте и едва не врезалась в Сэма, который стоял на пороге. Должно быть, в таком грохоте мы не услышали, как хлопнула входная дверь. Душа у меня ухнула куда-то в пятки; наверное, эту странную смесь облегчения, нервозности и предвкушения я теперь обречена была испытывать до конца жизни.

Глядя Сэму в глаза, Рейчел выставила в стороны указательные пальцы и принялась исполнять какой-то дикий танец; должно быть, его изобрели в пятидесятые, когда нельзя было друг до друга дотрагиваться.

— Привет, мальчик, — заорала она, перекрикивая музыку. — Мы готовим итальянскую еду!

Не выпуская из рук кусок курицы, я обернулась и громко фыркнула в знак протеста.

— Моя коллега просит внести уточнение, — провозгласила Рейчел. — Я смотрю, как Грейс готовит итальянскую еду!

Сэм улыбнулся мне своей всегдашней печальной улыбкой, как будто чуть более напряженной, чем обычно, и что-то сказал.

Рукой, не измазанной в сухарях, я попыталась убавить громкость.

— Что?

— Я спросил, что ты делаешь, — повторил Сэм. — А потом сказал: «Привет, Рейчел»

Можно мне пройти в кухню, Рейчел?»

Рейчел грациозным движением освободила ему дорогу, и Сэм подошел ко мне. Его желтые волчьи глаза были прищурены, и он, похоже, забыл, что до сих пор не снял куртку.

— Цыпленка пармезан, — сказала я.

Он захлопал глазами.

— Что?

— Ты спросил, что я делаю. Цыпленка пармезан. Чем ты таким занимался?

— Я... я был... в магазине, — запинаясь, произнес Сэм. — Читал. — Он покосился в сторону Рейчел и сжал губы. — Не могу говорить. Губы замерзли. Когда уже наконец будет весна?

— Хрен с ней, с весной, — встряла Рейчел. — Когда уже наконец будет ужин?

Я помахала у нее перед носом ожидающей панировки цыплячьей ножкой, и Сэм оглянулся на разделочный стол.

— Тебе чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Да мне надо поскорее закончить обваливать в сухарях эти восемь миллионов кусков курицы, — сказала я. В голове у меня начинало стучать, и один вид разделанного на порции цыпленка вызывал ненависть. — Я и не подозревала, во что превращаются два фунта курятины, если ее хорошенько отбить.

Сэм осторожно протиснулся мимо меня к раковине, вымыл руки и потянулся за полотенцем, прижавшись своей щекой к моей.

— Я закончу их обваливать, а ты пока начинай жарить. Хорошо?

— А я вскипячу воду для спагетти, — вызвалась Рейчел. — В этом деле я спец!

— Кастрюля в кладовке, — сказала я.

Рейчел скрылась за дверью маленькой кладовки и принялась грохотать посудой, а Сэм склонился ко мне, так что его губы оказались прижаты к моему уху.

— Я сегодня видел одного из новых волков Бека, — прошептал он. — В человеческом обличье.

Какое-то время я пыталась сообразить, что стоит за словами «новые волки». Оливия уже превратилась в человека? Сэм вынужден был отправиться на поиски остальных волков? Что случилось на этот раз?

Я резко обернулась. Он стоял ко мне практически вплотную, так что я едва не уткнулась в него носом; он еще не успел отогреться с мороза. Лицо у него было встревоженное.

— Эй, давайте вы не будете лизаться в моем присутствии, — возмутилась вернувшаяся Рейчел. — Мне нравится наш мальчик, но смотреть, как вы целуетесь, я не собираюсь. Жестоко целоваться на глазах у одинокой девушки. И вообще, вы, кажется, собирались что-то жарить?

Мы вернулись к приготовлению ужина. Я не могла не думать о том, что Сэм хочет что-то мне сказать, но не может говорить при Рейчел, и время тянулось невыносимо медленно. Вдобавок, что было совсем уж мучительно, меня начала заедать совесть. В конце концов, Рейчел тоже была подругой Оливии. Если бы она знала, что Оливия может скоро вернуться, она прыгала бы до потолка от радости и забросала бы меня вопросами. Я изо всех сил старалась не поглядывать на часы; мать Рейчел должна была заехать за ней в восемь.

— А, Рейчел. Привет. Ммм, пахнет едой.

В кухню вплыла мама. Пальто она, по своему обыкновению, бросила на стулья у стенки.

— Мама? — изумилась я. — Что ты делаешь дома в такую рань?

— Возьмете меня в компанию? А то перекусила в студии, но что-то не наелась, — сказала мама.

Ну еще бы. Аппетит у моей мамы на редкость не соответствовал ее хрупкому телосложению; видимо, она умудрялась сжигать все калории, беспрестанно двигаясь. Она обернулась и увидела Сэма.

— А, Сэм. Ты опять здесь? — Тон у нее стал многозначительный и несколько менее добродушный. — Привет.

У Сэма порозовели щеки.

— Ты скоро совсем у нас поселишься.

Мама обернулась и поглядела на меня. Очевидно, в этот взгляд она вкладывала какой-то намек, но я его не уловила. Сэм, впрочем, отвернулся от нас обеих с таким видом, как будто для него все было яснее ясного.

Когда-то Сэм моей маме вполне нравился. Она даже по-своему заигрывала с ним, просила спеть ей что-нибудь и позировать для портрета. Но все это было давно, когда он был просто мальчиком, с которым я встречалась. Теперь, когда стало очевидно, что Сэм в моей жизни всерьез и надолго, мамино дружелюбие куда-то улетучилось и мы с ней перешли на язык молчания. Продолжительность пауз между предложениями таила в себе больше смысла, чем слова, из которых они были составлены.

Я стиснула зубы.

— Клади себе спагетти, мама. Ты сегодня еще будешь работать?

— Хочешь куда-нибудь меня сплавить? — осведомилась она. — Я могу уйти наверх. — Она побарабанила меня по лбу черенком вилки. — Совсем не обязательно делать мне страшные глаза, Грейс. Я все понимаю. Пока, Рейчел.

— Не делала я никаких страшных глаз, — сказала я, когда она удалилась, и пошла повесить ее пальто. Весь разговор оставил у меня неприятный осадок.

— Не делала, — подтвердил Сэм печально. — Просто у нее рыльце в пушку.

Лицо у него было задумчивое, плечи поникли, как будто на них легло бремя, которого не было еще сегодня утром. Внезапно я задумалась, не усомнился ли он в правильности решения, которое принял тогда, стоил ли того риск. Я считаю, что стоил, хотелось мне сказать ему. Я готова была кричать об этом на каждом углу. Именно тогда я и решила открыться Рейчел.

— Сходил бы ты, переставил куда-нибудь свою машину, — сказала я Сэму.

Он бросил обеспокоенный взгляд на потолок, как будто мама могла прочитать его мысли сквозь пол своей домашней студии. Потом покосился на Рейчел. Потом на меня, и в его взгляде явственно виделся невысказанный вопрос: «Ты серьезно решила все ей рассказать?»

Я пожала плечами.

Рейчел недоуменно поглядела на меня. Я сделала ей знак: подожди, сейчас все объясню. Сэм подошел к лестнице и крикнул в пролет:

— Всего доброго, миссис Брисбен!

Повисла долгая пауза, потом мама отозвалась не предвещающим ничего хорошего тоном:

— До свидания.

Сэм вернулся на кухню. Он не стал говорить, что чувствует себя виноватым, но это было видно без всяких слов. У него это было на лбу написано. Он немного помолчал, потом

произнес нерешительно:

— На тот случай, если я не вернусь до твоего отъезда, пока, Рейчел.

— «Если я не вернусь»? — переспросила Рейчел изумленно, когда Сэм, позвякивая ключами, вышел за дверь. — Куда он собрался возвращаться? Зачем ему понадобилось переставлять машину? Постой... Наш мальчик что, ночует у тебя?

— Тише! — шикнула я поспешно и бросила взгляд в коридор. Взяв Рейчел за локоть, я отвела ее подальше от двери, в угол кухни, потом выпустила ее и взглянула на свои пальцы. — Ты что такая холодная?

— Это ты горячая, — возразила она. — Так что здесь происходит? Ты что... с ним спишь?

Я против воли вспыхнула.

— Все не так, как ты думаешь. Мы просто...

Рейчел не стала дожидаться, пока я придумаю, как закончить фразу.

— Ни хрена себе... ни хрена себе... не знаю даже, что тебе и сказать, Грейс. Вы просто... что? Чем-чем вы занимаетесь? Нет, стой, не надо, не говори!

— Тише, — повторила я снова, хотя она говорила вовсе не громко. — Мы просто спим друг с другом. И все. Да, я понимаю, что это звучит странно, но я просто...

Я силилась подобрать слова, чтобы объяснить ей. Дело было не только в том, что я чуть не потеряла Сэма и не хотела отпускать его от себя. И не только в физическом желании. Мне нужно было засыпать, прижимаясь спиной к груди Сэма и ощущая, как его сердце замедляет свое биение в такт моему. Я стала взрослой и начала понимать, что в кольце рук Сэма, окруженная его запахом и убаюканная его дыханием, чувствую себя уютно и надежно, что это все и есть именно то, что необходимо мне на исходе дня. Но я не знала, как донести это до Рейчел. И что мне вдруг стукнуло в голову рассказать ей?

— Не знаю, как это объяснить. Когда он спит рядом, все совсем по-другому.

— Ну еще бы.

Рейчел сделала большие глаза.

— Рейчел, — одернула ее я.

— Прости-прости. Я пытаюсь держать себя в руках, но моя лучшая подруга только что сообщила мне, что она каждую ночь проводит со своим парнем, а ее родители об этом ни сном ни духом. Значит, он приходит к тебе тайком? Ты испортила нашего мальчика!

— Думаешь, я поступаю плохо? — спросила я, морщась; может быть, я и вправду испортила Сэма?

Рейчел ненадолго задумалась.

— Я думаю, это страшно романтично.

Я рассмеялась, чувствуя невероятное облегчение.

— Рейчел, я так его люблю! — Однако когда я произнесла эти слова вслух, они прозвучали как-то фальшиво. Слащаво, как в рекламе. У меня не получилось выразить всю искренность и глубину чувств, которые я испытывала. — Дай слово, что никому не скажешь!

— Буду нема как рыба. Я далека от мысли разлучить юных любовников. Господи! У меня в голове не укладывается, что вы на самом деле юные любовники.

Сердце у меня гулко бухало после моего признания, но на душе было легко; не нужно больше было скрывать от Рейчел эту тайну. Когда через несколько минут за ней приехала мама, мы уже дурачились как ни в чем не бывало. Быть может, пришло время открыть ей еще кое-какие секреты.

На улице было восемнадцать градусов. Луна плоским бледным диском висела над голыми ветвями деревьев, заливая все вокруг ярким светом. Я стоял, обхватив себя руками и разглядывая собственные носки, и ждал, когда мать Грейс освободит кухню. Я негромко выругал морозную миннесотскую зиму, но слова белыми облачками растаяли в темноте. Непривычно было вот так стоять на морозе и дрожать от холода, не в силах даже пошевелить заочневшими пальцами, чтобы смахнуть с глаз выступившие слезы, и при этом не думать превращаться в волка.

Из-за двери доносился чуть слышный голос Грейс; они с матерью говорили обо мне. Ее мать осторожно поинтересовалась, появлюсь ли я и завтра тоже. Грейс пробормотала что-то нечленораздельное в том духе, что, скорее всего, появлюсь, иначе какой же из меня ухажер. Мамаша заметила куда-то в воздух, что кое-кому наши отношения могли бы показаться слишком стремительными. Грейс спросила ее, хочет ли она еще цыпленка пармезан или можно убирать его в холодильник. В ее голосе явственно слышалось нетерпение, однако ее мамаша не торопилась уйти из кухни, и я вынужден был торчать на морозе в одних джинсах и тоненькой футболке с битлами на груди. Я принялся рисовать в своем воображении картины, как я женюсь на Грейс и мы с ней заживем жизнью двух юных хиппи на заднем сиденье моего «фольксвагена» без всяких родителей. Сейчас, когда от холода у меня зуб на зуб не попадал, а пальцы на ногах и уши уже начинали потихоньку неметь, эта идея казалась мне прекрасной как никогда.

— Покажешь мне, что ты сейчас рисуешь? — донесся из-за двери голос Грейс.

— Хорошо, — с легким подозрением согласилась ее мать.

— Сейчас, только свитер возьму, — сказала Грейс.

Она подошла к стеклянной двери на веранду и бесшумно отодвинула щеколду, а другой рукой потянула к себе лежащий на столе свитер. Через стекло я увидел, как она беззвучно прошептала мне: «Прости». Потом произнесла чуть погромче:

— Что-то здесь холодно.

После того как они вышли из кухни, я досчитал до двадцати и осторожно пробрался внутрь. Я дрожал от холода, но продолжал оставаться Сэмом.

Я получил все необходимые мне доказательства, что мое исцеление — не мираж, но все еще ждал чего-то такого, что поставило бы в моей истории точку.

ГРЕЙС

Когда я вернулась к себе в комнату, Сэма все еще так трясло, что я напрочь позабыла о головной боли. Не включая света, я захлопнула за собой дверь комнаты и на голос Сэма двинулась к постели.

— М-может, нам стоило бы п-пересмотреть наши привычки, — прошептал он, клацая зубами, когда я забралась в постель и обняла его.

Я погладила его по руке; пупырышки гусиной кожи чувствовались даже сквозь ткань футболки. Я с головой укрыла нас обоих одеялом и уткнулась в его ледяную шею.

— Я не хочу спать без тебя.

Я произнесла эти слова вслух и немедленно почувствовала себя последней эгоисткой.

Он свернулся клубочком — пятки у него, несмотря на носки, были холоднющие — и пробормотал:

— Я т-тоже. Но у нас впереди ц-целая... — Он запутался в словах и вынужден был умолкнуть, чтобы потереть замерзшие губы, и только потом продолжил: — У нас с тобой впереди целая жизнь. Успеем еще побыть вместе.

— Целая жизнь начинается с этого момента, — возразила я.

За дверью послышался папин голос — должно быть, он вернулся с работы, когда я вошла в комнату; родители двинулись по лестнице к себе в спальню, шумно топоча и натываясь друг на друга. На миг я позавидовала их свободе — возможности приходить и уходить когда захочется, не оглядываясь ни на родителей, ни на школу, ни на дурацкие правила.

— Ну, то есть, я хочу сказать, вовсе не обязательно оставаться на ночь, если тебе это неудобно. Если тебе не хочется. — Я помолчала. — А то получается, я вцепилась в тебя, как репей, и не отпускаю.

Сэм повернулся лицом ко мне. В темноте я видела лишь, как поблескивают его глаза.

— Это никогда мне не надоест. Я просто не хочу, чтобы у тебя были неприятности. И не хочу, чтобы тебе пришлось просить меня уйти. Если все станет слишком сложно.

Я погладила его по щеке; она приятно холодила ладонь.

— Ты умный парень, а иной раз такие глупости говоришь.

Я ощутила, как его губы дрогнули в улыбке, и он прижался ко мне.

— Не пойму, — сказал Сэм, — то ли ты ужасно горячая, то ли я ужасно замерз.

— О да, я горячая, — подтвердила я шепотом. — Еще какая горячая!

Сэм беззвучно рассмеялся.

Я протянула руку и сжала его пальцы; мы лежали так, прижимаясь друг к другу, пока он не согрелся немного.

— Расскажи мне про нового волка, — попросила я.

Сэм замер.

— С ним что-то не так. Он совершенно меня не боялся.

— Да, странно.

— Вот я и задумался, каким же человеком надо быть, чтобы по доброй воле согласиться стать волком. Они, похоже, все психи, Грейс, все новые волки, которых набрал Бек. Кто бы пошел на это по доброй воле?

Теперь настала моя очередь замереть. Интересно, помнил ли Сэм, как в прошлом году лежал рядом со мной — вот как сейчас — и я призналась ему, что тоже хотела бы стать волчицей, лишь бы быть рядом с ним. Нет, не только ради этого. Ради того, чтобы испытать, каково это — стать одной из стаи, слиться с природой во всей ее волшебной простоте. Я вспомнила Оливию, которая теперь была белой волчицей, и у меня защемило сердце.

— Может, они просто любят волков, — произнесла я наконец. — Или им плохо жилось.

Сэм лежал рядом, но его рука, которую я сжимала в своей, была расслабленной. Он не открывал глаз, мысли его блуждали где-то далеко-далеко от меня, куда мне не было доступа. В конце концов он сказал:

— Я ему не доверяю, Грейс. У меня такое чувство, что ничем хорошим это не кончится. Зря Бек все это затеял. Жаль, что у него не хватило мудрости подождать.

— Спи давай, — велела я ему, хотя понимала, что он все равно не уснет. — Что толку

беспокоиться о том, что может случиться?

Впрочем, я понимала, что и эти мои слова действия не возымеют.

— Что, опять пришла, Грейс?

Медсестра вскинула голову, едва я переступила порог ее кабинета. Все три стула напротив ее стола были заняты: один парень спал в позе, слишком неудобной, чтобы это было притворством, двое других читали. Миссис Сандерс славилась тем, что позволяла лоботрясам торчать у нее в кабинете, в чем не было ничего плохого — до тех пор, пока не приходил кто-нибудь с раскалывающейся от боли головой и не обнаруживал, что все места заняты.

Я подошла к столу и скрестила руки на груди. От пульсирующей в голове боли хотелось замычать. Я потерла лоб — этот жест вдруг мучительно напомнил мне Сэма — и сказала:

— Мне очень неловко снова беспокоить вас из-за такого пустяка, но у меня жутко болит голова.

— Да, выглядишь ты неважно, — подтвердила миссис Сандерс. Она поднялась и указала мне на свой стул на колесиках. — Присядь пока, а я поищу градусник. Что-то ты раскраснелась.

— Спасибо, — пробормотала я благодарно и плюхнулась на ее место, а она вышла в соседнее помещение.

Странно было здесь находиться. Не в кресле медсестры, за ее компьютером, где на мониторе пестрел открытый пасьянс, а с фотографии на столе на меня смотрели ее дети, а в медкабинете вообще. За всю свою жизнь я приходила сюда всего однажды, причем с прошлого моего визита прошло лишь несколько дней. Несколько раз я ждала перед дверью Оливию, но еще ни разу мне не доводилось самой побывать внутри в качестве пациента, щурясь от света люминесцентной лампы и гадая, найду я здесь помощь или нет.

В отсутствие миссис Сандерс геройствовать было не перед кем, и я принялась надавливать на переносицу, пытаюсь отыскать центр боли. Голова болела точно так же, как обычно в последнее время; тупая расходящаяся боль отдавалась в скулах. Это не предвещало ничего хорошего: я ждала, когда у меня начнется насморк, или кашель, или еще что-нибудь.

Вернулась миссис Сандерс с градусником, и я поспешно убрала руки от лица.

— Открывай рот, моя хорошая, — велела она мне, и при других обстоятельствах я непременно сочла бы это забавным, потому что миссис Сандерс, на мой взгляд, была не из тех, кто называет окружающих «моя хорошая». — Подозреваю, что ты заболеваешь.

Я взяла градусник и послушно сунула его под язык; пластиковый носик показался мне острым и слизким. Мне хотелось заметить, что я почти никогда не болею, но открывать рот было нельзя. Миссис Сандерс принялась болтать с теми двумя учениками, которые не спали, об уроках, а когда прошли три минуты, вернулась и вытащила градусник.

— Я думала, сейчас делают моментальные термометры, — сказала я.

— Для малышей. Считается, что здоровые лбы в вашем возрасте уже в состоянии подержать обычный градусник. — Она взглянула на индикатор. — У тебя температура. Небольшая. Скорее всего, подхватила какой-нибудь вирус. Позвонить кому-нибудь, чтобы тебя забрали?

На миг меня охватило искушение сбежать из школы и провести остаток вечера, свернувшись калачиком в объятиях Сэма. Но он работал, а мне предстояла контрольная по химии, так что я вынуждена была со вздохом признать правду: я не настолько плохо себя чувствовала, чтобы уйти с уроков.

— До конца занятий осталось совсем немного. К тому же у меня сегодня контрольная. Она состроила гримасу.

— Геройствуем? Понимаю. Ну ладно. Вообще-то я не должна этого делать без разрешения твоих родителей, но... — Она остановилась передо мной и выдвинула один из ящиков стола. Внутри обнаружилась россыпь монет, ключи от машины и бутылочка с парацетамолом. Миссис Сандерс вытряхнула мне на ладонь две таблетки. — Они собьют температуру и головную боль должны тоже снять.

— Спасибо, — поблагодарила я и сползла с ее стула. — Не обижайтесь, но я очень надеюсь, что до конца недели здесь больше не появлюсь.

— Медкабинет — центр культурной и общественной жизни! — с притворным ужасом отозвалась миссис Сандерс. — Выздоровливай.

Я проглотила таблетки и запила их водой из кулера у двери, потом вернулась в класс. Голова почти не болела. К концу последнего урока парацетамол сделал свое дело. Наверное, миссис Сандерс была права. Навязчивое ощущение чего-то более серьезного — просто вирус.

Я попыталась убедить себя, что ничего страшного не происходит.

По-моему, я превратился в человека раньше времени.

Мокрый снег жалил обнаженную кожу, такой ледяной, что казался обжигающим. Пальцы окоченели и утратили чувствительность. Не знаю, сколько я пролежал на мерзлой земле, но, должно быть, достаточно долго, потому что снег у меня на поясице успел растаять.

Меня так трясло, что я с трудом поднялся на нетвердые ноги, пытаюсь понять, почему опять превратился в человека. Мои прошлые превращения происходили в более теплую погоду и, на мое счастье, были непродолжительными. Стоял страшный холод; судя по виднеющемуся сквозь голые ветви деревьев оранжевому солнцу, было часов шесть-семь вечера.

Ломать голову над причинами нестабильности моего состояния было некогда. Я дрожал от холода, но не чувствовал ни малейших признаков тошноты, ни натяжения кожи — всегдашних предвестников превращения в волка. Меня охватила гнетущая уверенность, что я застрял в этом теле, по крайней мере на какое-то время. Следовало искать укрытие: я был совершенно голый, не хватало только обморозиться. Я предпочитал не искушать судьбу без необходимости.

Я обхватил себя руками и огляделся по сторонам. Позади блестело в солнечных лучах озеро. Впереди темнел лес. Прищурившись, я различил за деревьями статую, а за ней — бетонные скамьи. Оттуда рукой было подать до особняка, который я заметил в прошлый раз.

В голове у меня оформился план. Оставалось только надеяться, что в доме никого не окажется.

Машин перед домом видно не было; пока что мне сопутствовала удача.

— Черт, черт, черт, — вполголоса выругался я, пробираясь по усыпанному гравием заднему двору к двери.

Чувствительности в моих окоченевших ступнях осталось ровно столько, чтобы я мог прочувствовать, как острые камни впиваются в босые пятки. Теперь на мне все заживало куда быстрее, чем раньше, когда я был просто Коулом, однако боль в первый момент чувствовалась не менее остро.

Я толкнул заднюю дверь; она оказалась не заперта. Определенно, в небесной канцелярии мне благоволили. Надо будет послать им благодарственную открытку. Я открыл дверь и очутился в тесном тамбуре, пропахшем острым соусом для жаркого. На миг я прирос к полу, дрожащий, парализованный воспоминанием о жарком. В животе, который с тех пор, как я был человеком, стал куда более твердым и запавшим, требовательно заурчало, и в голове у меня промелькнула мимолетная мысль пробраться на кухню и поискать там какой-нибудь еды.

Сила собственного желания вызвала у меня улыбку, но потом боль в заледеневших ногах напомнила, зачем я здесь. Первым делом следовало отыскать одежду. Еда могла подождать. Я двинулся из тамбура в темный коридор. Внутри дом оказался в точности таким же громадным, каким выглядел снаружи, а обстановка была такая, что хоть сейчас

фотографируй для журнала «Идеальный дом». Стены увешаны всякой всячиной, изящно сгруппированной по три и пять предметов, местами в строгой симметрии, а местами — в прихотливом беспорядке. Безукоризненно чистая ковровая дорожка того цвета, который, очевидно, именовался «кофе с молоком», скрадывала звук моих шагов по коридору. Я оглянулся, чтобы убедиться, что на горизонте никто не маячит, и едва не сшиб дорогушную на вид вазу, из которой торчал со вкусом составленный букет из сухих веток. По-моему, в этом доме жили какие-то ненастоящие люди.

Впрочем, куда больше меня сейчас занимал вопрос, есть ли среди них кто-нибудь, у кого был бы мой размер одежды.

Коридор разветвился, и я застыл в нерешительности. Налево отходил еще один плохо освещенный коридор. Справа начиналась массивная темная лестница, выглядевшая как место убийства из какого-нибудь готического ужастика. Я попытался включить здравый смысл и решил двинуть наверх. Будь я толстосумом из Миннесоты, устроил бы себе спальню на втором этаже. Потому что теплый воздух поднимается кверху.

Я добрался до площадки второго этажа и ступил на мохнатый зеленый ковер. Ступни у меня горели; к ним мало-помалу возвращалась чувствительность. Это был хороший знак. Кровообращение восстанавливалось.

— Не двигайся!

Женский голос заставил меня остановиться. Он не был испуганным, хотя наткнуться в своем собственном доме на голого парня — испытание не для слабонервных, и я предположил, что обладательница голоса, скорее всего, держит меня на мушке. Сердце наконец-то забилося у меня в груди по-человечески. Господи, до чего же мне не хватало адреналина.

Я обернулся.

На площадке стояла девушка. Сногсшибательная красотка, умереть — не встать, голубые глазки на пол-лица и пепельно-белые волосы. И, судя по развороту ее плечиков, она прекрасно знала, какое производит впечатление. Она с ног до головы смерила меня взглядом, и я ощутил, что меня оценили и сочли недостаточно впечатляющим.

Я попытался выдавить улыбку.

— Привет. Прошу прощения, я не одет.

— Приятно познакомиться. А я Изабел, — сказала она. — Что ты делаешь в моем доме?

Я не очень себе представлял, как можно ответить на этот вопрос.

Внизу хлопнула дверь, и мы с Изабел дернулись посмотреть, кто там. На краткий миг сердце затрепыхалось у меня в груди, и я, к изумлению своему, понял, что испытываю ужас — нет, вообще хоть что-то испытываю после долгого периода абсолютного бесчувствия.

Я точно прирос к месту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О боже! — На площадке первого этажа появилась женщина и уставилась на меня сквозь перила балкона. Потом ее взгляд перескочил на Изабел. — Боже! Что...

Мне суждено было погибнуть от рук красоток двух поколений. Да еще и в голом виде.

— Мама! — не дав ей договорить, рявкнула Изабел. — Может, отвернешься ради приличия? Это неприлично.

И я, и мать Изабел только глазами захлопали.

Изабел подошла ко мне и перегнулась через перила.

— Могу я в своем доме рассчитывать хотя бы на капельку уединения? — крикнула она

матери.

Та очнулась от столбняка и завопила в ответ еще громче:

— Изабел Розмари Калперер, ты скажешь мне наконец, что делает в нашем доме голый парень?

— А ты сама-то как думаешь? — отозвалась Изабел. — Чем, по-твоему, я могу заниматься в нашем доме с голым парнем? Разве добрый доктор не предупредил тебя, что я могу что-нибудь выкинуть, если ты и дальше не будешь обращать на меня внимания? Ну вот, получай! Это еще только начало! Смотри, не стесняйся! Что, нравится? Не понимаю, зачем ты гоняешь нас к психотерапевту, если сама даже не слушаешь, что он говорит! Давай, накажи меня за свои ошибки!

— Детка, — произнесла ее мать уже куда более мирным тоном. — Но это же...

— Скажи спасибо, что я вообще не торгую собой где-нибудь на улице! — заорала Изабел, потом обернулась ко мне, и ее лицо мгновенно смягчилось. — Солнышко, мне не хочется, чтобы ты видел меня в таком состоянии, — несравненно более ласковым голосом промурлыкала она. — Возвращайся в комнату, хорошо?

А я-то думал, что это я умею выкидывать номера.

Мать Изабел потерла лоб ладонью, старательно не глядя в моем направлении.

— Пожалуйста, пожалуйста, сделай так, чтобы он оделся, пока не вернулся папа. А я пока пойду налью себе что-нибудь выпить. И чтобы я его больше не видела.

Мамаша развернулась и скрылась из виду, а Изабел схватила меня за руку — ее прикосновение отчего-то потрясло меня — и потащила по коридору к одной из дверей. За ней оказалась ванная комната, облицованная черно-белым кафелем; большую ее часть занимала громадная ванна на изогнутых ножках.

Изабел втолкнула меня внутрь так решительно, что я едва не полетел в ванну, и закрыла за нами дверь.

— Какого рожна ты делаешь в человеческом облике в такую рань? — осведомилась она.

— Ты знаешь, кто я? — удивился я.

Дурацкий вопрос.

— Я тебя умоляю, — протянула она с таким презрением в голосе, что у меня захватило дух. Ни один человек — ни один — не говорил со мной таким тоном. — Или ты один из волков Сэма, или случайно забредший сюда извращенец, от которого разит псиной.

— Сэма? — переспросил я. — Бека.

— Не Бека. Теперь — Сэма, — поправила меня Изабел. — И вообще, это не важно. Важно то, что ты голый у меня дома, хотя должен был бы находиться в волчьем облике. Какого черта ты превратился в человека? Как тебя зовут?

Как ни безумно это звучит, я чуть было ей не сказал.

ИЗАБЕЛ

На миг в его глазах застыло отсутствующее выражение, как будто он перенесся мыслями куда-то далеко, где все было зыбко; это было первое настоящее выражение, которое я увидела у него на лице с тех пор, как застучала его едва ли не позирующим у балкона. Потом на губах у него вновь заиграла та же полуухмылка, и он произнес:

— Коул.

Как будто одолжение мне сделал.

Я немедленно ответила ему его же монетой.

— Ну, так почему ты не волк, Коул?

— Может, потому, что иначе не встретил бы тебя? — предположил он.

— Неплохой ход, — обронила я, однако губы у меня против воли растянулись в улыбке.

Уж в чем в чем, а во флирте, чтобы распознать его в действии, я разбиралась достаточно. Да и дерзости ему было не занимать; вместо того чтобы смутиться, он обеими руками ухватился за штангу для душа и, вытянувшись в полный рост, принялся разглядывать меня.

— Почему ты сказала неправду своей матери? — спросил он. — А если бы я был пузатым агентом по недвижимости, превратившимся в оборотня, ты тоже бы так поступила?

— Сомневаюсь. Я не занимаюсь благотворительностью. — А вот что меня притягивало, так это то, как перекачивались мышцы у него на плечах и груди. Я с трудом отвела взгляд от его надменно изогнутых губ. — И тем не менее нужно раздобыть тебе какую-нибудь одежду.

Его губы изогнулись еще сильнее.

— Ну неужели я этого дождался?

Я недобро улыбнулась.

— Да, надо же прикрыть это убожество.

Рот у него округлился от неожиданности.

— Жестоко.

Я пожала плечами.

— Сиди здесь, только постарайся не ушибиться. Я сейчас.

Я вышла из ванной и направилась в бывшую комнату брата. На миг заколебалась на пороге, потом толкнула дверь.

Он умер уже достаточно давно, чтобы я перестала чувствовать себя вторгающейся в его комнату незваной гостьей. К тому же комната больше ничем не напоминала прежнюю. По совету своего предыдущего психотерапевта маменька сложила большую часть вещей в коробки, а потом по совету нынешнего оставила все коробки в комнате. Весь спортивный хлам был убран, и крупногабаритная самодельная акустическая система тоже. После этого в комнате не осталось ничего, о чем можно было бы сказать: это вещь Джека.

Я вошла в неосвещенную комнату, чтобы включить торшер, и немедленно задела ногой за угол одной из психотерапевтических коробок. Вполголоса выругавшись, я включила свет и впервые задумалась о том, что творю: собираюсь копаться в вещах умершего брата в поисках одежды для совершенно отпадного, но с большим прибабахом оборотня, которого затащила к себе в ванную. И все это после того, как сообщила родной матери о том, что я с ним сплю.

Может, она права и мне действительно пора лечить голову.

Я пробралась между коробками и распахнула дверцы шкафа. На меня пахнуло Джеком, и, откровенно говоря, довольно противно. Нестираными футболками, мужским шампунем и старыми ботинками. Но на секунду, всего лишь на секунду, я замерла, глядя на темные очертания вешалок с одеждой. Потом внизу мама чем-то грохнула, и я вспомнила, что нужно выпроводить Коула, пока не вернулся отец. Мама ничего ему не скажет. В этом на нее можно было положиться. Ей разборки с папашей нужны были не больше, чем мне.

Я нашла какую-то затрапезную толстовку, футболку и приличную пару джинсов.

Удовлетворенная, развернулась — и уткнулась в Коула.

Я с трудом удержалась, чтобы не выругаться еще раз; сердце у меня готово было выскочить из груди. Чтобы разглядеть его лицо с такого расстояния, пришлось запрокинуть голову; он был довольно высокого роста. В тусклом свете торшера его лицо казалось выступающим из темноты, как на портретах Рембрандта.

— Тебя долго не было. — Коул из вежливости отступил на шаг назад. — Я решил посмотреть, не за ружьем ли ты пошла.

Я сунула ему в руки одежду.

— Без белья как-нибудь обойдешься.

— А что, его еще кто-то носит?

Он бросил футболку и толстовку на кровать и, вполоборота отвернувшись от меня, принялся натягивать джинсы. Они оказались ему чуть великоваты; он подтянул пояс повыше, так что выступающие бедренные кости скрылись от моих глаз.

Он снова повернулся ко мне, и я поспешно отвела взгляд, но мой интерес от него не укрывся. Мне очень хотелось стереть с его лица эту его самодовольную ухмылочку. Он потянулся за футболкой, она развернулась в его руках, и я увидела, что это любимая футболка Джека с эмблемой «Миннесотских викингов»; он запачкал ее краской, когда в прошлом году белил гараж. Он таскал эту футболку не снимая, по нескольку дней кряду, пока даже ему самому не приходилось признать, что она уже пахнет. Меня это бесило.

Коул собрался просунуть голову в ворот футболки, и тут я вдруг поняла, что не вынесу, если увижу эту футболку на ком-то другом, кроме моего брата. Не задумываясь, я вцепилась в край футболки, и Коул застыл, глядя на меня с непроницаемым выражением. Хотя, пожалуй, все же чуточку озадаченным.

Я потянула футболку к себе, он все с тем же странным выражением разжал пальцы, и она осталась у меня в руках. Едва я завладела футболкой, меня накрыло острое нежелание объяснять ему причину моей настойчивости, поэтому я просто поцеловала Коула. Целовать его, притиснув спиной к стене и пытаясь примериться к изгибу его губ, было проще, чем разбираться, отчего от вида футболки Джека в чужих руках меня так перекорежило.

Да, целоваться он умел. Его впалый живот прижался к моему животу, хотя он не сделал попытки коснуться меня руками. От него пахло точно так же, как пахло от Сэма в тот самый первый вечер, когда я только познакомилась с ним, — мускусом и сосной. Он впился в мои губы с такой жадностью, что я заподозрила — вот такой он настоящий, сейчас, а не каким пытался казаться на словах.

Я отстранилась, а Коул остался стоять у стены. Спрятав руки в карманы джинсов и склонив голову набок, он молча разглядывал меня. Сердце у меня готово было выскочить из груди, руки дрожали; я с трудом сдерживалась, чтобы не поцеловать его снова. Он же, казалось, остался совершенно хладнокровен. Жилка, просвечивавшая сквозь кожу у него на животе, не стала биться ни сильнее, ни чаще.

Это его спокойствие так взбесило меня, что я отступила на шаг и швырнула в него толстовкой Джека. Он поймал ее через секунду после того, как она отскочила от его груди.

— Что, все так плохо? — осведомился он.

— Ага, — ответила я, складывая руки на груди, чтобы не дрожали так. — У меня было такое чувство, что ты сейчас меня съешь, как яблоко.

Он вскинул брови, как будто раскусил мою хитрость.

— Вторая попытка?

— Нет уж. — Я приложила палец к брови. — По-моему, тебе пора идти.

Я боялась, что он спросит, куда ему идти, но он молча натянул толстовку и решительным движением застегнул джинсы.

— Пожалуй, ты права.

Все ступни у него были изрезаны, но обуви он не попросил, а я не предложила. Слова, так и оставшиеся невысказанными, душили меня, поэтому я молча проводила его по лестнице до входной двери.

Когда мы проходили мимо двери в кухню, он на миг заколебался, и я вспомнила его впалый живот и выступающие ребра. Надо было бы предложить ему что-нибудь поесть, но мне сейчас больше всего хотелось, чтобы он ушел как можно скорее. Ну почему носить еду волкам в лес было куда проще?

Наверное, потому, что у волков не было таких высокомерных ухмылок.

В тамбуре я остановилась перед дверью и снова сложила руки на груди.

— Мой папа, к твоему сведению, отстреливает волков. Так что советую тебе держаться подальше от нашего дома.

— Буду иметь в виду, когда окажусь в теле животного, не способного на более высокие помыслы, — сказал Коул. — Спасибо.

— Всегда к твоим услугам.

Я распахнула дверь. Руку немедленно облепили снежинки, занесенные ветром с темного двора.

Я ожидала, что он будет давить на жалость, но Коул лишь молча посмотрел на меня с непонятной улыбкой и решительно вышел в снежную ночь, закрыв за собой дверь.

Когда дверь хлопнулась, я немного постояла в тамбуре, чертыхаясь себе под нос. Не знаю, почему я вообще вдруг приняла это все так близко к сердцу. Я зашла в кухню, схватила первое, что попало мне на глаза, — буханку хлеба и вернулась в тамбур.

Я даже придумала, что скажу что-то вроде: «Вот, и больше ни на что можешь не рассчитывать», — но, когда открыла дверь, его уже не было.

Я включила фонарь над дверью. Тусклый желтый свет залил обледенелый двор, заиграл, отражаясь, на блестящей корке наста. Футах в десяти от дверей я увидела джинсы и разодранную толстовку.

Глаза и нос защипало от холода. Я медленно подошла по скрипучему насту к беспорядочной кучке одежды, остановилась, разглядывая ее. Один из рукавов толстовки был вытянут, как будто указывал в сторону сосняка неподалеку. Я вскинула глаза и, разумеется, увидела его. В нескольких ярдах от меня стоял серо-бурый волк с зелеными глазами Коула.

— У меня умер брат, — сказала я ему.

Волк и ухом не повел; мокрый снег падал с неба и лип к его шкуре.

— Я та еще стерва, — сообщила я.

Он был все так же неподвижен. Мне пришлось сделать небольшое усилие над собой, чтобы примирить в своем сознании глаза Коула и эту волчью морду.

Я развернула пакет с хлебом и вытряхнула ломти на землю перед собой. Он не шелухнулся — просто смотрел, не мигая, человеческими глазами на волчьей морде.

— Но все равно зря я тебе сказала, что ты не умеешь целоваться, — добавила я, дрожа от холода. Что еще сказать про тот поцелуй, я так и не придумала, поэтому заткнулась.

Я развернулась, но, прежде чем вернуться в дом, сложила одежду и спрятала ее под перевернутым цветочным вазоном у крыльца. А потом ушла. А он остался один в темноте.

Из головы у меня не выходили его человеческие глаза на волчьей морде; в них была такая же пустота, как у меня в душе.

Я скучал по матери.

Я не мог объяснить это Грейс; когда она думала о моей матери, то видела лишь страшные шрамы, которые родители оставили у меня на запястьях. Отчасти так оно и было; воспоминания о том, как они пытались прикончить маленькое чудовище, в которое я превратился, так плотно засели в моей голове, что порой казалось — череп вот-вот взорвется. Старая боль укоренилась настолько крепко, что я ощущал холодную сталь бритвы всякий раз, когда оказывался поблизости от ванны.

Но у меня сохранились и другие воспоминания о матери; они всплывали в памяти, когда я меньше всего этого ожидал. Как, например, сейчас, когда я сидел, сгорбившись, за прилавком в «Корявой полке», отодвинув в сторону книги и глядя на сгущающиеся сумерки за окном. На языке у меня крутились строки, которые я только что прочитал. Мандельштам написал их про меня, не имея обо мне ни малейшего понятия.

«Но не волк я по крови своей...»

За окном последние отблески заходящего солнца вызолачивали бока припаркованных машин и превращали лужи на проезжей части в озерца расплавленного янтаря. В магазине, куда дневной свет уже не доходил, было пусто, сумрачно и полусонно.

До закрытия оставалось двадцать минут.

У меня сегодня был день рождения.

Мне вспомнились кексы, которые мама пекла мне на дни рождения. Кексы, а не торт, потому что праздновали мы всегда только вдвоем с родителями, а я никогда не отличался богатырским аппетитом и был привередлив в еде. Торт успел бы зачерстветь, прежде чем его съедят.

Поэтому мама пекла кексы. Мне вспомнился запах ванильной глазури, торопливо размазанной по кексу ножом для масла. Сам по себе этот кекс был бы ничем не примечателен, если бы не воткнутая в него тонкая свечка. На ней плясал крохотный огонек, а саму ее опоясывали потеки растаявшего воска, превращая кекс в нечто необыкновенное, праздничное и волшебное.

Я до сих пор помнил церковный запах сгоревшей спички, видел отражение огонька свечи в маминых глазах, чувствовал мягкую обивку кухонного стула, на котором я сидел, поджав тощие ноги. В ушах у меня прозвучал мамин голос: она велела мне положить руки на колени и поставила передо мной кекс. Держать тарелку она мне не разрешила из опасения, что я могу перевернуть свечку себе на колени.

Мои родители всегда так тряслись надо мной — до того самого дня, когда решили, что я должен умереть.

Я обхватил голову руками и уставился на замятый уголок книжной обложки, лежащей между моими локтями. На самом деле обложка не была цельной, а состояла из листа картона с наклеенной поверх него защитной пленкой, верхний слой задрался, и собственно обложка испачкалась, пожелтела и обтрепалась.

Я задумался, вправду ли мама пекла мне кексы, или мое сознание позаимствовало этот

факт в какой-нибудь из тысяч книг, которые я прочитал, соединив образы чьей-то чужой матери и моей собственной, чтобы заполнить этот провал.

Не поднимая головы, я вскинул глаза, и перечеркнутые шрамами запястья оказались точно напротив. В тусклом вечернем свете сквозь прозрачную кожу проглядывали вены, но на запястьях голубые дорожки были скрыты грубыми рубцами. В своем сознании я потянулся за кексом гладкими руками без единой отметины, купаясь в море родительской любви. И мама улыбалась мне.

С днем рождения.

Я закрыл глаза.

Не знаю, сколько я так просидел с закрытыми глазами, но звякнул колокольчик у двери, и я подскочил от неожиданности. Я уже открыл было рот сказать, что магазин закрывается, но на пороге показалась Грейс и плечом закрыла за собой дверь. В одной руке у нее был поднос с пластиковыми стаканчиками, а в другой — бумажный пакет с логотипом «Сабвей». В магазине точно зажегся еще один свет; все вокруг мгновенно стало ярче.

Я был настолько ошарашен, что не сообразил помочь ей, а когда мне пришло это в голову, она уже пристроила свою ношу на прилавке. Обойдя прилавок, она обняла меня за плечи и прошептала на ухо:

— С днем рождения!

Я высвободил руки и обнял ее за талию. Прижав ее к себе, я уткнулся лицом ей в шею, чтобы скрыть удивление.

— Откуда ты узнала?

— Бек рассказал, перед тем как превратиться в волка, — ответила Грейс. — Но вообще-то это ты должен был мне сказать. — Она отстранилась, чтобы взглянуть мне в лицо. — О чем ты думал? Когда я вошла.

— О том, что значит быть Сэмом, — отозвался я.

— Быть Сэмом здорово, — сказала Грейс и вдруг улыбнулась, да так широко, что я против воли тоже улыбнулся и потерся носом о ее нос. Наконец она отступила и указала на свое приношение, расположившееся в самом близком соседстве с моей стопкой книг. — Прости, что так буднично. В Мерси-Фоллз с местами для романтических ужинов негусто, а если бы они и были, я все равно сейчас немного на мели. Ты сможешь сейчас поесть?

Я протиснулся мимо нее к входной двери, запер ее и повесил табличку «Закрето».

— Все равно пора закрываться. Пойдем домой? Или наверх?

Грейс покосилась на обитые бордовым ковролином ступени, ведущие на второй этаж, и я понял, что она приняла решение.

— Ты как главный силач потащишь напитки, — сказала она с иронией в голосе. — А я возьму на себя сэндвичи. Они ведь небьющиеся.

Я выключил свет на первом этаже и с картонным подносом в руках двинулся по лестнице следом за ней. Толстый ковролин приглушал шаги. Я ощущал, что с каждой ступенькой все выше и выше поднимаюсь от того дня рождения, который остался в моей памяти, к чему-то неизмеримо более реальному.

— Что ты мне взяла? — поинтересовался я.

— Деньрожденный сэндвич, — отозвалась Грейс. — Что же еще?

Я включил многорожковую настольную лампу, стоящую на низеньком стеллаже; восемь небольших лампочек облили пятнистым розоватым светом видавший виды диванчик, на котором мы устроились с Грейс.

Мой деньрожденный сэндвич оказался с ростбифом и майонезом, точно такой же Грейс взяла и себе. Мы разложили картонки между нами на диванчике, и Грейс, отчаянно фальшивя, пропела «С днем рожденья тебя!».

— И еще много-много счастливых лет, — добавила она совершенно иным тоном.

— Ух ты, спасибо!

Я коснулся ее подбородка, и она улыбнулась мне.

Когда мы расправились с сэндвичами — то есть я практически расправился с моим, а Грейс объела со своего булку, — она кивнула на обертки и сказала:

— Ты пока сомни все это, а я вытащу твой подарок.

Я вопросительно взглянул на нее. Она подняла с пола свой рюкзачок и взгромозила его на колени.

— Не надо было ничего покупать, — сказал я. — Я как-то глупо себя чувствую.

— Я так захотела, — возразила Грейс. — И не порть мне все своей скромностью. Я же попросила тебя убрать бумажки!

Я кивнул и принялся сворачивать обертки.

— Ох уж эти твои журавлики! — рассмеялась она, и я спохватился, что мои руки сами собой начали складывать из той обертки, что была почище, большую птицу с логотипом «Сабвей» на крыле. — Что у тебя за страсть к ним такая?

— Я делаю их, когда мне хорошо. Чтобы запомнить этот миг. — Я помахал перед ней журавликом, и его вислые складчатые крылья заколыхались. — Теперь ты никогда не забудешь, откуда взялся этот журавлик.

Грейс внимательно посмотрела на него.

— Пожалуй, это верное утверждение.

— Задача завершена, — произнес я негромко и положил журавлика на пол перед диваном.

Я тянул время и сам это понимал. От мысли о том, что Грейс собиралась что-то мне подарить, под ложечкой у меня странно холодело. Но Грейс было не так-то просто сбить с толку.

— А теперь закрой глаза, — велела она.

В голосе ее я услышал нечто для себя пугающее — предвкушение. Надежду. Только бы мне понравилось то, что она приготовила. Я попытался нарисовать в своем воображении выражение полного восторга и был готов изобразить его, что бы она мне ни подарила.

Грейс застегнула молнию на рюкзаке и плюхнулась обратно на диван.

— Помнишь, когда мы в первый раз здесь сидели? — спросила она.

Этот вопрос был не из тех, которые требуют ответа, и я лишь молча улыбнулся, не раскрывая глаз.

— Помнишь, как ты велел мне закрыть глаза и прочитал то стихотворение? Рильке? — Голос Грейс приблизился; я ощутил, как ее колено коснулось моего. — До чего же я в тот миг тебя любила!

По коже у меня побежали мурашки, я слотнул. Я знал, что она меня любит, но она почти никогда не говорила об этом вслух. Эти ее слова сами по себе были для меня подарком на день рождения. Руки у меня лежали на коленях, и она вложила в них что-то. Это был лист бумаги.

— Вряд ли у меня получится когда-нибудь стать такой же романтичной, как ты, — сказала она. — Ты же знаешь, я в этом не сильна. Но... ладно. — Она негромко рассмеялась

над собственной неловкостью, и это было так трогательно, что я едва не забылся и не открыл глаза, чтобы взглянуть на ее лицо. — В общем, я не могу больше ждать. Открывай глаза.

Я открыл их. В руках у меня был сложенный лист бумаги. С обратной стороны угадывались отпечатанные внутри буквы, но что там, было непонятно.

Грейс с трудом сидела на месте. Видеть это было невыносимо, потому что я не знал, оправдаю ли ее ожидания.

— Разверни.

Я попытался воскресить в памяти восторженное выражение лица. Вскинутые брови, улыбка во весь рот, прищуренные глаза.

Я развернул бумагу.

И начисто забыл, как именно собирался изображать восторг. Я сидел, глядя на слова на бумаге, и не верил своим глазам. Нет, это не был самый роскошный подарок на свете, хотя Грейс, наверное, нелегко было все устроить. Поразительно было то, насколько точным оказалось попадание. Это был тот самый новогодний зарок, дать который у меня не хватило решимости. Нечто, свидетельствовавшее о том, как хорошо она меня знает. Нечто, превращавшее все «я тебя люблю» в реальность.

Это был сертификат. На пять часов в студии звукозаписи.

Я вскинул глаза на Грейс и увидел, что предвкушение сменилось чем-то совершенно иным. Это было самодовольство. Откровенное и ничем не прикрытое самодовольство, так что, видимо, выражение, которое приняло мое лицо без малейшего моего сознательного усилия, выдало меня с головой.

— Грейс, — произнес я внезапно севшим голосом.

Она улыбалась уже практически до ушей.

— Нравится? — спросила она, хотя вопрос был совершенно излишним.

— Я...

Она избавила меня от необходимости закончить предложение.

— Это в Дулуте. Я выбрала день, когда у нас обоих будет выходной. Я подумала, ты мог бы спеть какие-нибудь свои песни и... не знаю. В общем, что захочешь, то и сделаешь.

— Демозапись, — произнес я негромко.

Она даже не подозревала, какой подарок мне сделала. А может, наоборот, понимала. Это был не просто толчок, чтобы я попытался выйти с моей музыкой на новый уровень. Это было признание, что я могу двигаться дальше. Что в моей жизни будет следующая неделя, следующий месяц, следующий год. Эти пять часов в студии означали возможность строить планы на новое будущее. Они означали, что, отправив демозапись кому-нибудь и получив ответ: «Мы свяжемся с вами через месяц», я мог больше не опасаться, что к этому времени уже не буду человеком.

— Ох, Грейс, я люблю тебя, — сказал я и, не выпуская из рук сертификата, крепко обнял ее за шею. Потом коснулся губами ее виска и снова стиснул в объятиях. Сертификат я положил на пол рядом с журавликом из оберточной бумаги.

— Из него ты тоже сделаешь журавлика? — поинтересовалась она и снова закрыла глаза, чтобы я мог поцеловать ее еще раз.

Но я не стал. Я просто отвел волосы от ее лица, чтобы взглянуть на нее. Она напоминала ангела, какими их изображают на надгробных памятниках: глаза закрыты, лицо запрокинуто, руки молитвенно сложены.

— Ты опять горячая, — заметил я. — Ты хорошо себя чувствуешь?

Она не спешила открывать глаза, и я пальцем провел вдоль контура ее лица. По контрасту с ее теплой кожей мои руки казались холодными.

— Угу, — отозвалась она.

Я продолжил водить по ее лицу кончиками пальцев. Мне хотелось сказать ей, о чем я думаю, например, «ты очень красивая» и «ты мой ангел», но в случае с Грейс подобные слова куда больше значили для меня, чем для нее. Для нее они были расхожими фразами, способными вызвать секундную улыбку, и только, — слишком уж затасканные, чтобы казаться искренними. Мои руки на ее лице, мои губы на ее губах — вот что имело значение для Грейс. Мимолетные прикосновения, говорившие о том, что я люблю ее.

Когда я склонился поцеловать ее, то уловил едва заметный сладковатый ореховый запах — запах волка, которого она нашла в лесу. Такой слабый, что он мог бы мне померещиться. Но одной мысли об этом было достаточно, чтобы разрушить все очарование мига.

— Поехали домой, — сказал я.

— Твой дом здесь, — с шаловливой улыбкой отозвалась Грейс. — Ты меня не задурешь. Но я уже поднялся на ноги и потянул ее за собой.

— Не хочу попадаться на глаза твоим родителям, — пояснил я. — В последнее время они приходят домой совсем рано.

— А давай сбежим куда-нибудь, — предложила Грейс весело и наклонилась, чтобы собрать остатки нашего обеда.

Я подставил бумажный пакет, чтобы она сбросила все туда, потом она подобрала пергаментного журавлика, и мы двинулись к лестнице.

Рука об руку мы прошли по темному магазину и через заднюю дверь вышли во двор, где Грейс оставила свою «мазду». Она уселась за руль, а я поднес ладонь к носу, пытаясь уловить сохранившийся запах волка. Хоть сейчас я и не почувствовал ничего, однако волк во мне не мог забыть об отголоске этого запаха в том поцелуе.

Он был как шепот на чужом языке, попыткой донести до меня секрет, который я не мог понять.

Что-то разбудило меня.

Окруженный привычной тусклой темнотой комнаты Грейс, я не мог понять, где нахожусь. Снаружи не доносилось ни звука, и весь дом был погружен в дремотную ночную тишину. Грейс тихо посапывала, отвернувшись от меня. Я обнял ее и уткнулся в пахнущий шампунем затылок. Крохотные золотистые волоски у основания шеи защекотали мне ноздри. Я мотнул головой, Грейс вздохнула во сне и подкатилась ко мне под бок. Мне тоже следовало бы спать: с утра пораньше в магазине был назначен переучет, — но что-то зудело в подсознании, не давая уснуть. Поэтому я просто лежал рядом с ней, пока от ее горячей кожи мне не стало слишком жарко.

Я слегка отодвинулся, не выпуская ее из объятий. Обычно меня убаюкивало мерное дыхание Грейс, даже когда все остальные средства оказывались бессильны. Но не сегодня.

Я лежал, и в голове у меня крутились воспоминания об ощущениях на грани превращения в волка. Я вспоминал, как по коже разливался холод и она покрывалась колючими мурашками. Как волной мучительной тошноты подступал к горлу желудок. Как медленно взрывался болью позвоночник, принимая иную, отличную от человеческой форму. Как одна за другой ускользали мысли, скомканные и видоизмененные, чтобы можно было втиснуть их в мой зимний череп.

Сон не шел. Все мои инстинкты были обострены до предела. Темнота подступала ко мне со всех сторон, но мое волчье нутро нашептывало: что-то не так.

Снаружи начали выть волки.

ГРЕЙС

Мне было очень жарко. Постельное белье липло к влажным лодыжкам; уголки губ стали солеными от пота. Завыли волки, и волна жара разбежалась по коже, точно лицо и руки закололи разом сотни крохотных иголочек. Все причиняло боль: слишком тяжелое одеяло, холодная рука Сэма на моем боку, протяжный волчий вой вдали, воспоминание о пальцах Сэма, стискивающих виски, собственная туго натянутая кожа.

Я спала. Мне снился сон. Или не спала, а находилась где-то посередине между сном и явью. Я не могла решить.

Перед глазами у меня проплывали все превращения, которые мне довелось видеть: Сэма — разрывающее душу и иступленное; Бека — решительное и осознанное; Джека — яростное и мучительное; Оливии — стремительное и непринужденное. Все они наблюдали за мной из леса, десятки глаз, устремленных на меня, отщепенку, единственную, кто избежал их судьбы.

Запекшийся язык прилип к нёбу. Я попыталась оторвать голову от влажной подушки, но это требовало слишком больших усилий. Я отчаянно ждала, когда придет сон, но воспаленные глаза отказывались закрываться.

Интересно, если бы я не исцелилась, каким было бы мое собственное превращение? Какая бы из меня вышла волчица? Я взглянула на свои руки и представила их темно-серыми с черно-белой опушкой. Я ощутила на плечах тяжесть волчьей шкуры, и желудок скрутила тошнота.

На один ослепительный миг все, кроме холодного воздуха в комнате и тихого дыхания Сэма рядом со мной, вдруг перестаю существовать. Потом снова завыли волки, и меня охватило ощущение чего-то нового и одновременно знакомого.

Я превращалась в волчицу.

Я пыталась удержать волка, рвущегося изнутри меня, выворачивающего меня наизнанку, продирающегося сквозь мою кожу, пытающегося выпутаться из меня.

Я желала этого, каждая мышца в моем теле исходила криком и лопалась.

Боль полосовала меня.

Я утратила голос.

Меня объял огонь.

Я спрыгнула с кровати, стряхивая с себя кожу.

СЭМ

Крик Грейс вырвал меня из сна. Раскаленная до ста миллионов градусов, она была так близко, что я боялся загореться, но так далеко, что не дотянуться.

— Грейс! — прошептал я. — Ты не спишь?

Она снова закричала и откатилась в сторону, стащив с меня одеяло. В тусклом свете слабо различались лишь очертания ее плеча; я протянул руку и накрыл ее ладонь. Она была вся в поту, я ощутил, как по ее коже пробежала слабая дрожь.

— Грейс! Проснись! Что с тобой?

Сердце у меня колотилось так громко, что я, наверное, не услышал бы, даже если бы она что-нибудь ответила.

Она заметалась, потом вдруг подскочила в кровати. Глаза у нее были безумные, ее всю трясло. Я не узнавал ее.

— Грейс, скажи что-нибудь, — прошептал я, хотя смешно было шептать после такого ее крика.

Грейс с изумлением взглянула на собственные руки. Я тыльной стороной ладони коснулся ее лба: он был совершенно раскаленный. Я и не подозревал, что человек может быть таким горячим. Я обхватил ее лицо ладонями, и она вздрогнула, как будто к ее щекам приложили лед.

— По-моему, ты заболела, — сказал я, чувствуя тошнотворный холодок под ложечкой. — У тебя жар.

Она растопырила пальцы и оглядела свои трясущиеся руки.

— Мне снилось... снилось, что я превратилась в волчицу. Я думала, я...

Она неожиданно издала ужасающий вой и согнулась пополам, обхватив живот руками.

Я не знал, что делать.

— Что с тобой? — спросил я, не ожидая ответа, и не получил его. — Я сейчас принесу тебе тайленол или еще что-нибудь. Аптечка в ванной?

Она лишь тихонько заскулила. Это было жутко.

Я склонился, чтобы взглянуть на ее лицо, и тут я почувствовал его.

Запах волка.

Волка, волка, волка.

Запах волка.

От Грейс.

Нет, невозможно. Наверное, это пахло от меня. Только бы это пахло от меня!

Я склонил голову к собственному плечу и принюхался. Потом поднес к носу ладонь, ту самую, которой касался ее лба.

От нее пахло волком.

У меня оборвалось сердце.

Дверь распахнулась, и в комнату хлынул свет из коридора.

— Грейс? — послышался голос ее отца. Вспыхнул свет, и его глаза остановились на мне. Я сидел на кровати рядом с ней. — Сэм?!

Я даже не видела, как папа вошел в комнату. Я поняла, что он здесь, лишь когда до меня откуда-то издалека, словно сквозь толщу воды, донесся его голос:

— Что здесь происходит?

Голос Сэма лился, казалось, в такт боли, которая скручивала меня. Я обняла подушку и утонула в стену. Сэм отбрасывал размытую тень, папа — более темную и резкую. Они мельтешили туда-сюда, то сливаясь в одно большое пятно, то снова разделяясь надвое.

— Грейс. Грейс, — повысил голос папа. — Не делай вид, будто меня здесь нет.

— Мистер Брисбен, — начал Сэм.

— Я тебе... я тебе покажу «мистера Брисбена», — загремел папа. — Как у тебя вообще хватает наглости смотреть мне в глаза, когда ты за нашей спиной...

Мне не хотелось шевелиться, потому что с каждым движением огонь у меня внутри разгорался все яростней, но я не могла допустить, чтобы папа произнес это вслух. Я обернулась к ним, морщась от невыносимой боли в животе.

— Папа. Пожалуйста. Не говори так с Сэмом. Ты ничего не знаешь.

— И ты тоже хороша! — напустился на меня папа. — Мы доверяли тебе целиком и полностью, а ты обманула наше доверие.

— Пожалуйста, — взмолился Сэм, и я увидела, что он стоит у кровати в штанах и футболке. Кулаки у него были сжаты так, что побелели косточки. — Я понимаю, вы на меня злитесь, можете злиться и дальше, я вас ничуть не виню, но с Грейс что-то не так.

— Что здесь происходит? — вклинился мамин голос. Внезапно в тоне ее послышались странные разочарованные нотки, и я подумала, что Сэм будет уничтожен. — Сэм? С ума сойти.

— Пожалуйста, миссис Брисбен, — сказал Сэм, хотя мама как-то просила, чтобы он звал ее Эми, и обычно он так к ней и обращался. — Грейс очень горячая. У нее...

— А ну-ка отойди от постели. Где твоя машина?

Папин голос снова зазвучал откуда-то издалека, и я стала смотреть на вентилятор на потолке над кроватью, воображая, что он включился и овеивает мой покрытый испариной лоб.

Передо мной появилось мамино лицо, и я ощутила прикосновение ко лбу ее ладони.

— Солнышко, ты, похоже, и вправду температуришь. Мы слышали, как ты кричала.

— У меня что-то с животом, — выдавила я, стараясь не открывать рот слишком широко, чтобы не выпустить то, что рвалось из меня наружу.

— Пойду поищу градусник.

Она скрылась из виду. Папа с Сэмом продолжали бубнить что-то невразумительное. О чем они вообще могли говорить? Вернулась мама.

— Попробуй сесть, Грейс.

Я попыталась и вскрикнула. Изнутри меня рвали когтями. Мама протянула мне стакан воды, озабоченно глядя на термометр.

Стакан выскользнул из моей безвольной руки и с глухим стуком упал на пол. Сэм,

стоявший у двери, вздрогнул и обернулся. Мама посмотрела на стакан, потом на меня.

Мои пальцы продолжали сжимать невидимый стакан.

— Мама, кажется, я действительно заболела, — прошептала я.

— Вот именно, — сказал папа. — Сэм, бери куртку. Я отвезу тебя к твоей машине. Эми, измерь ей температуру. Я возьму телефон.

Я вскинула глаза на Сэма. У него было такое лицо, что у меня защемило сердце.

— Пожалуйста, не просите меня оставить ее в таком состоянии.

Я задыхалась чуть быстрее.

— Я не прошу, — отрезал отец. — Я приказываю. Если хочешь когда-нибудь еще увидеть мою дочь, сейчас же уходи из моего дома, потому что я так сказал.

Сэм запустил пальцы в волосы и, зажмурившись, сцепил руки на затылке. На миг все в комнате затаили дыхание, ожидая, что он сделает. Вся его поза выражала такое напряжение, что взрыв казался неминуемым.

Он открыл глаза, а когда заговорил, я едва узнала его голос.

— Не смейте... не смейте так говорить. Не смейте угрожать мне такими вещами. Я уйду. Но не смейте...

Договорить он не смог. Я видела, как дернулся его кадык, и, по-моему, произнесла вслух его имя, но он уже вышел в коридор, а мой отец вышел следом.

Мгновение спустя мне показалось, что я услышала, как взревел двигатель папиной машины, но на самом деле это была мамина машина, а я сидела на заднем сиденье. Лихорадка пожирала меня заживо. За окном машины проплывали в холодном ночном небе звезды, а я была такая маленькая, такая одинокая, и мне было больно. «Сэм, Сэм, Сэм! Где ты?»

— Солнышко, — отозвалась с водительского сиденья мама. — Сэма здесь нет.

Я проглотила слезы и стала смотреть на звезды, тающие за горизонтом.

В ту ночь, когда Грейс увезли в больницу без меня, я наконец вновь обратил свой взор на волков.

То была ночь множества крошечных совпадений, которые переросли в нечто большее. Не стань Грейс плохо именно в ту ночь, не вернись в тот вечер ее родители домой раньше обычного, не застукай они нас, не реши я поехать обратно к Беку, не услышь Изабел на заднем дворе Коула, не привези она его ко мне, не будь в Коуле поровну от торчка, придурка и гения — как сложилась бы жизнь?

У Рильке есть стихи:

Помедлить, даже любуясь любимым, нам не дано.^[4]

Я уже тосковал по ощущению руки Грейс в моей руке.
С тех пор ничто больше не было как прежде. Ничто.

После того как мы с отцом Грейс уселись в машину, он довез меня до узкого переулочка за магазином, где я оставил свой «фольксваген». Маневрируя, чтобы не задеть зеркалами за выстроившиеся по обеим сторонам мусорные бачки, он молча остановился прямо за моей машиной. Моргающий свет фонаря озарял его лицо. Я тоже молчал; мой рот был накрепко запечатан едкой смесью вины и гнева. Какое-то время мы просто сидели в машине, потом вдруг пришли в движение дворники, и мы оба вздрогнули от неожиданности. Видимо, он случайно установил их на работу в периодическом режиме, когда включал поворотники на въезде в переулок. Дворники еще раз проехали по уже чистому стеклу, прежде чем он спохватился и отключил их.

В конце концов, не глядя на меня, он произнес:

— Грейс была идеальным ребенком. За семнадцать лет у нее ни разу не возникло проблем в школе. Она никогда не баловалась ни наркотиками, ни выпивкой. Она круглая отличница. Всегда само совершенство.

Я молчал.

— До этого года. Нам не нужно, чтобы кто-то плохо на нее влиял. Я не знаю тебя, Сэмюэль, зато знаю свою дочь. И знаю, что это все из-за тебя. Я не собираюсь угрожать, но не позволю тебе испортить мою дочь. Советую серьезно пересмотреть свои приоритеты, прежде чем пытаться увидеть ее снова.

Я попытался сформулировать в уме ответ, но выходило либо слишком резко, либо слишком честно, чтобы произнести это вслух. Поэтому я вышел в ледяную ночь, оставив все слова при себе.

Он немного подождал, чтобы убедиться, что моя машина заведется, и уехал, а я остался сидеть в своем «фольксвагене», положив руки на колени и глядя на заднюю дверь книжного магазина. Казалось, много дней прошло с тех пор, как мы с Грейс вышли из нее: я в полном

восторге от подарка Грейс и она в полном восторге от моей на него реакции и от удовольствия, что угадала мое заветное желание. Только теперь я не мог воспроизвести в памяти ее довольное лицо. Перед глазами упорно вставала Грейс, корчащаяся от боли на постели, раскрасневшаяся, пахнувшая волком.

Это просто вирус.

Я твердил себе эти слова всю дорогу до дома Бека. Свет фар был единственным, что нарушало непроницаемую ночную тьму, выхватывая из мрака черные стволы деревьев по обочинам. Я повторял их снова и снова, пытаюсь заглушить внутренний голос, нашептывавший, что это не так, и руки у меня чесались выкрутить руль и поехать обратно к дому Брисбенов.

На полпути к дому Бека я вытащил свой мобильник и набрал номер Грейс. Затея была дурацкая, и я сам это понимал, но ничего не мог с собой поделать.

Послышались длинные гудки, потом в трубке раздался голос отца Грейс.

— Не звони больше, — сказал он. — Серьезно, Сэмюэль, если у тебя есть голова на плечах, ты должен понять, что на сегодняшнюю ночь хватит. Я не желаю с тобой больше разговаривать. И не желаю, чтобы Грейс разговаривала с тобой. Просто...

— Я хочу знать, как она.

Я подумал, что нужно бы добавить «пожалуйста», но не смог выдавить это из себя.

Возникла пауза, как будто он слушал кого-то другого.

— Это просто вирус, — произнес он наконец. — Не звони больше. Я изо всех сил стараюсь не наговорить тебе чего-нибудь такого, о чем потом пожалею.

На этот раз я расслышал на заднем плане чей-то голос, не то Грейс, не то ее матери, и в ухо мне ударили гудки отбоя.

Я ощутил себя бумажным корабликом в безбрежном океане ночи.

Ехать в дом Бека не хотелось, но больше податься было некуда. Мне не к кому было пойти. Я был человеком, но без Грейс у меня не осталось ничего, кроме этой машины, книжной лавки и дома с кучей пустых комнат.

Поэтому я поехал к дому Бека — пора было уже отвыкать называть его в мыслях домом Бека — и оставил машину на пустой подъездной дорожке. Когда-то давным-давно, когда Бек еще был человеком, а я на зиму выпадал из числа людей и превращался в волка, в летние месяцы я работал в книжном магазине. По вечерам я подъезжал к дому, когда было еще светло, потому что летом и ночей-то толком не бывает, и выходил из машины Бека под несущийся с заднего двора смех и запах жарящегося мяса. Странное это было чувство — вылезать из машины в безмолвную ночь, ежась от пронизывающего холода и зная, что все голоса из моего прошлого теперь заперты в лесной чаще. Все, кроме меня.

Грейс.

Очувтившись в доме, я зажег свет на кухне, потом в коридоре. В голове у меня прозвучал голос Бека, выговаривающего мне, девятилетнему: «Зачем устраивать в доме полную иллюминацию? Мы что, подаем сигнал инопланетянам?»

Я двинулся по дому, включая каждую лампу, и из каждой комнаты навстречу мне вставали воспоминания. Ванная, где я чуть не превратился в волка после того, как познакомился с Грейс. Гостиная, где мы с Полом играли на гитаре — его выдавшая виды «Фендер» до сих пор была прислонена к каминной полке. Комната для гостей на первом этаже, куда Дерек таскал свою подружку из города, пока Бек не устроил ему головомойку. Я включил свет на лестнице, ведущей в подвал, и в библиотеке внизу, потом поднялся и зажег

в кабинете Бека лампу, которую пропустил. В гостиной я задержался ровно настолько, чтобы на полную громкость включить дорожную стереосистему. Ульрик купил ее к моему десятому дню рождения, чтобы я «мог слушать „Джетро Талл“ так, как его полагается слушать».

На втором этаже я щелкнул выключателем торшера в комнате Бека, где он практически никогда не спал, предпочитая складировать на кровати книги и газеты, а спать в кресле в подвале с какой-нибудь раскрытой книгой на груди. В тусклом желтом свете оживила комната Шелби, девственно-чистая и нежилая, лишенная каких бы то ни было следов пребывания ее хозяйки, за исключением старого компьютера. На краткий миг я заколебался, сражаясь с искушением расколотить монитор, просто потому что мне хотелось что-нибудь ударить, а уж кто-кто, а Шелби этого заслуживала, но она этого не увидела бы, и в таком случае удовлетворение было бы неполным. В комнате Ульрика время, казалось, остановилось. На кровати валялся его пиджак и лежали аккуратно сложенные джинсы; на тумбочке до сих пор стояла пустая чашка. Следующей была комната Пола; на комодке красовалась стеклянная банка с двумя зубами: один принадлежал ему самому, другой — мертвому белому псу.

Собственную комнату я оставил напоследок. С потолка свисали на нитках журавлики-воспоминания. По стенам тянулись книжные полки. Пахло затхлостью и запустением; мальчик, который вырос здесь, не жил в этой комнате уже давно.

Что ж, теперь я буду тут жить. Одиночка, слоняющийся по дому в надежде на возвращение остальных членов семьи.

Однако за миг до того, как я протянул руку к выключателю на стене темной комнаты, до меня донесся рев мотора.

Я больше не был один.

— Ты что, пытаешься посадить тут самолет? — поинтересовалась Изабел.

Зрелище она представляла собой совершенно нереальное, стоя посреди гостиной в шелковых пижамных штанах и дутом белом пальто с меховым воротником. Я никогда еще не видел ее без макияжа; она казалась намного моложе.

— Дом видно за милю. Тут, наверное, не осталось ни одной незажженной лампочки.

Я ничего не ответил. В голове у меня до сих пор не укладывалось, каким образом Изабел очутилась здесь в четыре утра в компании с парнем, которого я в последний раз видел на полу у нее на кухне — он превращался в волка. Теперь он стоял здесь в потрепанной толстовке и мешком висящих джинсах, из-под которых выглядывали опухшие босые ноги жуткого сизого оттенка, и вид у него был такой, как будто все это его совершенно не заботит. То, как он смотрел на Изабел и как она из кожи вон лезла, чтобы не смотреть на него, наводило на абсурдную мысль о том, что их что-то связывает.

— Ты обморозился, — сказал я ему первое, что пришло в голову. — Нужно отогреть тебе пальцы, иначе приятного потом будет мало. Изабел, ты не могла этого не знать.

— Я же не идиотка, — отозвалась Изабел. — Но если бы мои родители застучали его у нас в доме, ему была бы крышка, и тогда приятного было бы еще меньше. Я решила, что в такой ситуации лучшим выходом будет привезти его сюда, тем более шанс, что они посреди ночи заметят отсутствие моей машины, ничтожный. — Если Изабел и заметила, что я сглотнул, она не сделала паузу. — Кстати, это Сэм. Тот самый.

Я не сразу сообразил, что теперь она обращается к самоуверенному обмороженному типу.

«Тот самый Сэм». Интересно, что она наговорила ему про меня? Я взглянул на парня, и снова его лицо показалось мне до боли знакомым. Не по-настоящему знакомым, когда где-то встречал человека лично, а скорее напоминающим какого-то актера, имени которого не можешь вспомнить.

— Значит, ты теперь здесь за главного? — сказал он с улыбкой, которую я бы определил как сардоническую. — Я Коул.

«Ты теперь здесь за главного». А ведь так все и было.

— Ты не видел, еще кто-нибудь из волков уже превращался? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Я думал, мне еще слишком рано превращаться.

Вид его пальцев настолько беспокоил меня, что я вышел в кухню и отыскал там флакончик с ибупрофеном. Вернувшись, я бросил его Изабел, и та, к изумлению моему, его поймала.

— Это потому, что тебя укусили совсем недавно. То есть в прошлом году. Сейчас температура не имеет для тебя такого большого значения. Какое-то время превращения будут... непредсказуемыми.

— Непредсказуемыми, — эхом отозвался Коул.

«Сэм, прошу тебя, не надо так больше, прекрати». Я заморгал, и голос матери заглох, вернувшись в прошлое, туда, где ему было самое место.

— Это еще зачем? Для него? — Изабел взглянула на флакончик с таблетками и кивнула в сторону Коула.

И снова у меня промелькнуло ощущение, что этих двоих что-то связывает.

— Ага. Когда пальцы начнут отходить, боль будет адская, — сказал я. — Так будет терпимо. Ванная там.

ИЗАБЕЛ

Коул взял ибупрофен, но я видела, что он не собирается его принимать. То ли воображал себя крутым мачо, то ли из религиозных соображений, то ли еще почему, уж не знаю. Но когда он скрылся в ванной, я услышала, как он щелкнул выключателем и поставил бутылочку, не открывая ее. Потом в ванну полилась вода. Сэм отвернулся с выражением странного отвращения на лице, и я поняла, что Коул ему не понравился.

— Ну, Ромул, — произнесла я, и Сэм обернулся, вытаращив на меня свои желтые глаза. — Что ты делаешь здесь в одиночестве? Я думала, вас с Грейс придется отделять друг от друга хирургическим путем.

Проведя последний час с Коулом, который демонстрировал исключительно те эмоции, которые считал нужным демонстрировать, странно было увидеть на лице Сэма неприкрытую боль. Одни только его густые темные брови сами по себе были воплощением страдания. Мне пришло в голову, что они с Грейс могли поругаться.

— Ее родители спустили меня с лестницы, — сказал Сэм и на миг улыбнулся, как делают люди, когда им совсем не до смеха, но нет желания показывать это. — Грейс... э-э... стало плохо, и они... э-э... обнаружили нас вдвоем и спустили меня с лестницы.

— Сегодня ночью?

Он кивнул, совершенно потерянный и искренний. Я не могла заставить себя взглянуть

на него.

— Угу. Я приехал сюда незадолго до вас.

Залитый ослепительным светом дом, в котором не осталось ни одной незажженной лампы, внезапно обрел новое значение. Я не знала, то ли восхищаться Сэмом за то, что он чувствует все так остро и болезненно, то ли презирать за чрезмерные эмоции, которые выплескивались через край. Я не понимала, что творится у меня внутри.

— Только... э-э... — произнес Сэм, и эти слова сказали мне, что он снова взял в себя в руки, собрался, как конь, который сначала подтягивает к себе ноги, прежде чем встать с земли. — Неважно. Расскажи мне про Коула. Каким образом он оказался с тобой?

Я буравила его взглядом, пока не поняла, что он хотел сказать: «Каким образом он оказался с тобой здесь?»

— Долго рассказывать, — произнесла я и плюхнулась на диван. — Мне не спалось, и я слышала, как он бродит вокруг дома. Было совершенно ясно, кто он такой, и совершенно ясно, что превращаться обратно в волка он не собирается. Я не хотела, чтобы мои предки обо всем узнали и распсиховались. Ну и вот.

Губы Сэма сложились в непонятную гримасу.

— Как мило с твоей стороны.

Я натянуто улыбнулась.

— Со мной такое случается.

— Правда? — спросил Сэм. — Думаю, мало кто впустил бы к себе в дом голого незнакомца.

— Мне не улыбалось по пути к машине завтра утром наткнуться на кучку его пальцев, — пожала плечами я.

Такое впечатление, что Сэм пытался подтолкнуть меня признаться еще в чем-нибудь, как будто каким-то образом догадался, что мы с Коулом видели друг друга всего во второй раз, а первый закончился тем, что мой язык оказался во рту у Коула, а его, соответственно, в моем. Я ухватилась за возможность сменить тему.

— Кстати, о пальцах. У него там все в порядке, хотела бы я знать?

Я покосилась на дверь ванной.

Сэм заколебался. Я вдруг вспомнила, что из всего дома ванная оставалась единственным помещением, где не был включен свет.

— Так постучись к нему и выясни, — произнес он наконец. — А я пойду на второй этаж, подготовлю для него комнату. Мне... мне нужно собраться с мыслями.

— Ладно, как скажешь, — отозвалась я.

Он кивнул и развернулся, чтобы идти наверх, и в этот миг я уловила промелькнувшее на его лице непонятное выражение. Пожалуй, я поторопилась решить, что он для меня открытая книга. Мне захотелось остановить его и попросить заполнить пробелы в нашем разговоре: что случилось с Грейс, почему не горел свет в ванной, что он намеревался делать, — но было уже слишком поздно, да и вообще, тогда это было еще не в моем духе.

КОУЛ

Боль в отмороженных пальцах уже немного отпустила, и я просто нежилась в воде, положив ладони на поверхность и воображая себя спящим, когда в дверь ванной постучали.

От стука незапертая дверь слегка приоткрылась.

— Ты там что, утонул? — послышался голос Изабел.

— Ага, — отозвался я.

— Можно войти?

Впрочем, дожидаться моего разрешения она не стала, а просто вошла в ванную и уселась на крышку унитаза. Пухлый капюшон пальто с меховой опушкой делал ее похожей на горбунью. Пряди подстриженных лесенкой волос ниспадали на щеки. Ее можно было хоть сейчас снимать в рекламе. Унитазов. Пальто. Антидепрессантов. Все равно чего — я бы тут же купил. Она взглянула на меня.

— Я голый, — предупредил я.

— И я тоже, — пожалла плечами Изабел. — Под одеждой.

Я ухмыльнулся. В чувстве юмора ей не откажешь.

— Как ноги? Еще не отвалились? — поинтересовалась она.

Из-за размеров ванны мне пришлось сначала приподнять ногу, а потом распрямить ее, чтобы взглянуть на пальцы. Они все еще были красноватыми, но я мог пошевелить ими и чувствовал их, за исключением мизинца — к нему чувствительность еще не вернулась.

— Да нет вроде. В другой раз.

— Ты собираешься торчать здесь до скончания века?

— Наверное. — Я погрузился поглубже в воду, чтобы продемонстрировать твердость своих намерений, и вскинул на нее глаза. — Не хочешь ко мне присоединиться?

Она многозначительно вздернула бровь.

— Размерчик маловат.

Я снова улыбнулся и прикрыл глаза.

— Очень остроумно.

С закрытыми глазами я чувствовал себя невидимым; в теплой воде собственное тело казалось невесомым. Вот бы изобрели наркотики, вызывающие такие ощущения.

— Я скучаю по моему «мустангу», — сказал я. Главным образом потому, что это было высказывание того рода, на которое она должна была отреагировать.

— Ты лежишь голышом в ванне и думаешь о своей машине?

— Там убойная печка. Если ее включить, можно зажариться, — пояснил я. С закрытыми глазами разговаривать с ней тоже было проще. Не так похоже на бесконечную пикировку. — Сегодня ночью он бы мне очень пригодился.

— И где он сейчас?

— Дома.

Она сняла пальто: я услышал, как оно с шорохом опустилось на кафельный пол.

— И где это?

— В Нью-Йорке.

— В городе?

— В штате Нью-Йорк.

Я подумал о моем «мустанге». Черный, блестящий, навороченный, он стоял в гараже у моих родителей, потому что меня вечно не было дома и водить его было некому. Я купил его с первого же крупного гонорара, но, по иронии нашего времени, слишком много разъезжал по гастролям, чтобы садиться за руль.

— Я думала, ты из Канады.

— Я там был на... — Я едва не произнес «на гастролях», но вовремя прикусил язык,

слишком уж дорога была мне моя анонимность. — На каникулах.

Я открыл глаза и по ее напряженному выражению понял, что она уловила ложь. Похоже, она вообще мало что упустила.

— Ничего себе каникулы, — протянула она. — Хорошо же тебе отдыхалось, если ты согласился стать волком.

Ее взгляд был прикован к застарелым следам от уколов на внутреннем сгибе моего локтя, но выражение у нее было совершенно не такое, какого я ожидал. Она смотрела не осуждающе, а скорее жадно. Учитывая, что под пальто на ней оказалась лишь маечка на тонких бретельках, сосредоточиться я мог с большим трудом.

— Угу, — согласился я. — А ты? Откуда ты узнала про волков?

В глазах Изабел что-то промелькнуло, так быстро, что я не понял, что именно. Это выражение и ее ненакрашенное лицо, юное и незащищенное, заставили меня пожалеть о своем вопросе.

Интересно, с чего это вдруг меня так взволновали чувства этой девушки, которую я едва знал?

— Я дружу с девушкой Сэма, — сказала Изабел.

В своей жизни я достаточно врал или, по крайней мере, говорил полуправду, чтобы различать ее на слух. Но коль скоро она не стала ловить меня на моей собственной полуправде, я решил отплатить ей тем же.

— Ясно. Сэм, — отозвался я. — Расскажи мне о нем.

— Я уже говорила тебе, что Бек воспитал его как своего сына и теперь он вместо Бека. Что еще ты хочешь узнать? Я же все-таки не его девушка.

Однако в ее голосе слышалось восхищение; он явно ей нравился. Я пока что не решил, какие чувства он у меня вызывает.

Вслух я сказал то, что не давало мне покоя с тех самых пор, как я впервые столкнулся с ним.

— Сейчас холодно. А он в человеческом облике.

— Ну и что?

— Вообще-то из слов Бека я сделал вывод, что этого очень трудно добиться. Практически невозможно.

Изабел явно что-то обдумывала, — я видел в ее глазах отголоски безмолвной внутренней борьбы, — потом пожала плечами и сказала:

— Он вылечился. Заразился менингитом, и высокая температура его вылечила.

Это был ключ. К Изабел. Что-то в ее голосе, когда она произнесла эти слова, было не так, но я не очень понимал, какое место это занимает в общей картине.

— Я думал, мы — новички — были нужны Беку, чтобы заботиться о стае, потому что в ней практически не осталось тех, кто еще превращается в людей, — сказал я. По правде говоря, я вздохнул с облегчением. Мне не нужна была ответственность, я хотел спрятаться в волчьей шкуре и пребывать там как можно дольше. — Почему тогда он просто не вылечил всех остальных?

— Он не знал, что Сэм излечился. Если бы он знал, то никогда не стал бы делать новых волков. К тому же это средство действует не на всех.

Голос Изабел стал резким, и у меня возникло такое чувство, что она разговаривает не со мной, а с кем-то другим.

— Вот и славненько тогда, что я не хочу исцеляться, — произнес я легкомысленным

тоном.

Она взглянула на меня и с презрением повторила:

— Вот и славненько.

Внезапно я почувствовал какую-то обреченность. Как будто в конце концов она все равно узнает обо мне всю правду, что бы я ей ни говорил, потому что так уж она устроена. Она узнает, что без «Наркотики» я всего лишь Коул Сен-Клер, пустое место.

Я ощутил знакомый сосущий голод внутри, как будто у меня медленно истлевала душа.

Мне нужна была доза. Я представил, как вонзается под кожу игла и растворяется под языком таблетка.

Нет. Нужно поскорее снова стать волком.

— Неужели ты не боишься? — неожиданно спросила Изабел, и я открыл глаза.

Я и не подозревал, что закрыл их. Ее взгляд был прикован ко мне.

— Чего?

— Потерять себя.

На этот раз я сказал ей правду.

— На это я и надеюсь.

ИЗАБЕЛ

На это мне было нечего сказать. Я не ожидала от него откровенности и не знала, куда это все приведет, потому что не готова была ответить ему тем же.

Он вытащил из воды руку; подушечки пальцев у него слегка сморщились.

— Хочешь посмотреть, как поживают мои пальцы? — спросил он.

Я с замирающим почему-то сердцем взяла его мокрую руку и провела пальцами по ладони. Глаза у него были полузакрыты, и, когда я закончила, он забрал у меня руку и уселся в ванне, так, что вокруг него заколыхалась и заплескалась вода. Ухватившись за край ванны, он приблизил свое лицо к моему. Я понимала, что сейчас мы опять будем целоваться, и осознавала, что делать этого не следует, потому что он уже был на пределе, а я стремительно к этому приближалась. Но я ничего не могла с собой поделать. Меня тянуло к нему как магнитом.

Губы у него пахли волком и солью, а когда он обхватил меня за шею, чтобы притянуть к себе, остывшая вода потекла по груди в вырез майки.

— Ой, — выдохнул он, не отрываясь от моих губ, и я отстранилась.

Вид у него, впрочем, когда он посмотрел на плечо, где остался след от моих ногтей, был не слишком озабоченный. Я все еще не опомнилась от поцелуя, и, по крайней мере на этот раз, он, похоже, тоже почувствовал мое состояние, потому что, когда его чуть влажная рука скользнула от моей шеи вниз к груди и остановилась там, где начинался вырез майки, прикосновение стало настойчивым.

— Ну и что мы будем делать дальше? — поинтересовалась я.

— Найдем кровать.

— Я не собираюсь с тобой спать.

Воздействие поцелуя начинало рассеиваться; все было в точности так же, как в тот раз, когда мы с ним впервые встретились. Почему я вообще позволила ему задеть меня за живое? Что на меня нашло? Я встала, подняла с пола пальто и натянула его. Внезапно мне стало

панически страшно, вдруг Сэм узнает, что мы целовались.

— Ну вот, мне снова дали понять, что я плохо целуюсь, — прокомментировал Коул.

— Мне нужно домой, — сказала я. — Мне завтра в школу... вернее, уже сегодня. Я должна вернуться домой до того, как папа поедет на работу.

— Ужасно плохо целуюсь.

— Просто скажи мне спасибо за то, что все твои пальцы остались при тебе. — Я взялась за дверную ручку. — И не будем больше развивать эту тему.

Я ждала, что Коул будет смотреть на меня как на сумасшедшую, но он просто смотрел на меня. Как будто до него не дошло, что это отказ.

— Спасибо тебе за то, что все мои пальцы остались при мне, — пробурчал он.

Я закрыла за собой дверь и вышла из дома. Не пошла даже искать Сэма. Лишь на полпути домой я вспомнила, как Коул сказал мне, что надеется потерять себя. При мысли о том, что он сломлен, мне почему-то стало легче.

Проснулся я человеком, хотя простыни были сбиты, а от меня пахло волком.

Ночью, когда Изабел ушла, Сэм провел меня мимо кучи белья, явно только что сорванного с кровати, и устроил в одной из комнат на первом этаже. Комната была такая желтая, что казалось, солнце заблевало все стены, а потом утерло рот о комод и занавески. Однако в ней была свежезаправленная кровать, а все остальное не имело значения.

— Спокойной ночи, — сказал Сэм сдержанно, но без враждебности.

Я ничего не ответил. Я лежал под одеялом, мертвый для всего окружающего мира, и видел сны ни о чем.

Теперь, щурясь на свет позднего утра, я бросил кровать незастеленной и прошлепал в гостиную; при дневном свете она выглядела совершенно по-иному. Солнце, льющееся в окна за моей спиной, делало красноклетчатые стены ослепительными. Тут было уютно, совсем не то что в доме Изабел с его готической атмосферой нерушимого порядка.

В кухне все шкафчики были увешаны фотографиями, смеющиеся лица перемежались кусочками скотча и шляпками кнопок. Я немедленно обнаружил на многих из снимков Бека, и Сэма тоже; по ним можно было составлять хронику его взросления. Изабел среди них не было.

Лица были по большей части счастливые, улыбающиеся и довольные, как будто люди эти извлекали из своей странной жизни максимум. Запечатленные на снимках жарили мясо, катались на байдарках и играли на гитарах, однако совершенно очевидно было, что все это происходило либо в этом доме, либо в ближайших окрестностях Мерси-Фоллз. Эти фотографии словно пытались донести до смотрящего две мысли: «Мы — семья» и «Ты — пленник».

Ты сам это выбрал, напомнил я себе. По правде говоря, я не слишком задумывался о том, как они живут от одного превращения в волка до другого. Я вообще практически ни о чем не задумывался.

— Как твои пальцы?

Я на миг напрягся, но сразу же узнал голос Сэма. Обернувшись, я увидел, что он стоит на пороге кухни с чашкой чая в руке, подсвеченный сзади силуэт в широком дверном проеме. Вид у него был мрачный — отчасти от недосыпа, отчасти из-за неуверенности насчет меня.

Непривычно было иметь дело с человеком, не спешащим довериться первому о тебе впечатлению. Меня охватило странное ощущение свободы.

Вместо ответа я поднял руку и пошевелил пальцами; жест получился довольно высокомерный, хотя я не имел ничего такого в виду.

Пугающие желтые глаза Сэма — я так к ним и не привык — смотрели и смотрели на меня; за ними разыгрывалась какая-то непонятная мне борьба. В конце концов он произнес ровным голосом:

— Там есть хлопья, яйца и молоко.

Я вскинул бровь.

Сэм уже готов был вернуться в коридор, но моя вскинутая бровь остановила его. Он на миг закрыл глаза, потом открыл их снова.

— Ну ладно. — Он опустил кружку на разделявший нас островок и сложил руки на груди. — Ладно. Зачем ты здесь?

Задиристый тон слегка улучшил мое о нем мнение, и я готов был не обращать внимания на дурацкие торчащие волосы и грустные, неестественно желтые глаза. Демонстрация характера меня порадовала.

— Чтобы быть волком, — легкомысленным тоном ответил я. — Кстати, ты сам, если верить слухам, здесь не для этого.

Сэм бросил взгляд на фотографии у меня за спиной, потом вновь посмотрел на меня.

— Почему я здесь, не имеет значения. Это мой дом.

— Я вижу, — отозвался я.

Я мог бы облегчить ему задачу, но не видел смысла.

Сэм на миг задумался. Я прямо-таки видел, как он прикидывает, сколько душевных сил готов вложить в наш диалог.

— Послушай. Я вообще-то не дурак, но никак не могу понять, зачем кому-то могло понадобиться выбрать такую жизнь по доброй воле. Если бы ты объяснил это мне, нам было бы гораздо проще поладить.

Я распростер руки, как проделывал это на концертах; тогда публика впадала в неистовство, ведь это означало, что я собираюсь исполнить какую-то новую песню. Виктор понял бы намек и рассмеялся. Сэм был не в теме, поэтому молча таращился на мои руки, пока я не произнес:

— Чтобы начать все с нуля, Ринго. Ровно по той же причине, по которой твой Бек сделал это.

Лицо Сэма стало непроницаемо.

— Но ты сам пошел на это. Сознательно.

Бек определенно рассказывал Сэму другую историю собственного обращения, нежели ту, которую слышал от него я. Интересно, какая из них была правдой? Я, впрочем, не собирался вступать в спор с Сэмом, который смотрел на меня с таким видом, будто ожидал рассказа о том, что Санта-Клауса не существует.

— Ну да. Думай что хочешь. Теперь я могу позавтракать?

Сэм покачал головой — не от злости, а как будто пытался отогнать ненужные мысли. Потом взглянул на часы.

— Угу. Как хочешь. Мне нужно на работу. — Не глядя на меня, он прошел мимо, потом спохватился и вернулся на кухню. Нацарапав что-то на клейкой бумажке, он приклепнул ее к двери холодильника. — Здесь мой мобильный и рабочий телефон. Звони, если что-нибудь понадобится.

Его явно корежило от необходимости быть со мной милым, однако же он был. Намертво въевшееся чувство вежливости? Чувство долга? Что это? Я не особенно жаловал милых людей.

Сэм снова двинулся к двери и снова остановился, уже на пороге, так резко, что звякнули ключи от машины.

— Скорее всего, ты в ближайшее время превратишься обратно в волка. После заката или если слишком много времени проведешь на улице. Так что постарайся никуда отсюда не уходить, ладно? Чтобы никто не видел, как ты превращаешься.

Я слабо улыбнулся.

— Разумеется.

Казалось, он хотел добавить что-то еще, однако лишь молча потер висок ладонью и поморщился. Этот жест сказал мне все, о чем умолчал Сэм: у него была уйма проблем, а я — всего лишь одна из них.

Определенно, избавиться от известности оказалось куда лучшей идеей, чем я ожидал.

ИЗАБЕЛ

Когда в понедельник Грейс не пришла в школу, в обед я укрылась в туалете и позвонила ей на мобильный. Трубку взяла ее мама. Во всяком случае, мне так показалось.

— Слушаю?

Голос определенно принадлежал кому-то другому, не Грейс.

— Э-э... здравствуйте. — Я пыталась говорить не слишком раздраженным тоном, на тот случай, если это действительно была ее мать. — Вообще-то я звонила Грейс.

Да, полностью скрыть свое отношение мне не удалось. Но в самом деле!

Голос в трубке прозвучал довольно дружелюбно.

— Кто это?

— А вы кто?

Я наконец-то услышала голос Грейс.

— Мама! Отдай сейчас же! — Послышалась какая-то возня, потом Грейс сказала: — Прости, пожалуйста. Я тут сижу под домашним арестом, и, видимо, это значит, что мои звонки можно инспектировать без моего разрешения.

Вот это неожиданность. Святая Грейс под домашним арестом?

— Что ты натворила?

Я услышала, как на том конце провода стукнула дверь. Это не был хлопок, но стук определенно был более демонстративный, чем я ожидала бы услышать от Грейс.

— Меня засекли в постели с Сэмом, — призналась она.

Зеркало над раковиной отразило мое удивленное лицо; брови поползли вверх, подведенные черным глаза стали еще больше и круглее, чем были на самом деле.

— Ничего себе! Вы занимались сексом?

— Нет-нет. Он просто спал в моей постели. Устроили черт знает что на ровном месте.

— Ну уж куда ровнее, — отозвалась я. — Все нормальные родители обожают, когда их дочери спят в одной постели со своими парнями. Мои так точно были бы счастливы. И что, они не пустили тебя в школу? Это уж...

— Нет, это потому, что я была в больнице, — перебила меня Грейс. — У меня поднялась температура, и они снова устроили черт знает что и потащили меня в больницу, вместо того чтобы дать мне тайленол. По-моему, им просто нужен был убедительный предлог увезти меня подальше от Сэма. В общем, мы проторчали там уйму времени, как это обычно бывает в больнице, и приехали уже под утро. Собственно, я только что проснулась.

Мне вдруг вспомнилось, как Грейс отпрашивалась с занятия по информатике, потому что у нее разболелась голова.

— Что с тобой было? Что сказали врачи?

— Какой-то вирус. Ничего страшного, — ответила Грейс так поспешно, что я едва

успела закончить свой вопрос. По-моему, она сама не очень-то в это верила.

Дверь туалета чуть приоткрылась, и я услышала:

— Изабел, я знаю, что ты там. — Это была мисс Маккей, наша англичанка. — Если ты и дальше будешь пропускать обед, мне придется сообщить об этом твоим родителям, предупреждаю тебя. Урок начнется через десять минут.

Дверь снова закрылась.

— Ты что, опять объявила голодовку? — спросила Грейс.

— А тебе не кажется, что тебя сейчас должны куда больше волновать собственные проблемы? — ответила я.

КОУЛ

После того как Сэм отправился «на работу», что бы под этим ни подразумевалось, я налил себе стакан молока и вернулся в гостиную с намерением порыться в ящиках. По моему опыту, ящики и рюкзаки как ничто другое помогают понять человека. Впрочем, на приставных столиках в гостиной не оказалось ничего интереснее пультов дистанционного управления и джойстиков от игровой приставки, так что я направился в кабинет, который заметил по пути из спальни.

Тут мне повезло гораздо больше. В рабочем столе оказалось полно бумаг, да и компьютер включился без пароля. Эта комната прямо-таки идеально подходила для обыска — она располагалась в углу дома, и часть окон выходила на улицу, так что Сэму не удалось бы вернуться домой незамеченным. Я поставил стакан рядом с ковриком для мыши (кто-то вдоль и поперек изрисовал его маркером; среди рисунков я обнаружил весьма грудастую девицу в школьной форме) и удобно устроился в кресле.

На столе стопкой лежали счета, адресованные Беку и снабженные пометкой «Оплачено путем автоматического списания со счета». Счета меня не интересовали. Рядом с клавиатурой лежал ежедневник в коричневой кожаной обложке. Ежедневники меня тоже не интересовали. Я открыл ящик стола. Там обнаружилась кучка компьютерных дисков, в основном утилитарного назначения, но нашлось среди них и несколько с играми. Тоже ничего интересного. Я перешел к нижнему ящику и был вознагражден облаком пыли, при помощи которой люди обычно маскируют свои секреты. Под ней скрывался коричневый конверт с пометкой «Сэм». Уже кое-что. Я вытащил первый лист. Бумаги по усыновлению.

Ну, поехали.

Я вытряхнул содержимое конверта на стол, потом пошарил внутри, доставая то, что там еще оставалось. Свидетельство о рождении на имя Сэмюеля Керра Рота. Ага, значит, он на год меня младше. Фотография Сэма, пухлого младенца в перевязочках, причем вполне узнаваемого благодаря одуванчику мягких темных волос на голове и глазам с набрякшими веками, на которые я обратил внимание прошлой ночью. Выражение его лица описать я затруднялся. Ночью мое внимание привлекли его странные желтые глаза; я поднес снимок поближе и увидел, что радужки у Сэма и в младенчестве были того же самого желтого цвета. А я уж было решил, что это контактные линзы. Я отложил фотографию. Под ней оказался ворох пожелтевших газетных вырезок. Я пробежал их взглядом.

«В понедельник Грегори и Аннет Рот, супружеской паре из Дулута, было

предъявлено обвинение в покушении на убийство их семилетнего сына. Мальчик, чье имя не называется из соображений деликатности, передан на попечение государства. Его дальнейшая судьба будет определяться после суда над супругами Рот. Родители предположительно поместили ребенка в ванну и перерезали ему вены лезвием. Вскоре после содеянного Аннет Рот призналась во всем соседу, сказав, что ее сын слишком долго не умирает. И она, и ее супруг заявили полиции, что их сын был одержим дьяволом».

Меня затошнило от отвращения. Перед моими глазами стоял младший братишка Виктора, которому сейчас было восемь. Я взял снимок, на котором Сэм держал Бека за руку, и еще раз взглянул на Сэма; его полуприкрытые глаза смотрели куда-то мимо камеры без всякого выражения. Рука была повернута так, что на запястье отчетливо просматривались свежие красно-бурые шрамы.

«И ты еще жалеешь себя», — пронеслось у меня в голове.

Я затолкал вырезки и фотографию обратно в конверт, чтобы не видеть их, и принялся просматривать стопку документов, которые лежали под ними. Это оказался трастовый договор, где Сэм был назван бенефициарием трастового фонда (к которому относился и дом), и реквизиты текущего и сберегательного счетов, в которых указывались имена Бека и Сэма.

Ничего себе. Интересно, а Сэм-то в курсе, что этот дом практически ему принадлежит? Под бумагами обнаружился еще один черный ежедневник. Странички были заполнены убористым, с обратным наклоном, почерком левши. Я открыл самую первую страницу.

«Если ты это читаешь, значит, либо я навсегда превратился в волка, либо ты Ульрик, и тогда нечего тебе делать в моих вещах».

Я подскочил от телефонного звонка.

Телефон дал две трели, потом я снял трубку.

— Слушаю.

— Это Коул?

Настроение у меня необъяснимым образом поднялось.

— Смотря кто это говорит. Ты не моя мама?

— Не знала, что она у тебя есть, — резко ответила в трубку Изабел. — Сэм в курсе, что ты отвечаешь на звонки?

— Ты ему звонила?

Молчание.

— Кстати, это твой номер на определителе?

— Мой, — ответила Изабел. — Только не звони по нему. Что ты делаешь? Ты все еще ты?

— Пока что — да. Роюсь в вещах Бека, — сообщил я, запихивая конверт с надписью «Сэм» со всем содержимым обратно в ящик.

— Ты что, издеваешься? — спросила Изабел и тут же сама ответила на свой вопрос: — Вряд ли. — Снова молчание. — И что ты там откопал?

— Приезжай, увидишь.

— Я в школе.

— И вам там разрешают пользоваться телефонами?

Изабел на миг задумалась.

— Я в туалете, готовлюсь морально к следующему уроку. Расскажи, что ты откопал. Если я узнаю что-нибудь непопозволенное, это меня подбодрит.

— Документы об усыновлении Сэма. И еще несколько газетных вырезок о том, как родители пытались его убить. А еще я обнаружил очень, очень разнузданный рисунок девицы в школьной форме. Ты определенно должна это видеть.

— Почему ты со мной разговариваешь?

Мне показалось, я понял, что она имеет в виду, но все равно ответил:

— Потому что ты мне позвонила.

— Это все потому, что ты просто хочешь со мной переспать? Я-то с тобой спать не собираюсь. Ты лично тут ни при чем. Просто я берегу себя до свадьбы и все такое прочее. Так что если ты разговариваешь со мной по этой причине, можешь прямо сейчас повесить трубку.

Я не стал вешать трубку, не знаю уж, восприняла она это как ответ на свой вопрос или нет.

— Ты еще слушаешь?

— Угу.

— Так ты собираешься отвечать на мой вопрос?

Я принялся передвигать пустой стакан из-под молока туда-сюда.

— Мне просто хочется с кем-нибудь поговорить, — сказал я. — Мне нравится с тобой разговаривать. Никакого лучшего ответа я тебе дать не могу.

— Вообще-то я бы не сказала, что при наших личных встречах мы занимались разговорами, — заметила она.

— Но мы разговаривали, — возразил я. — Я рассказал тебе про мой «мустанг». Это был очень откровенный и серьезный разговор о том, что мне дорого.

— О твоей машине. — Судя по голосу, убедить Изабел мне не удалось. Она помолчала, потом произнесла: — Значит, тебе хочется поговорить. Прекрасно. Валяй, говори. Расскажи мне что-нибудь такое, о чем никогда никому не говорил.

Я на миг задумался.

— Черепахи занимают второе место в животном мире по размерам мозга.

Чтобы переварить это, Изабел потребовалась всего секунда.

— Неправда.

— Я знаю. Поэтому я никогда никому этого не говорил.

В трубке послышался какой-то полузадушенный звук — то ли она пыталась не рассмеяться, то ли ее скрутил приступ астмы.

— Расскажи мне что-нибудь про себя, о чем ты никогда никому не говорил.

— Если я расскажу, ты ответишь мне тем же?

— Хорошо, — откликнулась она скептическим тоном.

Я задумался, водя пальцем по контуру грудастой школьницы на мышинном коврикe. Разговаривать по телефону оказалось все равно что разговаривать с закрытыми глазами. Разговор получался откровенней и честнее, потому что это было как разговаривать с самим собой. Вот почему я всегда пел свои новые песни с закрытыми глазами. Не хотел видеть, что думает о них публика, пока не закончу. Наконец я произнес:

— Я всю жизнь пытаюсь не быть похожим на моего отца. Не потому, что он такое уж

чудовище, а потому, что он меня подавляет. Чего бы я ни добился, мне никогда с ним не сравниться.

Изабел молчала. Наверное, ждала, что я скажу что-нибудь еще.

— А чем он занимается, твой отец?

— Теперь я хочу услышать то, о чем ты никому не рассказывала.

— Нет, сначала ты. Ты ведь сам хотел поговорить. Это значит, ты говоришь что-то, я отвечаю, и ты говоришь снова. Это одно из самых блистательных достижений человечества. Называется «диалог».

Я уже начинал жалеть о том, что ввязался в этот разговор.

— Он ученый.

— Чокнутый ученый?

— Одержимый ученый, — поправил я. — И очень хороший. Но в самом деле я предпочел бы отложить этот разговор на потом. На после моей смерти, например. Теперь я могу услышать твой рассказ?

Изабел сделала глубокий вдох, так громко, что я услышал по телефону.

— У меня умер брат.

Эти слова показались мне странно знакомыми. Как будто я уже слышал их, причем произнесенные этим голосом, хотя представления не имел, когда такое могло случиться. Я немного подумал над этим, потом сказал:

— Ты уже кому-то об этом рассказывала.

— Я никогда не рассказывала, что он умер из-за меня, потому что все уже давно считали его умершим к тому времени, когда он умер на самом деле, — сказала Изабел.

— Бессмыслица какая-то.

— Все теперь стало бессмыслицей. И вообще, зачем я с тобой разговариваю? Зачем рассказываю тебе все это, когда тебе наплевать?

По крайней мере, на этот вопрос ответ я знал.

— Именно поэтому и рассказываешь.

В этом я был уверен. Если бы нам обоим представился шанс поделиться своими откровениями с теми, кому не был безразличен их смысл, никакая сила в мире не заставила бы нас открыть рот.

Она молчала. В трубке зазвенели еще чьи-то голоса, нечленораздельно о чем-то переговаривавшиеся, потом зашумела вода, и вновь все утихло.

— Ладно, — сказала она.

— Что — ладно? — переспросил я.

— Ладно, можешь мне звонить. Иногда. Мой номер у тебя есть.

Я не успел даже попрощаться, как она уже повесила трубку.

Я не знал, где моя девушка, мой телефон разрядился, я жил под одной крышей с не вполне нормальным новым волком, который мог запросто оказаться если не убийцей, то самоубийцей, но я находился где-то в невообразимой дали от всего этого и был занят пересчетом книжных корешков. Где-то там, далеко, мой мир медленно сходил с орбиты, а я здесь, в торговом зале, залитом мирным солнечным светом, как ни в чем не бывало выводил: «„Тайная жизнь пчел“, мягкая обложка, 3 экз.» в желтом блокноте с надписью «Журнал учета».

— У нас сегодня привоз. — Сначала из подсобки послышался голос, а потом вышла и сама Кэрин, хозяйка магазина. — Вот, держи.

Я обернулся и увидел, что она протягивает мне пластиковый стаканчик.

— Это что?

— Награда за хорошее поведение. Зеленый чай. Ты ведь его пьешь?

Я благодарно кивнул. Кэрин всегда мне нравилась, с самого первого дня, когда мы только познакомились. Ей было за пятьдесят, ее непослушные короткие волосы давным-давно побелели, но лицо — и особенно глаза — оставалось молодым. За ее деловитой дружелюбной улыбкой скрывался стальной стержень, и я видел, что ее лучшие качества отражаются на лице. Мне хотелось думать, что она взяла меня на работу потому, что я был из того же теста.

— Спасибо, — сказал я, сделав глоток.

От горячей жидкости по пищеводу разлилось тепло, и я вспомнил, что с утра ничего не ел. Слишком сильна была привычка по утрам есть кашу на пару с Грейс. Я подвинул к Кэрин блокнот, чтобы она могла оценить проделанную работу.

— Молодец. Нашел что-нибудь стоящее?

Я указал на стопку книг, которые обнаружил при переборке не на своих местах.

— Вот и славненько. — Она стащила крышку со своего стаканчика с кофе и, поморщившись, подула на дымящуюся поверхность. Потом взглянула на меня. — Ну что, небось ждешь не дождешься воскресенья?

Я понятия не имел, что она имеет в виду, и это непонимание наверняка отразилось у меня на лице. Я подождал, не подкинет ли мой мозг какой-нибудь ответ, но он молчал, и тогда я переспросил:

— Воскресенья?

— Похода в студию, — пояснила она. — С Грейс.

— Откуда вы узнали?

Не выпуская из рук чашки, Кэрин неловко подняла с пола половину стопки обнаруженных книг и сказала:

— Грейс звонила мне, чтобы уточнить, работаешь ты в воскресенье или нет.

Ну конечно. Грейс никогда не назначила бы для меня какое-нибудь мероприятие, не убедившись предварительно, что не возникнет никаких накладок. От тоски у меня защемило сердце.

— Не знаю, получится ли у нас теперь.

Кэрин вскинула бровь, ожидая продолжения, и я заколебался. А потом выложил ей все подробности, которые утаил от Изабел вчера ночью — потому что Кэрин было все равно, а Изабел не было бы.

— Ее родители застучали меня у нее в комнате после отбоя. — Я почувствовал, как запылали щеки. — Ей стало плохо, и она вскрикнула, они пришли посмотреть, в чем дело, и выставили меня. Я не знаю, как она себя чувствует. Не знаю даже, разрешат ли они теперь мне с ней видеться.

Кэрин не стала отвечать сразу, и это была одна из черт ее характера, которая мне в ней нравилась. Она никогда не принималась дежурно уверять собеседника, что все будет хорошо, если сама не была в этом уверена.

— Сэм, почему ты не сказал мне, что не можешь прийти сегодня на работу? Я дала бы тебе отгул.

— Так переучет же, — произнес я беспомощно.

— Переучет мог и подождать. Мы затеяли переучет, потому что сейчас март, на дворе собачий холод и в магазине все равно никого нет, — сказала Кэрин. Она задумчиво молчала еще несколько минут, прихлебывая кофе и морща нос. — Во-первых, они не смогут запретить тебе видеться с ней. Вы оба уже практически взрослые, и потом, они должны понимать, что на Грейс лежит точно такая же ответственность, как на тебе. Во-вторых, скорее всего, она просто подхватила грипп. Что с ней стряслось?

— Лихорадка, — ответил я совсем тихо и сам этому удивился.

Кэрин окинула меня внимательным взглядом.

— Я понимаю, Сэм, что ты беспокоишься, но все люди болеют.

— У меня был менингит, — сказал я негромко. — Бактериальный менингит.

Я впервые произнес эти слова вслух, и теперь, когда они прозвучали, ощутил неизмеримое облегчение, как будто, признавшись в своем страхе, что у Грейс может быть что-то серьезнее обычной простуды, я обрел власть над ним.

— Давно?

Я прикинул в уме время.

— Под Рождество.

— Если бы она тогда от тебя заразилась, то давно бы уже заболела, — сказала Кэрин. — Не думаю, чтобы менингитом можно было заразиться от человека, который переболел им несколько месяцев назад. Как она сейчас себя чувствует?

— Утром на ее телефоне включилась голосовая почта, — сказал я, пытаюсь говорить не слишком жалобно. — Вчера ночью ее родители очень рассердились. Боюсь, они забрали у нее телефон.

Кэрин состроила гримаску.

— Они потом отойдут. Попытайся взглянуть на ситуацию с их колокольни.

Она продолжала переминаясь с ноги на ногу, чтобы не уронить книги, и я, оставив свой чай, забрал их у нее.

— Я очень хорошо представляю себе, как это выглядит с их колокольни. В том-то и дело. — Я подошел к отделу биографических произведений и поставил на полку заблудившуюся биографию принцессы Дианы. — Я бы на их месте рвал и метал. Они считают меня мерзавцем, который успешно пробрался к их дочери под юбку и в самом скором времени исчезнет из ее жизни.

Она рассмеялась.

— Прости. Я понимаю, что тебе не до смеха.

— Я буду показываться над этим со смеху, когда мы с Грейс будем женаты, а с ее родителями будем видеться разве что на Рождество, — сказал я мрачнее, чем собирался.

— Ты ведь знаешь, что мало от кого из ребят такое услышишь, — сказала Кэрин. Она взяла опись и, подойдя к прилавку, поставила стаканчик с кофе рядом с кассой. — А знаешь, как я вынудила Дрю сделать мне предложение? Электрошокер, немного алкоголя и «Телемагазин» — и дело в шляпе. — Она смотрела на меня, пока я не улыбнулся ее шутке. — А что думает по этому поводу Джефффри?

Я не сразу сообразил, что она говорит о Беке; уж и не помню, когда его в последний раз при мне называли по имени. А следом немедленно пришла мысль о том, что сейчас мне придется врать.

— Он пока не знает. Его нет в городе.

Я выпалил это чересчур поспешно, торопясь поскорее оставить эту ложь позади. Чтобы Кэрин не видела моего лица, я отвернулся и сделал вид, что рассматриваю что-то на полке.

— Ах да. Совсем забыла про его клиентов из Флориды, — сказала Кэрин, и я только глазами захолопал, пораженный хитростью Бека. — Сэм, я намерена открыть во Флориде зимний филиал нашего магазина. Джефффри совершенно прав. Миннесота в марте — не лучшее место на земле.

Я понятия не имел, какую байку Бек рассказал Кэрин, чтобы убедить ее, что уезжает на зиму во Флориду, но его ход произвел на меня впечатление, тем более Кэрин, на мой взгляд, не отличалась легковерностью. Впрочем, он, разумеется, должен был придумать для нее какое-то объяснение, поскольку довольно часто заглядывал в магазин — сначала как покупатель, а потом, когда я устроился сюда продавцом, но еще не успел получить водительские права, подвозил меня на работу. Кэрин не могла не заметить его отсутствия в зимние месяцы. Но еще большее впечатление на меня произвела та легкость, с которой она произнесла его имя. Она была знакома с ним достаточно хорошо, чтобы имя «Джефффри» прозвучало из ее уст совершенно непринужденно, но не настолько хорошо, чтобы знать, что все, кто его любил, называли его по фамилии.

Я спохватился: пауза затянулась слишком надолго, а Кэрин все еще смотрела на меня.

— Он часто сюда приходил? — спросил я. — Без меня?

Она кивнула, стоя за прилавком.

— Довольно-таки часто. Он покупал множество биографий.

Она помолчала, что-то обдумывая. Как-то она сказала мне, что по тому, какие книги человек читает, можно узнать о нем все. Интересно, что любовь Бека к биографиям — а у нас дома ими было заставлено множество полок — говорила ей о нем? Кэрин меж тем продолжала:

— Я запомнила последнюю книгу, которую он здесь купил, потому что это была не биография и я удивилась. Это был ежедневник.

Я нахмурился. Не помню, чтобы я его видел.

— Такой, знаешь, где можно каждый день писать заметки и вести подобие дневника. — Кэрин помолчала. — Он сказал, что будет записывать туда свои мысли, чтобы сохранить их до той поры, когда уже не будет ничего помнить.

На глазах у меня вдруг выступили слезы, так что пришлось даже отвернуться к полкам. Чтобы взять себя в руки, я попытался сосредоточиться на заголовках на корешках. Я касался

корешка пальцем, а слова расплывались и вновь обретали четкость, теряли ее и вновь обретали.

— С ним что-то случилось, Сэм? — спросила Кэрин.

Я уткнулся взглядом в пол, в старые деревянные половицы, чуть вздыбившиеся там, где они примыкали к основанию стеллажей. Я чувствовал, что теряю контроль над своими словами и ненужные признания вот-вот прорвут плотину. Поэтому не стал вообще ничего говорить. И старался не думать о пустых гулких комнатах в доме Бека. Не думать о том, что теперь мне приходилось покупать молоко и консервы, чтобы пополнить запасы в лесной сторожке. Не думать о навсегда запертом в волчьем теле Беке, который наблюдал за мной из леса, не помня себя и своих человеческих мыслей. Не думать о том, что этим летом мне нечего — некого — ждать.

Я уставился на крохотный черный глазок в половице под ногами. Он был такой темный и одинокий посреди золотистого дерева.

Мне нужна была Грейс.

— Прости, — сказала Кэрин. — Я не хотела... не хочу быть назойливой.

Мне стало стыдно, что я поставил ее в неловкое положение.

— Я знаю. И знаю, что вы не из назойливости. Просто... — Я прижал ладонь ко лбу, там, где пульсировала боль. — Он болен. Неизлечимо.

Слова давались мне с трудом, мучительное смешение правды и лжи.

— Ох, Сэм, извини. Он дома?

Я, не оборачиваясь, покачал головой.

— Так вот почему ты так встревожился из-за Грейс, — высказала догадку Кэрин.

Я закрыл глаза; в темноте меня охватило странное чувство потери ориентации, я не понимал, где верх, где низ. Я разрывался между желанием излить душу и желанием сохранить свои страхи в тайне, как будто, выраженные словами, они могли стать мне неподвластны. Слова полились из меня сами, я не успел даже их обдумать.

— Я не могу потерять их обоих... Я знаю... знаю, что способен вынести... и этого я не вынесу.

Кэрин вздохнула.

— Повернись ко мне, Сэм.

Я неохотно обернулся и увидел, что в руках у нее блокнот с описью. Она ткнула в буквы «СР», выведенные ее почерком под моими приписками.

— Видишь свои инициалы? Все, можешь ехать домой. Или еще куда-нибудь. Поезжай развейся.

— Спасибо, — севшим голосом поблагодарил я.

Я подошел забрать гитару и книгу, и она взъерошила мне волосы.

— Сэм, — сказала она, когда я проходил мимо нее, — я считаю, что ты куда сильнее, чем сам о себе думаешь.

Я изобразил на лице улыбку, которая не додержалась даже до выхода из подсобки.

Распахнув дверь, я едва не сбил ног Рейчел. Лишь чудом я не облил зеленым чаем ее полосатый шарф. Она отдернула его в сторону лишь после того, как опасность быть окаченной горячей жидкостью миновала, и предостерегающе на меня посмотрела.

— Нашему мальчику не мешало бы смотреть, куда он идет, — заявила она.

— А Рейчел не мешало бы не возникать ниоткуда на пороге, — в тон ей ответил я.

— Грейс посоветовала мне пользоваться этим входом! — возразила Рейчел. — Мои

врожденные способности не распространяются на параллельную парковку, и Грейс сказала, что, если я запаркуюсь за магазином, то машину можно поставить как попало, и никто не будет против, если я войду через заднюю дверь, — пояснила она, увидев мой недоуменный взгляд. — Видимо, она ошибалась, потому что ты пытался отогнать меня при помощи чанов с кипящим маслом и...

— Рейчел, — перебил ее я. — Когда ты говорила с Грейс?

— Ты хочешь сказать, в последний раз? Две секунды тому назад.

Рейчел отступила в сторону, чтобы я мог выйти на улицу и закрыть за собой дверь.

Я испытал такое огромное облегчение, что едва не расхохотался. Внезапно я вновь обрел возможность дышать морозным воздухом, чуть отдающим запахом выхлопных газов, видеть облупившуюся зеленую краску мусорных бачков и чувствовать, как ветер запускает ледяные пальцы за шиворот рубахи.

Я думал, что больше ее не увижу.

Теперь, когда я знал, что Грейс чувствует себя вполне сносно, если разговаривала с Рейчел, мои переживания по этому поводу казались мелодраматическими, однако же я искренне испугался за нее.

— На улице ужасная холодина, — сказал я и кивнул на свой «фольксваген». — Ты не против?

— Я только «за», — отозвалась Рейчел, дожидаясь, пока я открою дверцы.

Я завел двигатель, включил печку, подставил ладони под струи теплого воздуха и сидел так, пока не отпустило беспокойство из-за холода, который не мог больше повредить мне. Рейчел умудрилась заполнить весь салон каким-то приторным, отчетливо химическим запахом, который, очевидно, считался клубничным. Ноги в полосатых колготках ей пришлось поднять на сиденье, чтобы освободить место для набитой сумки.

— Ладно. А теперь поговорим, — сказал я. — Как там Грейс? Ей лучше?

— Угу. Ночью ее возили в больницу, но она там не осталась и сейчас уже дома. У нее была температура, так что ее накачали тайленолом и температура спала. Она сказала, что уже нормально себя чувствует. — Рейчел пожала плечами. — Я обещала продиктовать ей домашнее задание. Так что, — она пнула свой набитый рюкзак, — держи.

Она протянула мне розовый телефончик, облепленный наклейками-смайликами.

— Это твой телефон? — спросил я.

— Угу. Она сказала, что твой сразу же переключается на голосовую почту.

На этот раз я все-таки рассмеялся, беззвучно, с огромным облегчением.

— А что случилось с ее телефоном?

— Ее отец забрал. У меня в голове не укладывается, что вас застукали! О чем вы только думали? Я бы умерла от унижения!

В ответ я молча посмотрел на нее взглядом, полным вселенской скорби. Теперь, когда я узнал, что Грейс жива и здорова, можно было позволить подшутить над собой.

— Бедный мальчик, — похлопала меня по плечу Рейчел. — Не волнуйся. Не вечно же они будут злиться. Через несколько дней они снова и думать забудут о том, что у них есть дочь. Вот. Держи телефон. Ей уже опять разрешили брать трубку.

Я с благодарностью взял телефон, набрал номер — пункт два в меню быстрого набора, сказала Рейчел, — и в следующий миг в трубке послышалось:

— Привет, Рейч!

— Это я, — сказал я.

Не знаю, как назвать чувство, которое переполнило меня, когда я услышала в трубке голос Сэма вместо Рейчел. Оно было таким сильным, что у меня вырвался протяжный судорожный вздох. Я подавила непонятные эмоции.

— Сэм.

Он вздохнул, и меня охватило отчаянное желание увидеть его лицо.

— Рейчел тебе уже рассказала? — спросила я. — У меня все в порядке. Это была просто лихорадка. Я уже дома.

— Можно мне прийти? — странным голосом спросил Сэм.

Я потянула на себя край одеяла, оно не сразу расправилось так, как я хотела, и я рванула его, пытаясь не разозлиться снова, как после разговора с папой.

— Я под домашним арестом. Мне не разрешили идти в студию в воскресенье. — На том конце провода повисло гробовое молчание; я представила себе лицо Сэма, и сердце у меня заныло застарелой тупой болью. — Ты еще там?

— Я могу договориться на другой день.

Сэм произнес это так бодро, что от этого было еще больше, чем от его молчания.

— Ну уж нет, — сказала я решительно, и внезапно злость прорвалась наружу. — Я буду в воскресенье в студии, и все равно, каким образом. Даже если мне придется умолять их. Даже если придется удрать тайком. — Гнев душил меня, но я продолжала говорить. — Сэм, я в бешенстве, я просто не знаю, что делать. Мне хочется сбежать отсюда прямо сейчас. Не желаю находиться с ними в одном доме. Нет, серьезно, отговори меня. Скажи, что мне нельзя прийти и жить у тебя. Скажи, что я тебе там не нужна.

— Ты же знаешь, что я тебе этого не скажу, — произнес Сэм негромко. — Я не стану тебя останавливать.

Я метнула сердитый взгляд на дверь комнаты. Где-то там, за ней, была мама, моя тюремщица. Жгучая боль в животе до сих пор напоминала о себе; я не желала здесь находиться.

— Ну и что тогда мне мешает?

Мои слова прозвучали воинственно.

Сэм долго молчал.

— Ты ведь сама понимаешь, что не хочешь, чтобы все закончилось таким образом, — тихо произнес он наконец. — Ты знаешь, я был бы счастлив, если бы ты была со мной. И в один прекрасный день так оно и будет. Но не таким образом.

Глаза у меня почему-то защипало от слез. Удивленная, я потерла их кулаком. Я не знала, что сказать. Обычно из нас двоих я мыслила трезво, а Сэм действовал под влиянием эмоций. Я почувствовала себя одинокой в своей ярости.

— Я волновался за тебя, — сказал Сэм.

«Я тоже за себя волновалась», — подумала я, но вслух произнесла:

— Со мной все в порядке. Мне правда очень хочется уехать с тобой куда-нибудь. Скорей бы уже воскресенье.

Странно было слышать от Грейс такие речи. Странно было сидеть в моей машине с ее лучшей подружкой, когда Грейс находилась дома и я в конто веки оказался ей нужен. Странно было испытывать желание сказать ей, что не обязательно идти в студию, пока все не улеглось. Но я не мог отказать ей. Я физически этого не мог. Слышать от нее такие вещи... Они совершенно не вязались с моими представлениями о ней, и у меня возникло ощущение, что будущее, опасное и прекрасное, нашептывает мне на ухо свои секреты.

— Я тоже хочу, чтобы оно скорее настало, — произнес я.

— Не хочу оставаться одна сегодня ночью, — сказала Грейс.

У меня защемило сердце. Я закрыл глаза, потом открыл их снова. Может, пробраться тайком к ней в дом? Или сказать ей, чтобы сбежала? Мы лежали бы в моей комнате, под бумажными журавликами, и она, сонная и теплая, калачиком свернулась бы у меня под боком, и утром можно было бы ни от кого не прятаться, а делать, что захотим. Я так страстно пожелал этого, что боль в сердце стала еще острее.

— Я тоже по тебе скучаю, — эхом отозвался я.

— У меня тут твоя зарядка от телефона, — прошептала Грейс. — Позвони мне сегодня вечером из дома, ладно?

— Ладно, — пообещал я.

Она повесила трубку, и я отдал розовый телефончик обратно Рейчел. Я не понимал, что со мной такое. От встречи с ней меня отделяли всего двое суток. Это не так уж и долго. Капля в океане времени нашего совместного будущего.

У нас впереди еще целая вечность. Нужно только начать в это верить.

— Сэм? — позвала Рейчел. — Ты в курсе, что вполне мог бы победить в конкурсе на самое грустное лицо в мире?

Расставшись с Рейчел, я поехал обратно к дому Бека. На небе показалось солнце, а с ним пришло не то чтобы тепло, но обещание тепла — перспектива лета. На моей памяти такой погоды еще не бывало. Столько лет прошло с тех пор, когда по такой недовесне я еще не был надежно упрятан в волчью шкуру. Нелегко было убедить себя, что теперь можно не скрываться от нее в спасительном тепле машины.

Я не буду бояться. «Верить в свое исцеление».

Я закрыл машину, но в дом не пошел; я не знал, там Коул или нет, а встречаться с ним был не готов. Вместо этого я обошел дом сзади, миновал лужайку, покрытую прелой прошлогодней травой, и направился в лес. Мне пришла в голову мысль, что неплохо бы проверить сторожку, посмотреть, нет ли внутри кого-нибудь из волков. Постройка, расположенная в лесу в нескольких сотнях ярдов от дома, служила укрытием для новых волков, которые постоянно переходили из одного состояния в другое. Внутри хранилась одежда, запас консервов и фонари. Там был даже маленький телевизор со встроенным видеоманитофоном и обогреватель, питавшийся от лодочного аккумулятора, — словом, все, что могло понадобиться нестабильному новому волку, чтобы с комфортом переждать период между двумя превращениями, если он окажется недолгим.

Однако иногда новоиспеченный член стаи превращался в волка прямо в хижине, слишком быстро, чтобы распахнуть дверь, и тогда дикий зверь, раб своих инстинктов, оказывался в ловушке в ее стенах, пропахших человеческим духом, превращениями и неуверенностью.

Помню, однажды весной, когда мне было девять лет и волчья шкура еще не слишком пристала ко мне, неожиданная оттепель привела к тому, что я, голый и смущенный, очнулся в чаще леса, точно молодой бледный росток. Убедившись, что никто за мной не наблюдает, я пробрался к сарайчику, как учил меня Бек. Живот у меня все еще болел; тогда между превращениями всегда было так. Боль была невероятная, я согнулся пополам, так что острые ребра вдавились в колени, и закусил палец; в конце концов спазм миновал, и я, распрямившись, открыл дверь сарайчика.

Чей-то голос заставил меня подскочить от неожиданности. Через минуту, когда сердцебиение немного улеглось, до меня дошло, что это пение. Тот, кто побывал здесь до меня, забыл выключить магнитофон. Пока я рылся в корзине с наклейкой «Сэм», Элвис вопрошал, не одиноко ли мне этим вечером. Я натянул джинсы, а рубашку не стал даже искать, сразу направился к ящику с продовольствием. Я надорвал пакет с чипсами; желудок заурчал только тогда, когда еда была уже на подходе. Я сидел на ящике, подтянув тощие колени к подбородку, слушал сладкий голос Элвиса и думал о том, что тексты песен — тоже поэзия. Прошлым летом Ульрик заставил меня выучить несколько известных стихотворений наизусть — я до сих пор помнил первую половину «Остановившись на опушке в снежных сумерках».^[5] Поглощая из пакета кукурузные чипсы в надежде избавиться от спазмов в животе, я пытался восстановить в памяти вторую половину.

Когда я заметил, что рука, держащая пачку с чипсами, дрожит, боль в животе уже

переросла в выворачивающую наизнанку судорогу, предвестницу превращения. Я не успел добежать до двери — пальцы превратились в бесполезные обрубки, ногти беспомощно заскребли по деревянным половицам. Последней моей человеческой мыслью было воспоминание: родители захлопывают дверь моей спальни и со скрежетом запирают ее на защелку, а из меня пытается вырваться наружу волк.

Восстановить мои волчьи воспоминания было труднее, но я все-таки их восстановил, хотя на это ушел не один час.

Нашел меня Ульрик.

— А, Junge,^[6] — произнес он печально и, потеряв бритую голову, оглянулся по сторонам. Я непонимающим взглядом уставился на него, почему-то удивленный, что это не кто-то из моих родителей. — И долго ты тут пробыл?

Я забился в угол сарая. Пальцы у меня были в крови, мозг медленно переключался с волчьих мыслей на обрывки человеческих. По всему сараю были разбросаны корзины и крышки от них, а посреди беспорядка валялся магнитофон с выдернутой из розетки вилкой. На покрытом засохшей кровью полу виднелись отпечатки волчьих лап и человеческих ступней вперемешку. Щепки и чешуйки краски, содранные с двери, усеивали все вокруг убийственным конфетти. Довершали картину разорения разодранные пакеты с чипсами и солеными крендельками, содержимое которых было разметано по полу.

Ульрик двинулся ко мне, с хрустом топча обломки картофельных чипсов, но остановился на полпути, заметив, как я шарахнулся от него. Перед глазами у меня все плясало, я видел то разгромленную сторожку, то мою старую комнату с разбросанным по ней бельем и разорванными книгами.

Он протянул ко мне руку.

— Давай, поднимайся. Пойдем в дом.

Я не шелохнулся. Я разглядывал свои обломанные ногти с застрявшими под ними окровавленными щепками. Сейчас для меня не существовало ничего, кроме подушечек собственных пальцев с прихотливыми завитками чуть выступающих папиллярных линий. Мой взгляд скользнул к бугристым свежим рубцам на запястьях. Они были запятнаны чем-то алым.

— Сэм, — позвал Ульрик.

Я упорно не смотрел на него. Все слова и все силы я израсходовал на то, чтобы выбраться наружу, и теперь не мог пробудить в себе желание подняться.

— Я не Бек, — произнес он беспомощно. — Я не знаю, каким образом он приводит тебя в чувство, понимаешь? И не умею говорить на твоём языке, Junge. О чем ты думаешь? Ну хоть посмотри на меня.

Он был прав. Бек умел возвращать меня к реальности, но Бека здесь не было. В конце концов Ульрик поднял меня с пола, как безвольную куклу, и на руках отнес в дом. Я не говорил, не ел и не шевелился до тех пор, пока не появился снова превратившийся в человека Бек. Даже сейчас я не смог бы сказать, сколько времени это продолжалось — несколько часов или несколько дней.

Бек не стал подходить ко мне. Вместо этого он направился в кухню и принялся греметь посудой. Когда он вернулся в гостиную, где я съежился в углу дивана, в руках у него была тарелка с яичницей.

— Я сделал тебе еду, — сказал он.

Яичница была приготовлена в точности так, как я любил. Вместо того чтобы

посмотреть в лицо Беку, я смотрел на нее.

— Извини, пожалуйста, — прошептал я.

— Тебе не за что извиняться, — ответил Бек. — Ты не мог по-другому. И вообще, из всех нас одному Ульрику нравились эти дурацкие «Дорито». Так что ты оказал нам услугу.

Он поставил тарелку передо мной на диван и ушел к себе в кабинет. Через минуту я взял яичницу и молча пошел по коридору за ним. Перед открытой дверью кабинета я уселся на пол и принялся за еду, вслушиваясь в неравномерный стук пальцев Бека по клавиатуре.

— Привет, Ринго.

Голос Коула вернул меня обратно, в настоящее, где я не был уже маленьким девятилетним мальчиком, которого опекали добрые взрослые. Пока я стоял перед дверью в сторожку, он подошел ко мне сбоку.

— Я вижу, ты до сих пор в человеческом обличье, — сказал я, удивленный куда сильнее, чем можно было бы предположить по голосу. — Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь превратиться в волка.

Я вспомнил, как сражался когда-то с волком внутри себя, и меня пробрал озноб. Я словно вновь ощутил подступающую к горлу тошноту, предвестницу превращения. И омерзительное ощущение потери себя. Я не стал ничего отвечать, молча толкнул дверь в сторожку, нашарил выключатель. Внутри стоял затхлый запах запустения; в спертom воздухе висели воспоминания и пылинки вперемешку. Где-то на дереве свистел красногрудый кардинал; больше тишину не нарушал ни единый звук.

— Ну, значит, сейчас вполне подходящий момент для экскурсии по сторожке, — сказал я.

Я вошел в сарайчик, шаркая подошвами по истертому деревянному полу. Насколько я мог судить, все было на месте: одеяла сложены аккуратной стопочкой у телевизора, бачок доверху наполнен водой, рядом, дожидаясь своей очереди, послушно выстроились кружки. Все готово к превращению волков в людей.

Коул вошел в сарайчик следом за мной, с рассеянным интересом оглядел корзины и склад запасов. Он буквально источал презрение и неумную энергию. Мне хотелось поинтересоваться, что же такого нашел в нем Бек. Однако вместо этого я спросил:

— Ну и как, оправдались твои ожидания?

Коул приоткрыл одну из корзин и заглянул внутрь; отвечая, он не удосужился даже повернуть ко мне голову.

— В смысле?

— Нравится тебе быть волком?

— Я думал, будет хуже. — Теперь он смотрел на меня с хитрой улыбкой, как будто ему было известно, через что мне пришлось пройти, чтобы не быть больше волком. — Бек говорил, что боль невыносимая.

Я поднял с пола сухой лист, который мы занесли на подошвах в сарай.

— Ну да, боль еще не самое худшее.

— Правда? — многозначительно спросил Коул. Он как будто нарочно пытался вызвать во мне ненависть. — И что же тогда самое худшее?

Я отвернулся от него. Отвечать не хотелось. Для него это «самое худшее» едва ли имело значение.

Его выбрал Бек. Я не стану его ненавидеть. Не стану. Не просто же так он привлек Бека.

— Как-то раз один из волков — Ульрик — решил, что здорово будет начать выращивать

итальянские травы в горшках, — произнес я наконец. — Он вечно придумывал всякие бредовые затеи.

Я вспомнил, как он наделал в земле углублений и потом принялся закладывать в них семечки, крохотные, безжизненные крупинки, немедленно терявшиеся на фоне угольно-черной земли. «Пусть только попробуют не вырасти, черт их дерь», — сказал он мне дружелюбно. Я все это время стоял рядом с ним и смотрел, путаясь у него под ногами, и отошел только после того, как он нечаянно угодил локтем мне в грудь. «А еще ближе ты подойти не мог, Сэм?» — осведомился он тогда.

— Бек решил, что Ульрик спятил, — произнес я вслух. — Он сказал ему, что базилик можно купить в магазине всего по два бакса за пучок.

Коул вскинул бровь, глядя на меня с отчетливо снисходительным выражением.

Я не стал ничего говорить про его выражение и продолжил.

— Неделю за неделей я каждый день заглядывал в горшки, надеясь увидеть хоть какой-то намек на зелень, хотя бы малейший проблеск того, что там зарождается жизнь. Это и есть самое сложное, — сказал я Коулу. — Я стою в этом сарае и жду, проклюнутся мои семена из земли или нет. И я не знаю, то ли еще слишком рано ждать от них признаков жизни, то ли на этот раз зима завладела моей семьей навсегда.

Коул смотрел на меня во все глаза. Высокомерное выражение сошло с его лица, однако он ничего не сказал. Его лицо приняло непроницаемое выражение; как реагировать на него, я не знал, поэтому тоже не стал ничего говорить.

Больше делать здесь было нечего. Но Коул медлил, и я решил напоследок заглянуть в ларь с продовольствием, проверить, не завелись ли там жучки. Держась за край ларя, я на миг прислушался. Не знаю, что я ожидал услышать; повсюду вокруг царил тишина, тишина и еще раз тишина. Даже красногрудый кардинал умолк.

Делая вид, будто Коула тут нет, я напряг слух, как делал когда-то в волчьем обличье, пытаюсь составить карту всех живых существ в лесу поблизости и звуков, которые они издавали. Но ничего не услышал.

Где-то в этих лесах были волки, но для меня они оставались невидимками.

Волк внутри меня готовился одержать верх над человеком, и я был этому рад.

Рядом с Сэмом мне было не по себе. Вообще-то у меня всегда наготове пара-тройка личин, которые вполне работали со всеми, с кем мне до сих пор приходилось иметь дело, но в случае с Сэмом ни одна из них не казалась подходящей. Он был мучительно, раздражающе искренен. И как я мог ответить на эту искренность?

Поэтому я вздохнул с облегчением, когда мы вышли из сторожки и он сообщил, что хочет поехать покататься.

— Я позвал бы тебя с собой, — добавил он, — но ты уже скоро превратишься обратно в волка.

Каким образом он пришел к этому заключению, Сэм не сказал, но его ноздри слегка вздрагивали, как будто он чуял мой запах. Несколько секунд спустя он уже с ревом катил по дорожке прочь, оставив меня в одиночестве в доме, атмосфера в котором менялась в зависимости от времени суток. Днем небо затянули облака и похолодало, и внезапно дом превратился из уютной берлоги в зловещий лабиринт серых комнат, точно привидевшийся в бредовом сне. И тело мое точно так же нельзя было назвать полностью человеческим, однако и волчьим оно тоже не было. Сейчас оно представляло собой скорее нечто промежуточное — волчий разум в человеческом теле. Человеческие воспоминания глазами волка. Сначала я принялся ходить туда-сюда по коридорам между нависающих стен, не веря до конца вердикту Сэма. Когда по всему телу пробежала знакомая нервная дрожь, предвещавшая превращение, я остановился перед открытой задней дверью и стал ждать, когда холод сделает свое дело. Однако он почему-то не спешил. Тогда я закрыл дверь и прилег на кровать, которую мне отвели, чувствуя, как плещется на дне желудка тошнота и разбегаются по коже мурашки.

Но, несмотря на недомогание, я испытывал жгучее облегчение.

Я уже начал думать, что никогда не превращусь обратно в волка.

Но это вот подвешенное состояние... Я поднялся, снова подошел к задней двери и встал на ледяном ветру. Минут через десять сдался, вернулся обратно на диван и свернулся клубочком вокруг своего бунтующего желудка. Мысли мои бродили по серым коридорам, а тело оставалось неподвижным. В своем воображении я двинулся по коридору, прошел через вереницу чужих черно-белых комнат. Я ощутил острую ключицу Изабел под моей ладонью, увидел, как моя кожа теряет свой цвет, превращаясь в волчью шкуру, ощутил в руке микрофон, услышал отцовский голос, увидел его, сидящего напротив меня за обеденным столом.

Нет. Только не домой. Я готов был унести воспоминаниями куда угодно, только не туда.

Теперь я вместе с остальными ребятами из «Наркотики» находился в фотостудии. Нам предстояло позировать для первого в жизни разворота в крупном журнале. Вернее, позировать предстояло мне. Тема номера формулировалась как «Успех до 18», и в журнале

должна была появиться моя фотография. Все остальные пришли в качестве группы поддержки.

Снимали не в самой студии; фотограф с ассистенткой привели нас на лестницу какого-то старого здания и пытались передать настроение нашей музыки, развешивая нас по перилам и расставляя на разных пролетах. Лестница пропахла едой — соевым беконом и соусом для салата, который никто никогда не заказывает, — и еще чем-то непонятным, похожим отчасти на запах застарелых носков.

Я был под кайфом, но он уже начинал выветриваться. Это был не первый раз, когда я попробовал наркотики, но где-то близко к тому. Ощущение было совсем новым, непривычным, и головокружительная эйфория еще оставляла после себя легкий привкус вины. Я только что написал одну из самых своих лучших песен, «Разбей мне лицо (и продай по кускам)», которая обещала стать моим лучшим хитом, — и пребывал в отличном настроении. Настроение было бы еще лучше, если бы не нужно было торчать здесь, потому что мне хотелось вдыхать воздух улицы, пропитанный выхлопными газами, ресторанными запахами и прочими хмельными ароматами города, которые говорили мне: ты знаменит!

— Коул. Коул! Эй, дружище. Не мог бы ты немного постоять спокойно? Встань рядом с Джереми и посмотри вон туда. Джереми, а ты смотри на него, — велел фотограф.

Это был пузатый мужик средних лет с неровной бородкой, которая потом весь день не выходила у меня из головы. Его ассистентка, рыжеволосая девица двадцати с чем-то лет, уже успела признаться мне в любви и мгновенно перестала меня интересовать. В семнадцать лет я еще не догадывался, что одной моей насмешливой ухмылки достаточно, чтобы заставить девчонку мигом скинуть блузку.

— Я еще не закончил, — сказал Джереми. Голос у него был полусонный. Он у него всегда был такой.

Виктор, стоявший с другой стороны от Джереми, улыбался, глядя себе под ноги; так велел ему фотограф.

Я не чувствовал смысла во всем этом. Какое отношение эта съемка в духе идиотских картинок с альбомов «Битлз» имеет к музыке «Наркотики»? Я тряхнул головой и сплюнул с балкона; сверкнула вспышка, фотограф с ассистенткой заглянули в видоискатель, и лица у них стали недовольные. Снова вспышка. И снова недовольные лица. Фотограф подошел к площадке и остановился в шести ступеньках под нами.

— Ну же, Коул, побольше жизни! — принялся умастить меня. — Давай, улыбнись. Вспомни что-нибудь приятное. Улыбнись, как улыбнулся бы своей мамочке.

Я вскинул бровь; интересно, он всерьез это все говорил?

До фотографа, похоже, что-то дошло, потому что он произнес:

— Представь, что ты на сцене...

— Хотите жизни? — перебил его я. — Так вот, все это не имеет с ней ничего общего. Жизнь полна неожиданностей. Полна риска. Вот что такое «Наркотика», а вовсе не тот портрет пай-мальчика, который вы пытаетесь снять. Это...

И я спрыгнул на него с лестницы, раскинув руки в стороны. На лице фотографа отразилась паника, а его ассистентка схватилась за камеру. Меня ослепила вспышка.

Я приземлился на одну ногу и покатился по площадке, заливаясь диким хохотом. Никто не поинтересовался, не ушибся ли я. Джереми зевал во весь рот, Виктор показывал мне средний палец, а фотограф с ассистенткой кудхтали над видоискателем.

— Вот вам, набирайтесь вдохновения, — сказал я и поднялся. — На здоровье.

Боли я даже не чувствовал.

После этого мне позволили делать в кадре все, что я захочу. Напевая свою новую песню, я водил их по лестнице туда-сюда, прижимал ладонь к стене, как будто собирался опрокинуть ее. Потом мы спустились в вестибюль, где я залез в кадку с фикусом, а под конец отправились в переулок за студней, и я запрыгнул на машину, в которой мы приехали из отеля, и оставил на крыше вмятины.

Когда фотограф объявил, что съемки закончены, его ассистентка подошла ко мне и попросила протянуть руку. Я повиновался, она перевернула ее ладонью кверху и написала на ней свое имя и номер. Виктор наблюдал за всем из-за ее плеча.

Едва она скрылась в студии, как он схватил меня за плечо.

— А как же Энджи? — осведомился он с полуулыбкой, как будто знал, что ему понравится мой ответ.

— А что с ней? — поинтересовался я.

Улыбка сползла с его лица, и он перехватил мою руку с написанным на ладони телефонным номером.

— Не думаю, что она будет от этого в восторге.

— Вик. Чувак. Это тебя не касается.

— Она моя сестра. Еще как касается.

Настроение у меня начало стремительно портиться.

— Ах, так? Пожалуйста: между нами все кончено. И кончено так давно, что об этом уже рассказывают на уроках истории. И все равно это тебя не касается.

— Ну ты и сволочь, — возмутился Виктор. — Ты собираешься вот так ее бросить? Сломать ей жизнь и исчезнуть?

Теперь настроение было испорчено окончательно. Хотелось не то ширнуться, не то пива, не то перерезать вены.

— Послушай, я ее спрашивал. Она сама сказала, что ей будет лучше без меня.

— И ты поверил? Она ведь на тебя едва ли не молится. На тебя и твой поганый талант. Думаешь, ты всю жизнь будешь так жить? Да когда тебе будет двадцать, тебя никто даже не вспомнит. Никто.

Впрочем, он уже явно начал остывать. Почти остыл. Если бы я извинился или хотя бы промолчал, он бы, скорее всего, развернулся и поехал обратно в отель.

Я немного помолчал, а потом произнес:

— По крайней мере, девчонки знают мое имя. — Я с ухмылкой наблюдал за его лицом. — По крайней мере, для них я не просто ударник «Наркотики».

Виктор ударил меня. Удар был довольно сильным, однако не в полную мощь. Во всяком случае, я удержался на ногах, хотя, пожалуй, губу он мне все-таки разбил. Лицо не утратило чувствительности, и я все еще помнил, о чем мы говорили. Я вскинул на него глаза.

За спиной у Виктора вырос Джереми; видимо, после оплеухи до него дошло, что это не одна из наших обычных перебранок.

— Не стой столбом! — заорал Виктор и врезал мне еще раз, прямо в челюсть. На этот раз я пошатнулся, но на ногах все-таки удержался. — Давай, ударь меня, слизняк. Ударь.

— Парни, — подал голос Джереми, но не сдвинулся с места.

Виктор с размаху саданул плечом мне в грудь, вложив в этот удар всю стовосьмидесятифунтовую тяжесть подавляемого гнева, и на этот раз я все-таки полетел наземь, проехавшись спиной по выломанному куску асфальта.

— Ты только зря небо коптишь. Ты эгоист и никто больше.

Он принялся пинать меня ногами. Джереми смотрел, сложив руки на груди.

— Хватит, — произнес он наконец.

— Я... хочу... стереть... эту... твою... улыбочку, — выдавил Виктор в промежутке между пинками.

Он выбился из дыхания и, в конце концов потеряв равновесие, мешком рухнул на землю рядом со мной.

Я смотрел на прямоугольник белесо-серого неба в вышине, обрамленный темными силуэтами зданий, и чувствовал, как из носа у меня ручейком течет кровь. Мне вспомнилась Энджи и какое лицо у нее было, когда она сказала, что обойдется без меня, и я пожалел, что она не видела, как Виктор мне врезал.

Джереми вытащил мобильник и заснял на камеру нас двоих, валяющихся на асфальте в каком-то городе, названия которого я даже не помнил.

Три недели спустя фотография, на которой я летел с лестницы, а Джереми с Виктором смотрели на меня, появилась на обложке того журнала. Мое лицо смотрело на меня с витрин всех газетных киосков. Забвение откладывалось на неопределенный срок. Я был повсюду.

Ближе к вечеру я лежал на полу в доме Бека, прислушиваясь к тому, как рвется наружу из меня волк, так яростно и настойчиво, что в сравнении с этим утренняя тошнота стала казаться цветочками. Я снова подошел к задней двери, открыл ее и встал на пороге, глядя на траву. На улице оказалось на удивление тепло; обложенное небо прояснилось, но порывы ледяного ветра напоминали о том, что на дворе все-таки март. На этот раз налетевший ветер проник прямо сквозь человеческую кожу к волку внутри. Меня пробил дрожь. Я вышел на бетонное крыльцо и заколебался; возможно, стоило пойти в сторожку и оставить одежду там, чтобы проще было потом ее забрать. Но следующий же порыв ветра заставил меня согнуться пополам от приступа неукротимой дрожи. Пожалуй, до сторожки я уже не дойду.

Желудок у меня скручивался в узел; я присел на корточки и стал ждать.

Однако превращение не спешило происходить. Практически весь день я пробыл человеком, мое тело успело освоиться в таком виде и, похоже, не собиралось с легкостью от него отступаться.

«Ну давай же, превращайся», — приказал я себе, когда новый порыв ветра вызвал у меня очередную волну содрогания.

Желудок подступил к горлу. Я твердил себе, что это всего лишь реакция на процесс превращения и она не обязательно должна закончиться рвотой. Если сопротивляться рвотным позывам, все будет хорошо.

Я сжал пальцы, заледеневшие от долгого соприкосновения с холодным бетоном, и мысленно представил, как ветер превращает меня в волка. В памяти вдруг ни с того ни с сего всплыли цифры телефона Энджи, и меня охватило иррациональное желание вернуться в дом и позвонить ей, просто услышать ее голос и повесить трубку. Интересно, что сейчас думает Виктор?

В груди разлилась тупая боль.

«Забери меня из этого тела. Не хочу быть Коулом», — подумал я.

Но и это тоже было мне неподвластно.

ГРЕЙС

Казалось бы, в отсутствие Сэма в моей постели совершенно ничего не изменилось. Матрас оставался все той же формы. Простыни не стали больше. Без мерного звука его дыхания я не чувствовала себя менее сонной, а в темноте мне все равно было бы не различить очертаний его широких плеч. От подушки до сих пор исходил его запах, как будто он всего лишь поднялся взять книгу и забыл вернуться.

Однако же разница была колоссальная.

Живот заныл отголоском вчерашней боли, я уткнулась в подушку и попыталась заставить себя не вспоминать те ночи, когда я думала, что потеряла его навсегда. Представляя, как он там один в доме Бека, я перевернулась на бок и взяла мобильник. Однако звонить ему не стала, потому что вдруг вспомнила, как мы лежали с Сэмом рядышком в этой постели и его колотило, а потом он сказал: «Может, нам стоило бы пересмотреть наши привычки». Потом я вспомнила, как он сказал мне, чтобы я оставалась дома и не вздумала приезжать к нему.

Может, он рад был возможности побыть там в одиночестве, без меня. А может, и нет. Я не знаю. Мне было плохо, плохо, плохо, и это ощущение было совершенно новым и ужасным, настолько, что я даже не могла это описать. Хотелось плакать, и от этого я чувствовала себя глупой.

Я положила телефон обратно на тумбочку, улеглась на подушку и наконец уснула.

СЭМ

Я весь был как открытая рана.

Не находя себе места, я бродил по комнатам; мне отчаянно хотелось позвонить ей еще раз, но я боялся навлечь на нее новые неприятности, боялся чего-то безымянного и огромного. Я ходил до тех пор, пока от усталости не начал валиться с ног, тогда я поднялся к себе на второй этаж. Не зажигая света, я подошел к кровати и лег, обняв холодный матрас; сердце у меня щемило, потому что под боком не было Грейс.

Мысли крутились в голове, хватая себя за хвост. Сон не шел. Сознание пыталось отрешиться от реальности, в которой была пустая постель; мысли сами собой начали складываться в стихи, а пальцы — нажимать на воображаемые лады, подбирая к ним мелодию.

Я — уравнение, которое решает она одна,
только иксы и игреки называются у нее по-другому.
Разделить нас было ужасной ошибкой моей,
и дни без нее лишь множат печаль мою.

Ночь тянулась невыносимо медленно, бесчисленные минуты накручивались одна на другую и никуда не текли, потом завyli волки, и голова у меня начала наливаться болью. Эти тупые ноющие боли оставил на память о себе менингит. Я лежал в пустом доме, слушал протяжный волчий вой и чувствовал, как в такт ему плещется в черепе боль.

Я поставил на карту все, что имел, и не получил ничего, кроме холодного матраса под рукой.

— Пойду прогуляюсь, — сообщила я маме.

Ни один день в моей жизни не тянулся так медленно, как эта суббота. Давным-давно, когда была младше, я душу бы продала за то, чтобы вот так целый день просидеть дома с мамой; теперь же чувствовала себя так, как будто у меня дома кто-то гостит. На самом деле она не мешала мне ничем заниматься, но в ее присутствии ни за что не хотелось братья.

В настоящее время мама изящно возлежала на диване и читала какую-то книжку, которую оставил Сэм. Услышав мой голос, она вскинула голову и вся напряглась.

— Куда-куда ты пойдешь?

— Пойду прогуляюсь, — повторила я, борясь с искушением забрать у нее книгу Сэма. — Мне до смерти скучно и хочется поболтать с Сэмом, но вы же мне не разрешаете. Поэтому мне нужно чем-то себя занять, а не то я начну швыряться во все стороны барахлом, как разъяренный шимпанзе.

Правда заключалась в том, что в отсутствие школы и Сэма мне необходимо было вырваться из этих четырех стен. Именно так я всегда поступала летом до того, как появился Сэм, — сбегала на качели на заднем дворе с книгой в руке. Чтобы заполнить тревожную пустоту внутри, мне нужен был шум леса.

— Если ты разгромишь комнату, я убирать не стану, — предупредила мама. — И никаких прогулок. Мы только позавчера ездили в больницу.

— С вирусом, который уже прошел, — напомнила я.

За окном виднелось небо, ярко-голубое и теплое, а под ним тянулись к солнцу какого-то беременного вида ветки деревьев. Мне до дрожи захотелось поскорее оказаться на улице, вдохнуть запах наступающей весны.

— И потом, витамин D очень полезен больным вроде меня. Я ненадолго.

Она ничего не сказала, и я, отыскав в коридоре свои сабо, сунула в них ноги. Повисла тишина, больше относившаяся к тому, что произошло в ту ночь, чем к нашему короткому обмену репликами.

— Грейс, думаю, нам нужно поговорить. О... — она помолчала, — вас с Сэмом.

— Ох, давай не будем, — откликнулась я кисло.

— Мне самой не хочется. — Мама закрыла книгу, не взглянув на номер страницы, и я немедленно вспомнила Сэма с его привычкой обязательно запоминать страницу или закладывать ее пальцем, прежде чем оторваться от чтения. — Но я должна поговорить об этом с тобой, и если ты поговоришь со мной, я скажу папе, что мы уже все обсудили, тогда тебе не придется разговаривать с ним.

Я не очень понимала, с какой стати вообще должна говорить с кем-то из них. До сих пор их не слишком заботило, чем я занимаюсь и куда хожу в их отсутствие, а через год я вообще уеду в колледж, ну или, по крайней мере, из-под их крыши. Меня так и подмывало сбежать, но я скрестила руки на груди и молча обернулась к ней.

Мама без предисловий приступила к делу.

— Вы предохраняетесь? — спросила она.

Я вспыхнула.

— Мама!

Но мама не намерена была отступить.

— Предохраняетесь?

— Да. Но это не то, что ты думаешь.

Мама вскинула бровь.

— Да? А что же?

— То есть не совсем то, что ты думаешь. Это... — Я силилась найти нужные слова, чтобы объяснить, донести до нее, почему ее вопросы и ее тон немедленно заставили меня ощетиниться. — Он не просто парень, мама. Мы...

Я не знала, как закончить свою мысль, когда она смотрела на меня, заранее недоверчиво вскинув бровь. Я не понимала, как сказать ей слова вроде «любовь» и «на всю жизнь», а потом вдруг поняла, что не хочу их говорить. Подобную откровенность нужно заслужить.

— Вы — что? Любите друг друга? — В маминых устах эти слова прозвучали пошло. — Тебе всего семнадцать, Грейс. А ему сколько? Восемнадцать? Сколько вы с ним знакомы? Несколько месяцев. Послушай... до него у тебя не было мальчиков. У вас с ним просто постельные отношения. Спать с кем-то еще не значит любить. Это просто постельные отношения.

— Но вы же спите с папой. Разве вы не любите друг друга?

Мама возвела глаза к потолку.

— Но мы-то женаты.

Почему я вообще пытаюсь ей что-то объяснить?

— Когда мы с Сэмом будем навещать вас в доме престарелых, ты сама поймешь, каких глупостей сейчас наговорила, — произнесла я холодно.

— Хотелось бы надеяться, — отозвалась мама и вдруг весело улыbnулась, как будто мы с ней болтали о всяких пустяках. — Впрочем, сомневаюсь, что мы вообще когда-нибудь будем о нем вспоминать. Скорее всего, от Сэма в лучшем случае останется фотография с выпускного бала. Я прекрасно помню себя в свои семнадцать, и, поверь мне, любовь там и не ночевала. К счастью, у меня всегда была голова на плечах. Иначе у тебя были бы братья и сестры. Помню, в твоём возрасте...

— Мама! — рявкнула я. Все лицо у меня пылало. — Я — не ты. У нас с тобой нет вообще ничего общего. Ты понятия не имеешь, что творится у меня в голове, как устроены мои мозги и влюблена ли я в Сэма, а он в меня или нет. Так что не пытайся даже вести со мной такие разговоры. Не пытайся... тьфу. Знаешь что? С меня хватит.

Я схватила с кухонного стола запрещенный телефон, надела пальто и выскочила за дверь. Мне должно было быть стыдно за то, что накричала на маму, но я не чувствовала ни грамма раскаяния.

Я до боли скучала по Сэму.

Когда я вышел из магазина, на улице было необыкновенно тепло, теплее даже, чем накануне. Я вернулся к дому Бека и открыл дверцу машины, наслаждаясь теплыми лучами солнца на лице. Потом выбрался из машины, широко раскинул руки и стоял так с закрытыми глазами, пока не появилось ощущение, что я падаю. Когда не было ветра, воздух казался такой же температуры, как мое тело, и возникало чувство, словно у меня вообще нет кожи, как будто я бесплотный дух.

Птицы, убежденные, что весна наконец-то прочно утвердилась в своих правах, пели как ошалелые. Меня тоже переполняла песня; я безмолвно произнес слова, пробуя их на вкус.

Во все времена года
Птицы поют о любви.
И когда мы рядом с тобой,
абсурдом кажется мне,
что могу я завидовать сойкам
и голубям.

Мне вспомнились теплые весенние деньки, которые извлекали меня из волчьей шкуры, деньки, когда пределом счастья для меня было снова обзавестись пальцами.

В том, что сейчас я один, было что-то глубоко неправильное.

Я решил снова навеститься в сторожку. Коула я сегодня еще не видел, но знал, что он должен быть где-то в человеческом обличье — в такую-то погоду. И вообще, в такую теплынь еще кто-то из новых волков мог превратиться в человека. Это позволяло занять себя хоть чем-то полезным, вместо того чтобы без конца бродить по дому в ожидании завтрашнего дня, гадая, попаду ли я в студию и будет ли со мной Грейс.

К тому же Грейс была бы только «за», если бы я попытался высмотреть Оливию.

Даже не дойдя до сторожки, я уже понял, что в ней кто-то есть: дверь была приоткрыта, из-за нее доносились какие-то звуки. Обоняние у меня ни в какое сравнение не шло с тем, каким я обладал, когда был волком, однако нюх все же подсказал мне, что там один из наших: мускусный волчий дух мешался с запахом человеческого пота. В былые времена я смог бы определить, кто именно скрывается в сторожке. Теперь же я все равно что ослеп.

Я подошел к сторожке и трижды постучал костяшками в дверь.

— Коул! У тебя там все нормально?

— Сэм?

В голосе Коула прозвучало... облегчение? Вот уж не ожидал от него. Чьи-то когти проскребли по полу, послышался стон. Крохотные волоски у меня на загривке встали дыбом.

— Все в порядке? — переспросил я и осторожно приоткрыл дверь.

Внутри буквально все исходило волчий запах, как будто он исходил от самих стен. Коул, одетый, стоял рядом с корзинами в нерешительной позе. Потом я проследил за

направлением его взгляда и увидел в углу сторожки скорчившегося на полу парня, прикрытого ярко-голубым флисовым одеялом.

— Это кто такой? — прошептал я.

Коул переступил с ноги на ногу и отвел взгляд от парня, но на меня тоже не взглянул.

— Виктор, — бесцветным тоном произнес он.

Услышав свое имя, тот обернулся к нам. Его вьющиеся светло-каштановые волосы были спутаны. Он казался лишь немногим старше меня самого. Я немедленно вспомнил, где его видел. Он сидел на заднем сиденье джипа Бека со связанными руками и смотрел на меня, и его губы шептали безмолвное «помогите».

— Вы знакомы? — спросил я.

Виктор закрыл глаза; плечи у него ходили ходуном.

— Я... постойте...

Не успел я и глазом моргнуть, как он превратился в светло-серого волка с темными подпалинами на морде. Никогда еще мне не доводилось видеть таких стремительных превращений. Нельзя сказать, чтобы оно далось ему совсем без усилий, однако все произошло совершенно естественно, как змея высвобождается из старой кожи или цикада сбрасывает хрупкий кокон своего прежнего «я». Ни рвотных позывов. Ни боли. Ни мучений, сопровождавших все прочие превращения, которые я видел или пережил лично.

Волк встряхнулся, так что шерсть встала дыбом на загривке, и недобро взглянул на меня карими глазами Виктора. Я отодвинулся в сторону от двери, чтобы пропустить его к выходу, но Коул каким-то странным голосом произнес:

— Не заморачивайся.

И тут, словно по команде, волк уселся на задние лапы. Уши у него подрагивали. Он зевнул, негромко заскулил, а потом по его телу пробежала волна дрожи.

Мы с Коулом как один отвернулись в стороны, а Виктор, громко ахнув, превратился обратно в человека. В один миг. Туда и обратно. У меня в голове это не укладывалось. Краешком глаза я увидел, как он натянул на себя одеяло. Думаю, скорее для тепла, чем из стыдливости.

— Твою мать, — негромко выругался Виктор.

Я покосился на Коула. Тот смотрел на все происходящее с отсутствующим выражением; я уже понял — таким образом он реагирует на все, что имеет для него значение.

— Виктор? — позвал я. — Меня зовут Сэм. Ты меня помнишь?

Теперь он сидел на корточках, покачиваясь вперед-назад, как будто не мог решить, то ли сесть на пол, то ли встать на колени. Судя по всему, его мучила боль.

— Не знаю, — сказал он. — Нет, наверное. А может, да.

Он бросил взгляд на Коула, и тот слегка поморщился.

— В общем, я сын Бека, — произнес я. Недалеко от истины и не так долго объяснять. — Я помогу тебе, если сумею.

КОУЛ

Сэм управлялся с Виктором куда ловчее, чем это получалось у меня. Мне оставалось лишь молча стоять у двери, готовясь выпустить его, если ему все-таки удастся удержаться в волчьем облике.

— Ничего себе... Как ты умудряешься превращаться туда-сюда с такой скоростью? — спросил его Сэм.

Виктор поморщился, перевел взгляд с Сэма на меня, потом обратно. Я видел, что ему немалых усилий стоит говорить спокойно.

— Из волка в человека сложнее. Из человека в волка просто. Слишком просто. Я все время превращаюсь обратно в волка, хотя сейчас не холодно. Ведь дело в температуре.

— Сегодня самый теплый день с начала весны, — ответил Сэм. — Всю остальную неделю не должно быть так тепло.

— Господи, — покачал головой Виктор. — Я не думал, что это будет так.

Сэм взглянул на меня, как будто я имел к этому какое-то отношение. Потом взял складной стул и уселся напротив Виктора. Неожиданно он напомнил мне Бека. Все в нем прямо-таки излучало интерес, заботу и искренность — от разворота плеч до нахмуренных бровей над полускрытыми под нависшими веками глазами. Интересно, на меня, когда я только превратился из волка в человека, он тоже так смотрел? И что я ему говорил? Я не помнил.

— Ты сегодня первый раз превратился в человека? — спросил он Виктора.

Тот кивнул.

— Да, насколько я помню.

Он уставился на меня, и мне немедленно стало неловко за то, что я человек. За то, что я просто стою тут, не испытываю боли, не пытаюсь превратиться в волка, а просто стою.

Сэм продолжал, как будто происходящее здесь было чем-то совершенно обыденным, вроде прогулки по парку.

— Есть хочешь?

— Я? — переспросил Виктор. — Постой. Я умираю с...

И превратился обратно в волка.

Судя по потрясенному выражению Сэма и тому, как озадаченно он почесал бровь, это было ненормально, и мне немного полегчало. Виктор в волчьем облике настороженно смотрел на дверь и на нас с Сэмом, и уши у него стояли торчком.

Мне вдруг вспомнилось, как мы с Виктором сидели в нашем номере в гостинице, после того как я познакомился с Беком. «Ну как, Вик, ты готов к новым большим делам?» — спросил я его тогда.

— Коул, — не сводя с него глаз, сказал Сэм. — Давно он так? Сколько ты уже здесь?

Я пожал плечами, пытаюсь напустить на себя небрежный вид.

— Да с полчаса. Он все время превращается туда-обратно. Это нормально?

— Нет, — отрезал Сэм, все еще глядя на волка. Тот припал к полу у самой двери, глядя на него в ответ. — Нет, это ненормально. Если тепло настолько, что он может быть человеком, он должен быть способен оставаться в человеческом облике более продолжительное время. А не так... то есть...

Волк снова уселся на задние лапы, и Сэм не договорил. Он убрал колени в сторону, на тот случай, если Виктор надумает рвануть к двери, но тот внезапно снова наострил уши и задрожал. Мы оба отвернулись в другую сторону и не смотрели на него, пока он снова не превратился в человека и не натянул на себя одеяло.

Виктор негромко простонал и обхватил голову руками.

Сэм обернулся к нему.

— Больно?

— Э-э. Не очень. — Он помолчал, втянул голову в плечи да в таком положении и остался. — Господи, я сегодня весь день так. Когда это все наконец закончится?

На меня он не смотрел; эта откровенность предназначалась Сэму.

— Хотел бы я знать ответ, Виктор, — ответил тот. — Что-то мешает тебе остаться в каком-то одном виде, а что именно, я не знаю.

— И так теперь будет всегда? Выходит, я попал. Зря я тебя послушал, Коул. Давным-давно пора было понять, что именно так всегда и выходит.

На меня он по-прежнему не смотрел.

Мне вспомнился тот день в отеле. У Виктора был тяжелый отходняк после очередной дозы. В последнее время они все у него проходили так тяжело, что даже я при всем своем напускном безразличии начал бояться, как бы в один прекрасный день он не склеил ласты. Когда я уговаривал его превратиться вместе со мной в волка, то пытался ему помочь. Я делал это не только из эгоизма. Не только потому, что не хотел идти на это в одиночку.

Если бы не Сэм, я сказал бы все это Виктору.

Сэм ткнул его кулаком в плечо.

— Эй. Поначалу все иначе. Новые волки всегда нестабильны, а потом все устаканивается. Да, сейчас тебе хреново, и тебе кажется, что хреново все вокруг, но, когда потеплеет по-настоящему, все это останется позади.

Виктор угрюмо посмотрел на Сэма; это выражение я видел уже миллион раз, потому что сам его придумал. Наконец он взглянул на меня.

— Сволочь, это ты должен быть на моем месте, — сказал он и снова превратился в волка.

Сэм всплеснул руками и с досадой в голосе спросил:

— Как... как... как...

Я понял, каких усилий стоило ему все это время держать себя в руках. Внезапный переход от воплощенного спокойствия к полной растерянности стал для меня почти таким же потрясением, как произошедшее у меня на глазах превращение Виктора. Это означало, что все это время Сэм был вполне способен при общении со мной изображать благожелательность, однако почему-то не захотел. Отчего-то это заставило меня взглянуть на него в совершенно ином свете.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Возможно, это и побудило меня заговорить.

— Что-то перевешивает температуру, — произнес я. — Мне так кажется. От тепла он превращается в человека, но это что-то дает его телу команду оставаться волком.

Сэм посмотрел на меня. В его взгляде не было недоверия, но и веры тоже не было.

— Что это может быть? — спросил он.

Я покосился на Виктора. Вечно с ним одни неприятности! Что ему стоило превратиться в волка, а потом обратно, как это было задумано? И понес же меня черт в сторожку!

— Что-то в биохимии мозга? — предположил я. — У Виктора какие-то проблемы с гипофизом. Возможно, они как-то влияют на его способность изменяться?

Сэм как-то странно на меня посмотрел, но не успел ничего сказать, потому что лапы волка снова начали дрожать. Я отвел взгляд, и Виктор опять превратился в человека. Без предупреждения.

У меня было такое ощущение, что я присутствую при превращении двух человек: Виктора в волка и Коула в кого-то другого. И только я один ни в кого не превращался.

Я не мог заставить себя бросить Виктора одного в таком виде, поэтому остался, и Коул остался тоже; минуты текли, превращаясь в часы, а мы все ждали и ждали, когда он стабилизируется.

— Способа вернуть все назад нет, — ровным тоном произнес Виктор на исходе дня. Это был даже не вопрос.

Мне с замиранием сердца вспомнилась последняя зима перед тем, как я воссоединился с Грейс. Вспомнилось, как я лежал в лесу, царапая ногтями землю, с раскалывающейся от боли головой. Как стоял по щиколотку в снегу и меня выворачивало наизнанку до тех пор, пока у меня не оставалось сил стоять. Как трепала меня лихорадка и мучительно резал глаза солнечный свет. Как я призывал к себе смерть.

— Нет, — солгал я.

И поймал на себе острый взгляд Коула. Если это твой друг, почему я вместо тебя сижу сейчас рядом с ним, хотелось мне спросить его.

Так мы сидели, ожидая очередного превращения Виктора. Сквозь приоткрытую дверь в сторожку медленно вползали прохладные сумерки; день клонился к вечеру, температура падала.

— Виктор, я пока что не знаю, как заставить тебя остаться человеком, — признался я. — Но, думаю, на улице сейчас достаточно холодно, так что если ты выйдешь из сторожки, то, скорее всего, сможешь остаться волком. Ты хочешь этого? Хочешь получить передышку, пусть даже не в человеческом облике?

— Господи, конечно, — сказал Виктор с таким чувством, что у меня защемило сердце.

— К тому же, кто знает, — добавил я. — Может, когда ты немного стабилизируешься, то...

Заканчивать фразу смысла уже не было, потому что Виктор успел превратиться обратно в волка и попятиться от меня.

— Коул! — сказал я торопливо, вскакивая на ноги.

Тот бросился к двери и распахнул ее. Наградой мне был ударивший в лицо холодный воздух, который заставил меня поморщиться. Волк выскочил за дверь и помчался к лесу, метя хвостом по земле и прижимая к голове уши.

Мы с Коулом стояли на пороге и смотрели, как он мелькает среди деревьев. Очутившись на безопасном расстоянии, он остановился и оглянулся на нас. Голые ветви деревьев у него над головой дрожали на порывистом ветру, почти касаясь кончиков ушей, но он не сводил с нас глаз. Несколько долгих минут мы смотрели друг на друга.

Он продолжал быть волком. Я должен был бы радоваться за него, но к радости примешивалось беспокойство. Я уже думал о следующем теплом дне и о том, что будет с этим парнем.

Коул стоял рядом со мной, склонив голову набок и не сводя глаз с Виктора.

— Если так ты обращаешься с друзьями, которым нужна твоя помощь, не хотел бы я видеть, как ты ведешь себя со всеми остальными, — произнес я первое, что пришло в голову.

Коул не улыбнулся в полном смысле этого слова, однако краешки губ у него дрогнули, а

лицо приняло непонятное выражение, нечто среднее между презрением и безразличием. Он не спускал глаз с Виктора, однако сострадания в них не было.

Я подавил искушение сказать что-нибудь еще, что угодно, лишь бы заставить его ответить. Мне хотелось, чтобы он испытал боль за Виктора.

— Он был прав, — произнес Коул, все так же глядя на Виктора. — На его месте должен был быть я.

Я решил, что ослышался. Я его недооценивал.

— Это ведь я хочу выбраться к черту из своего тела, — добавил он вдруг.

Нет, Коул положительно не переставал меня поражать.

Я взглянул на него и ответил холодно:

— А я-то уже было решил, что тебе не плевать на Виктора. Ты стал волком, чтобы сбежать от своих проблем. Тебе ведь не терпится выбраться из собственной головы?

— Если бы это была твоя голова, тебе бы тоже не терпелось, — сказал Коул; вот теперь он улыбался — жестокой кривой улыбкой, из-за которой его лицо казалось перекошенным. — Вряд ли я единственный, кто предпочел быть волком.

Он не был единственным.

Шелби тоже пошла на это добровольно. Бедная Шелби, человеческого в ней почти ничего не было даже тогда, когда она бывала в девичьем облике.

— А вот представь себе, ты единственный, — сказал я вслух.

Улыбка Коула превратилась в беззвучный смех.

— До чего же ты наивен, Ринго. Ты хорошо знал Бека?

Я посмотрел на него, на его снисходительное выражение, и мне захотелось, чтобы он провалился сквозь землю. Зачем Бек вообще притащил его сюда? Зря он не оставил их с Виктором в Канаде, или откуда они там приехали.

— Достаточно, чтобы понять, что он был куда лучшим человеком, чем это светит тебе, — сказал я.

Выражение лица Коула не изменилось; такое впечатление, что язвительные слова просто-напросто пролетали у него мимо ушей. Я скрипнул зубами, злясь на себя за то, что позволил ему задеть меня за живое.

— Желание быть волком само по себе еще не делает человека плохим, — мягко произнес Коул. — Равно как желание быть человеком не делает хорошим.

Мне снова было пятнадцать лет, и я сидел в своей комнате в доме Бека, обхватив колени руками и пытаюсь спрятаться от волка внутри меня. Неделю тому назад зима уже предъявила свои права на Бека, а вскоре и Ульрик должен был последовать за ним. А потом и я. Моим книгам и гитаре предстояло до весны пролежать нетронутыми, как уже лежали осиротевшие книги Бека. Погруженные в забвение, имя которому было волк.

Разговаривать об этом с Коулом мне не хотелось.

— Ты не чувствуешь признаков скорого превращения?

— Ни малейших.

— Тогда будь так добр, возвращайся в дом. Я приберу здесь. — И я добавил, убеждая не только его, но и себя: — Ты плохой человек не потому, что хочешь быть волком. А из-за того, что ты сделал с Виктором.

Коул взглянул на меня с уже знакомым отстраненным выражением на лице и молча зашагал к дому. Я развернулся и пошел обратно в сторожку.

Как делал прежде Бек, я сложил брошенное Виктором одеяло, подмел с пола пыль и

шерсть, проверил запас воды, заглянул в корзины со съестным и отметил для себя, чего еще надо бы прикупить. Потом взял блокнот, который мы держали рядом с лодочным аккумулятором; там были нацарапаны имена, кое-где — даты, иногда — описания деревьев: они помогали определить время, когда мы этого не могли. Этот способ учета, кто и когда превратился в человека, придумал Бек.

Блокнот до сих пор был открыт на странице с прошлогодними именами. Последним шел Бек; список был намного короче, чем позапрошлый, а тот, в свою очередь, чем позапозапрошлый. Я сглотнул и перевернул страницу; надписал наверху год, вывел имя Виктора и рядом — дату. Вообще-то имя Коула тоже должно было там быть, но я сомневался, чтобы Бек объяснил ему, каким образом мы ведем нашу летопись. Я записывать Коула не хотел. Это означало бы официально признать его членом стаи, частью моей семьи, а этого мне не хотелось.

Я долго-долго стоял, глядя на чистую страницу, на которой значилось только имя Виктора, потом подписал под ним свое собственное.

Я знал, что больше не принадлежу к стае, не принадлежу по-настоящему, но это ведь был список тех, кто был человеком.

А кто был человеком больше, чем я?

Я углубилась в заросли.

Голые деревья еще были объаты зимней дремотой, но оттепель уже пробудила какофонию влажных весенних запахов, прежде скованных холодами. Над головой заливались птицы, перепархивая с ветки на ветку.

Каждой своей клеточкой я чувствовала: я дома.

Стоило мне на несколько ярдов углубиться в лес, как позади затрещали кусты. Я остановилась, чтобы не хрустело и не чавкало под ногами, и с забившимся сердцем прислушалась. И снова послышался знакомый треск, не ближе, но и не дальше. Я не оборачивалась, но знала, что это волк. Страх не было — только чувство товарищества.

Время от времени за спиной у меня раздавался шорох — волк шел за мной по пятам. Приближаться он не спешил — просто наблюдал за мной с почтительного расстояния. Мне хотелось посмотреть, кто из волков за мной следует, но я боялась спугнуть его, слишком волнующим было его присутствие. Так мы и шли — я размеренно, и он короткими перебежками от дерева к дереву, чтобы не отстать от меня.

Солнце, пробивавшееся сквозь голые еще ветви деревьев, припекало плечи, и я раскинула руки в стороны, жадно впитывая тепло, пытаюсь изгнать последние воспоминания о вчерашней лихорадке. Чем дальше в прошлое уходила вспышка моего гнева, тем сильнее крепло ощущение, что со мной что-то неладно.

Пробираясь сквозь невысокий кустарник, я вспомнила, как Сэм однажды привел меня на золотую поляну в чаще леса, и пожалела, что он сейчас не со мной. Нельзя сказать, чтобы мы ни на минуту не расставались или чтобы я не в состоянии была самостоятельно занять себя без него: он ходил на работу в свой магазин, я в школу и к репетиторам, — но сейчас мне было не по себе. Да, лихорадка прошла, но у меня не было уверенности, что это навсегда. Я чувствовала, что она затаилась в крови и ждет лишь удобного момента, чтобы заявить о себе вновь, когда волки подадут голос.

Я шла и шла. Деревья стали реже, видимо, раскидистые сосны душили новую поросль. Здесь запах озера был сильнее; я заметила на влажной земле отпечаток волчьей лапы. Матово-зеленые кроны сосен почти не пропускали солнечный свет, и я обхватила себя руками: в тени стало прохладно.

Слева от меня что-то промелькнуло: серовато-бурая волчья шкура, сливающаяся со стволами сосен. Наконец я увидела волка, который сопровождал меня с начала моей прогулки. Он не шелохнулся, когда я взглянула в его ярко-зеленые, совершенно человеческие глаза. Позади него между деревьями поблескивало озеро.

«Ты один из новеньких?» — мысленно спросила я, но вслух свой вопрос не произнесла, побоялась спугнуть его.

Он вскинул морду с любопытно наостренными ушами и повел носом в моем направлении. Мне показалось, я поняла, чего он хочет; я медленно протянула к нему руку раскрытой ладонью вверх. Он шарахнулся, но, похоже, от запаха, потому что, когда он вернулся в прежнее положение, ноздри его продолжали трепетать.

Чтобы понять, что он вынюхивает, не нужно было подносить ладонь к носу, я и сама это чувствовала. Сладковатый, с гнильцой запах миндаля, приставший к моим пальцам и укоренившийся под ногтями. Он казался более зловещим, чем сам приступ лихорадки. Он словно говорил: это не простая простуда.

Сердце бухало в груди, хотя я по-прежнему не боялась бурого волка. Я присела на корточки и обхватила колени руками, внезапно обессилев не то от этого знания, не то от лихорадки.

Откуда-то из кустов с шумом выпорхнула стайка птиц; мы с бурым волком вздрогнули от неожиданности. Причина испуга пернатых — серый волк подкрался поближе. Он был крупнее бурого, но не такой смелый; в его глазах поблескивал интерес, но уши и хвост, когда он приблизился, выдавали настороженность.

Следом за серым показался черный волк — я узнала в нем Пола, за ним еще один, которого я не знала. Они походили на стайку рыб — постоянно соприкасались, толкались, общались без слов. Вскоре волков уже было шесть; все они держались на расстоянии, наблюдая за мной, принохиваясь.

Внутри меня шелохнулось безмолвное нечто, вызвавшее тот приступ лихорадки и заставлявшее мою кожу источать этот запах. Боли не было, но присутствовало ощущение какой-то неправильности. Теперь я поняла, почему мне так хотелось к Сэму.

Мне было страшно.

Волки окружили меня кольцом; моя человеческая сущность вызывала у них опаску, но пробуждавший любопытство запах пересиливал. Наверное, они ждали моего превращения.

Но я не могла превратиться в волчицу. К добру или к худу, мое тело оставалось таким, каким оно было, как бы яростно нечто внутри меня ни скреблось, пытаюсь вырваться наружу.

Когда я в прошлый раз оказалась в этом лесу в окружении волков, я была добычей. Беспомощная, распростертая на снегу под тяжестью собственной крови, смотрящая в зимнее небо. Они были животными, а я — человеком. Сейчас эта грань почти стерлась. Я не чувствовала с их стороны угрозы. Лишь обеспокоенное любопытство.

Я осторожно переступила с ноги на ногу, пошевелила затекшими плечами, и один из волков заскулил, тоненько и тревожно, точно волчица, пытающаяся втолковать что-то детенышу.

У меня возникло ощущение, будто лихорадка внутри меня поднимает голову.

Изабел как-то пересказала мне слова ее матери, работавшей врачом, о том, что смертельно больные пациенты иногда каким-то шестым чувством угадывают свою обреченность, еще даже до того, как им становится известен их диагноз. Тогда я только посмеялась недоверчиво, но теперь понимала, что она имела в виду — потому что сама это чувствовала.

Со мной творилось что-то очень неладное, что-то такое, справиться с чем были бессильны врачи, и волки знали это.

Я сидела на корточках под деревьями, обняв колени руками, и смотрела на волков. Так прошло несколько долгих минут, потом крупный серый волк, не сводя с меня глаз, припал к земле, очень медленно, как будто опасался в любой миг передумать. Это выглядело очень неестественно. Не по-волчьи.

Я затаила дыхание.

Тогда черный волк перевел взгляд с меня на серого, потом снова на меня и тоже опустил наземь, положив голову на лапы. Его взгляд был по-прежнему устремлен на меня,

уши настороженно подергивались. Один за другим все волки улеглись на землю, окружив меня тесным кольцом. В лесу было тихо, волки тоже молчали, терпеливо дожидаясь вместе со мной чего-то неведомого, для чего ни у них, ни у меня не было слов.

Вдали зловеще и протяжно закричала гагара. Их крик всегда казался мне жалобным, как будто они звали кого-то, не надеясь, что этот кто-то отзовется.

Черный волк — Пол — потянул носом в моем направлении и тихонько заскулил. Этот звук казался негромким прерывистым отголоском крика гагары, нерешительным и тревожным.

Под кожей у меня что-то натянулось и вспухло. В моем теле словно разыгрывалась какая-то незримая битва.

Окруженная волками, я сидела на земле, глядя, как солнце медленно клонится к горизонту и удлиняются серые тени сосен, и гадала, сколько еще времени мне осталось.

В конце концов волки все-таки ушли.

Я осталась сидеть в одиночестве, пытаюсь ощутить каждую клеточку своего тела, силясь понять, что происходит внутри меня. Зазвонил телефон. Изабел.

Я взяла трубку. Нужно было возвращаться в реальный мир, пусть даже он был не настолько реален, как мне хотелось бы.

— Рейчел была очень рада сообщить мне, что это ее, а не меня ты попросила взять для тебя домашнее задание и сделать копии конспектов, — без предисловия заявила Изабел, услышав в трубке мое «алло».

— Но ты же мало куда хо...

— Забей. Мне плевать, и вообще, можно подумать, у меня только и дела, что таскаться за твоей домашкой. Просто мне забавно, что она увидела в этом символ статусности. — Судя по голосу, Изабел это действительно забавляло; мне стало даже немного жаль Рейчел. — В общем, я звоню, чтобы узнать, заразная ты или нет.

Как я могла объяснить, как себя чувствую? Да не кому-нибудь, а Изабел?

Это было невозможно.

Я сказала ей правду, но не всю.

— Думаю, что не заразная. А что?

— Я хотела куда-нибудь с тобой сходить, но подцепить от тебя бубонную чуму мне не улыбается.

— Приезжай на задний двор, — сказала я. — Я в лесу.

Не знаю даже, чего в голосе Изабел было больше — изумления или недоверия.

— В лесу. Ну разумеется, как же я сразу не догадалась; где же еще может быть человек, который болеет. Я лично предпочла бы поехать куда-нибудь и устроить себе сеанс шоппинг-терапии, но, думаю, прогулка по лесу будет полезной и в личном, и в социальном плане альтернативой. Теперь все детишки так делают. Захватить лыжи? Палатку?

— Приезжай сама, — сказала я.

— А что ты делала в лесу? — поинтересовалась она.

— Гуляла, — ответила я. Правду, но не всю.

Я не представляла, как рассказать ей все остальное.

Когда Изабел наконец приехала, ей пришлось не один раз прокричать мое имя и несколько минут подождать, пока я не вышла из темнеющего леса, но я даже не почувствовала себя виноватой, слишком уж была поглощена открытием, которое сделала в окружении волков.

— Разве ты не при последнем издыхании? — поинтересовалась Изабел, едва я показалась из леса.

Я двинулась в сторону дома; свою точку зрения я до мамы донесла, теперь можно было и возвращаться. К тому же, подумала я, она не станет лезть ко мне с серьезными разговорами, если я появлюсь не одна.

Изабел стояла у птичьей кормушки — руки в карманах, капюшон с меховой опушкой сдвинут на затылок. Пока я шла к ней, ее взгляд перескакивал с меня на белесоватое пятнышко застарелого птичьего помета на краю кормушки и обратно; оно явно не давало ей покоя. Выглядела она, как обычно, потрясно: рваная стрижка, умопомрачительно и безжалостно уложенная вокруг лица, ярко покрашенные глаза. Похоже, она в самом деле собиралась куда-нибудь со мной выбраться; мне стало стыдно, как будто я отказала ей из собственной прихоти. Ее голос был на несколько градусов холоднее, чем воздух.

— Теперь что, принято лечиться, разгуливая по лесам, когда на улице тридцать семь градусов?

Между тем в самом деле похолодало; кончики пальцев у меня стали ярко-розовые.

— Что, правда тридцать семь? Когда я выходила, было теплее.

— А теперь похолодало, — отрезала Изабел. — Я видела твою маму, когда шла сюда, и попыталась уговорить ее отпустить тебя со мной поесть панини в Дулуте, но она сказала «нет». Пытаюсь не принимать это на свой счет.

Она сморщила нос, когда я поравнялась с ней, и мы вместе двинулись обратно к дому.

— Да, я жутко зла на нее, но пытаюсь не подавать виду, — призналась я.

Изабел подождала, пока я открою ей дверь. Мое признание она никак не прокомментировала, да я этого от нее и не ждала; Изабел постоянно злилась на своих родителей, так что сомневаюсь, чтобы она увидела в этом что-то необычное.

— Я могла бы сообразить какое-то подобие панини дома. Только у меня нет подходящего хлеба, — добавила я.

Впрочем, желанием готовить я не горела.

— Спасибо, я лучше подожду настоящих, — отозвалась Изабел. — Давай закажем пиццу.

Заказ пиццы в Мерси-Фоллз означал звонок в местную пиццерию, «Мариос», и шесть долларов за доставку. После покупки подарочного сертификата Сэму для меня это было дороговато.

— Я на мели, — призналась я с сожалением.

— А я нет, — пожала плечами Изабел.

Она произнесла это в тот самый момент, когда мы вошли в дом, и мама, которая все так же сидела на диване с книгой Сэма, с подозрением вскинула на нас глаза. Вот и славно. Пусть думает, что мы говорили о ней.

Я взглянула на Изабел.

— Пойдем ко мне в комнату? Будем...

Изабел сделала мне знак молчать; она уже успела набрать номер «Мариос» и заказывала большую пиццу с сыром и грибами. Она сбросила сапоги на толстых каблуках на коврик у порога и следом за мной двинулась в мою комнату, на ходу напропалую кокетничая с кем-то на том конце провода.

По сравнению с улицей в комнате казалось страшно жарко. Я стянула с себя свитер, а Изабел захлопнула крышку телефона и плюхнулась на кровать.

— Спорим, я обеспечила нам бесплатную начинку?

— Тут и спорить нечего, — пожала плечами я. — Это был практически секс по телефону на ультратонком тесте.

— Такие уж у меня методы, — отозвалась Изабел. — Послушай. У меня нет с собой домашки. Я сделала ее на перемене в школе.

Я выразительно посмотрела на нее.

— Если ты сейчас вылетишь из школы, то не попадешь ни в один приличный колледж и будешь куковать в Мерси-Фоллз до конца своих дней.

В отличие от Рейчел и Изабел на меня эта мысль ужаса не наводила, но я знала, что ни одна из них не могла бы вообразить худшей участи.

Изабел поморщилась.

— Спасибо, мамуля. Я приму это к сведению.

Я пожалала плечами и вытащила книгу, которую занесла мне Рейчел.

— Ну а мне надо делать уроки, и в колледж я собираюсь. За сегодня мне нужно хотя бы подготовиться к истории. Ничего?

Изабел улеглась на мою подушку и закрыла глаза.

— Ты не обязана меня развлекать. Я вырвалась из дома, и на том спасибо.

Я присела в изголовье кровати; мое движение потревожило Изабел, но она даже не приоткрыла глаз. Будь здесь сейчас Сэм и будь он на моем месте, то поинтересовался бы у Изабел, что у нее плохого и в порядке ли она. До знакомства с ним мне и в голову не пришло бы задавать подобные вопросы, но я не раз слышала, как он спрашивал о таких вещах, и потому знала теперь, как это делается.

— Как у тебя дела? — спросила я.

Ощущение было странное, как будто из моих уст эти слова должны были прозвучать не так искренне, как от Сэма.

Изабел скучающе фыркнула и открыла глаза.

— Ты прямо как мамашин психотерапевт. — Она потянулась в манере, под которую как нельзя лучше подходило определение «томная», и сказала: — Пойду поищу чего-нибудь выпить. У вас есть лимонад?

С одной стороны, я порадовалась, что отделалась так легко, с другой — не была уверена, не стоит ли спросить еще раз. Сэм, наверное, спросил бы. Впрочем, я не могла долго воображать его на своем месте и думать его мыслями, поэтому просто сказала:

— В дверце холодильника был какой-то, и еще в ящике справа.

— Тебе прихватить что-нибудь? — спросила Изабел, сползая с кровати.

Одна из моих закладок упала на пол и приклеилась к ее босой ноге, и она, изогнувшись, отцепила ее.

Я задумалась. Живот у меня слегка крутило.

— Имбирный лимонад, если есть.

Изабел вышла из комнаты и вернулась с банкой газировки и банкой имбирного лимонада. Она протянула ее мне и включила радиочасы на тумбочке у кровати. Заиграла любимая радиостанция Сэма; прием был не очень уверенный, потому что они находились где-то южнее Дулута. Я вздохнула; мне не особенно нравился рок, но он напоминал о Сэме, больше даже, чем его книжка на тумбочке или забытый на полу у стеллажа рюкзак. Теперь, когда солнце почти зашло, я почему-то с особенной остротой поняла, как мне его не хватает.

— У меня такое чувство, как будто я попала на любительскую рок-вечеринку, — сказала Изабел и переключилась на более мощную дулутскую радиостанцию, где крутили поп-музыку. Она растянулась на животе рядом со мной — обычно там лежал Сэм — и вскрыла свою газировку. — Что смотришь? Читай давай. Я просто бездельничаю.

Похоже, она говорила серьезно, так что никаких оснований не читать параграф по истории у меня не было. Вот только делать это мне не хотелось. Хотелось свернуться

клубочком на кровати и тосковать по Сэму.

ИЗАБЕЛ

Поначалу забавно было валяться на кровати, ничего не делая и не боясь, что в любой момент могут помешать родители или непрошенные воспоминания. Негромко мурлыкало радио, Грейс сидела, с сосредоточенным видом уткнувшись в учебник, и переворачивала страницы вперед и время от времени назад, перечитывая что-то. За стеной гроыхала кухонной утварью ее мать, потом из-под двери потянуло подгоревшим тостом. Это была умиротворяюще чужая жизнь. Приятно было находиться рядом с подругой, но не чувствовать себя обязанной поддерживать разговор. Я даже почти не вспоминала, что Грейс больна.

Некоторое время спустя я протянула руку к тумбочке, где рядом с радиочасами валялась какая-то затрепанная книженция. Не представляю, сколько раз ее надо было прочитать, чтобы довести до такого состояния, и зачем это могло кому-то понадобиться. Она выглядела так, как будто ее переехал школьный автобус, но предварительно кто-то принял с ней ванну. На обложке значилось, что это стихи Райнера Марии Рильке, и не просто стихи, а перевод с немецкого. Это не показалось мне слишком захватывающим, и вообще, я всегда считала, что стихи придумали для того, чтобы пытать ими грешников на нижних кругах ада, но больше все равно делать было нечего, поэтому я взяла книгу и открыла ее.

Она раскрылась на странице с загнутым уголком и сделанными синими чернилами пометками на полях. Несколько строк были подчеркнуты.

...Ах! В ком нуждаться мы смеем?
Нет, не в ангелах, но и не в людях,
И уже замечают смышленные звери подчас,
Что нам вовсе не так уж уютно
В мире значений и знаков.

Рядом чьим-то неразборчивым почерком было подписано: «findigen — смышленный, gedeuteten — истолкованный?» и еще какие-то отрывочные пометки на немецком. Я поднесла книгу поближе к глазам, чтобы получше рассмотреть крошечную запись в уголке, и до меня вдруг дошло, что книга, должно быть, принадлежала Сэму: от нее пахло домом Бека. На меня нахлынули воспоминания: вот Джек лежит в постели, вот он на моих глазах превращается в волка, вот он умирает.

Мой взгляд снова упал на страницу.

Ночь, когда ветер вселенной
Гложет нам лица... [7]

Не могу сказать, чтобы я внезапно вспылала страстью к поэзии. Я вернула томик на тумбочку и опустила голову на подушку. Должно быть, когда Сэм прокрадывался в эту комнату, он спал на этой стороне, потому что я уловила знакомый запах. Какую дерзость

надо иметь, чтобы ночь за ночью приходила сюда только ради того, чтобы быть с Грейс! Я представила их с Грейс здесь, в этой постели. Я видела, как они целовались, как Сэм обвивал ее за талию обеими руками, когда думал, что их никто не видит, и как преображалось обычно строгое лицо Грейс. Нетрудно было представить, как они лежат, прижавшись друг к другу, и целуются. Как их дыхание сливается воедино, а губы одного жадно ищут шею, плечи, кончики пальцев другого. Внезапно меня охватила тоска, тоска по чему-то такому, чего я сама была лишена и чему не знала названия. Мне вспомнились руки Коула на моих ключицах, его жаркое дыхание на моих губах, и я вдруг поняла, что завтра позвоню ему или разыщу, если получится.

Я снова приподнялась на локтях, пытаюсь отвлечься от мыслей о его ладонях на моих бедрах и запахе Сэма, исходившем от подушки, и произнесла:

— Интересно, что сейчас делает Сэм.

Грейс придерживала страницу двумя пальцами; брови у нее были задумчиво сведены; услышав мои слова, она перестала хмуриться, и ее лицо приняло какое-то неуверенное выражение. И кто только тянул меня за язык!

Грейс осторожно опустила страницу и разгладила ее, потом прижала пальцы к горячей щеке и точно таким же движением разгладила кожу.

— Он сказал, что вечером попытается позвонить, — произнесла она наконец.

Она продолжала смотреть на меня все с тем же неуверенным выражением, и я добавила:

— Мне просто интересно, кто-нибудь из волков уже превратился в людей и пришел к нему? Я тут на одного из них наткнулась.

Это утверждение было настолько близко к правде, что мне практически не пришлось кривить душой.

Лицо Грейс прояснилось.

— Я знаю. Сэм говорил. Ты в самом деле на него наткнулась?

Вот черт. Пришлось рассказывать.

— Я отвезла его в дом Бека как раз в ту ночь, когда ты ездила в больницу.

Глаза у нее расширились, но она не успела задать ни единого вопроса, потому что затренькал дверной звонок — громко, настойчиво и на разные лады.

— Пицца! — преувеличенно весело крикнула из коридора мать Грейс, и больше мы с Грейс ни о чем не говорили.

ГРЕЙС

Принесли пиццу, и Изабел даже выдала кусочек маме, чего я на ее месте делать бы не стала. Мама поднялась к себе в студию, чтобы мы могли расположиться в гостиной. Небо за стеклянной дверью на террасу успело почернеть настолько, что невозможно было сказать, полночь на дворе или семь вечера. Я уселась на одном краю дивана с одиноким куском пиццы на тарелке, Изабел с двумя — на другом. Бумажной салфеткой она аккуратно промокнула со своей пиццы лишний жир, стараясь не задеть грибы. По телевизору показывали «Красотку»; на экране героиня Джулии Робертс опустошала магазины, в которых Изабел выглядела бы как своя. Коробка с пиццей стояла на кофейном столике перед телевизором. Начинки была целая гора.

— Ешь, Грейс.

Изабел протянула мне рулон бумажных полотенец.

Я посмотрела на пиццу и попыталась убедить себя в том, что это еда. Просто поразительно, как быстро одному-единственному куску пиццы с сыром и грибами, истекающему жирным соком и опутанному нитями расплавленной моцареллы, удалось то, чего не смогла сделать прогулка по лесу, — заставить меня почувствовать себя совершенно больной. От одного взгляда на тарелку меня замутило, но это была не обычная тошнота. Это было то же самое, что терзало меня раньше, — лихорадка, которая не была лихорадкой. Болезнь, представлявшая собой нечто более серьезное, нежели просто головная боль и колики в животе. Болезнь, которая каким-то образом стала мной.

Изабел посмотрела на меня, и я поняла, что расспросов не избежать. Но мне не хотелось даже раскрывать рот. То смутное и бесформенное, что заявило о себе в лесу, пожирало меня изнутри. Я боялась того, что могу сказать, если заговорю.

Я чувствовала себя намного более уязвимой, чем в лесу, в окружении волков. Мне хотелось, чтобы Изабел куда-нибудь делась. И мама тоже. Мне нужен был Сэм.

ИЗАБЕЛ

Грейс вдруг посерела. Она смотрела на свою пиццу с таким видом, как будто боялась, что та ее укусит, потом наконец выдавила, держась за живот:

— Я сейчас.

Она с заторможенным видом сползла с дивана и двинулась в кухню. Когда она вернулась с еще одной банкой имбирного эля и пригоршней таблеток, я спросила:

— Тебе опять нехорошо?

Я немного приглушила звук у телевизора, хотя там как раз шла моя любимая сцена.

Грейс разом ссыпала все таблетки в рот и запила большим глотком лимонада.

— Немного. Когда болеешь, вечером всегда чувствуешь себя хуже, так ведь? Я про это читала.

Я посмотрела на нее. Похоже, она все понимала. Похоже, она думала о том же, о чем и я, но произносить это вслух мне не хотелось. Поэтому я спросила:

— Что сказали в больнице?

— Что это обычная простуда. Грипп, — отозвалась она, и по ее тону я поняла — она вспоминает, как рассказывала мне про тот раз, когда ее укусили. Тогда она тоже думала, что у нее грипп, и только потом мы поняли, что на самом деле это был никакой не грипп.

Тогда я наконец произнесла вслух то, что не давало мне покоя с тех самых пор, как я переступила порог ее дома.

— Грейс, от тебя пахнет. Как от того волка, которого мы тогда нашли. Ты сама понимаешь, что это как-то связано с волками.

Она потерла пальцем завитушки на бортике тарелки, как будто хотела соскрести их совсем.

— Я знаю.

В ту же минуту зазвонил телефон, и мы обе поняли, кто это. Грейс вскинула на меня глаза и замерла.

— Только Сэму не говори, — попросила она.

В ту ночь я не мог заснуть и потому затеял печь хлеб.

Не спалось мне главным образом из-за Грейс; даже думать о том, чтобы отправиться в кровать и лежать там в одиночестве, дожидаясь прихода сна, было совершенно невыносимо. Впрочем, свою роль в этом сыграл и Коул, который до сих пор торчал в доме. Он оказался таким беспокойным — расхаживал туда-сюда, включал и выключал стереосистему, присаживался на диван, начинал смотреть телевизор, потом снова вскакивал, — что лишил покоя и меня. У меня было такое впечатление, будто я нахожусь рядом со звездой, готовой взорваться.

Так вот, о хлебопечении. К нему меня приобщил Ульрик, который был страшно привередлив в отношении хлеба. Он в рот не брал большинство покупных сортов, а если прибавить к этому то обстоятельство, что в десятилетнем возрасте я сам только хлебом и питался, в тот год хлебопечка у нас работала не переставая. Бек считал нас обоих несносными и никакого касательства к нашим заскокам иметь не желал. Поэтому утра мы проводили в обществе друг друга — я бренчал на подаренной Полом гитаре, устроившись на полу у кухонных шкафчиков, а Ульрик сражался с тестом, время от времени ворча на меня, чтобы не мешался под ногами.

Однажды, почти в самом начале года, Ульрик поднял меня на ноги и приставил месить тесто; это случилось в тот самый день, когда Бек узнал, что Ульрик был на приеме у врача. Это воспоминание не давало мне покоя с тех самых пор, как я стал свидетелем отчаянных попыток Виктора сохранить человеческий облик. Бек ворвался в кухню, сам не свой от ярости. За спиной у него маячил Пол; он остановился на пороге, и, судя по лицу, его привело на кухню не столько беспокойство, сколько предвкушение захватывающей сцены.

— Скажи, что Пол говорит неправду, — потребовал Бек, а Ульрик тем временем передал мне банку с закваской. — Он утверждает, что ты был у врача.

Вид у Пола был такой, как будто он вот-вот расхохочется, да и Ульрик тоже, казалось, еле сдерживался.

Бек вскинул руки, как будто собрался придушить Ульрика.

— Значит, ты там все-таки был. Был. Дурак ты набитый. Я же говорил тебе, что из этого не выйдет ничего хорошего.

Ульрик широко ухмыльнулся.

— Скажи ему, что он тебе прописал, — сквозь смех выдавил Пол. — Скажи.

Ульрик, похоже, понял, что Бек не находит в этом ничего смешного, поэтому с улыбкой кивнул на холодильник и попросил:

— Достань молоко, Сэм.

— Галоперидол, — продолжал веселиться Пол. — Он пришел с жалобами на то, что он оборотень, а ушел с рецептом на антипсихотик.

— Тебе так смешно? — осведомился Бек.

Ульрик наконец-то взглянул на Бека и дернул плечом.

— Брось, Бек. Он решил, что я псих. Я рассказал ему, как все было: про то, что я зимой

превратился в волка, и про — как это по-английски? тошнилловку? тошноту? — и про дату, когда я в этом году снова превратился в человека. Про все симптомы. Все ему выложил как на духу, а он слушал и кивал, а потом выписал мне рецепт на лекарство для психов.

— Где ты был? — уточнил Бек. — В какой больнице?

— В Сент-Поле. — Они с Полом покатались со смеху при виде выражения лица Бека. — А что, ты думал, я заявлюсь в местную больничку и сообщу им, что я оборотень?

Беку явно было не до смеха.

— Что, и все? Он тебе не поверил? Не назначил анализ крови? Ничего?

Ульрик фыркнул и, позабыв, что поручил мне заниматься тестом, принялся сам подсыпать муку.

— Да ему до смерти хотелось поскорее выставить меня за дверь. Как будто я заразный.

— Жаль, меня там не было, — заявил Пол.

Бек покачал головой.

— Вы оба просто идиоты. — Впрочем, произнесено это было ласковым тоном. Он протиснулся мимо Пола в коридор. — Сколько раз вам говорить: если хотите, чтобы врач вам поверил, придется его укусить.

Пол с Ульриком переглянулись.

— Он серьезно? — поинтересовался Пол.

— Вряд ли, — отозвался Ульрик.

Он закончил месить тесто и поставил его подходить, и разговор перескочил на что-то другое, но я на всю жизнь усвоил урок: в нашей битве на помощь врачей рассчитывать не приходится.

Мои мысли вернулись к Виктору. Мне не давали покоя его мгновенные превращения из человека в волка и обратно.

Судя по всему, Коул тоже не мог избавиться от этих воспоминаний; он вошел в кухню и с раздраженным выражением взгромоздился на островок в центре.

— Я должен бы удивиться, что ты печешь хлеб, но отчего-то не удивлен, — произнес он, морщась от терпкого запаха дрожжей. — Ну что, меня опять мучает сознание несправедливости того, что Виктор не может остаться человеком, а я не могу остаться волком. Все должно быть наоборот.

— Я уже понял, — с трудом сдерживая раздражение, отозвался я. — Ты хочешь быть волком. Не Коулом, а волком. Все предельно понятно. Так вот, у меня нет волшебного средства, которое помогло бы тебе остаться волком. Прости. — Мой взгляд упал на бутылку виски, стоящую рядом с ним. — Где ты это взял?

— В шкафике, — любезным тоном сообщил Коул. — А почему это тебя так волнует?

— Я не горю желанием любоваться на тебя пьяного.

— А я не горю желанием быть трезвым, — в тон мне ответил Коул. — Вообще-то ты никогда не говорил, что тебя так бесит мое желание быть волком.

Я отвернулся к раковине и принялся отмывать руки от муки; под водой они немедленно стали липкими. Я неторопливо соскреба с них тесто, обдумывая ответ.

— Мне слишком через многое пришлось пройти, чтобы остаться человеком. Я знаю одного парня, который пошел на то же самое и погиб. Я отдал бы все на свете, чтобы мои близкие были сейчас со мной, но они вынуждены зимовать в лесу, не помня даже, кто они такие. Быть человеком — это... — Я хотел сказать «исключительная привилегия», но решил, что это прозвучит слишком высокопарно. — Жизнь в обличье волка лишена смысла. Если у

тебя нет воспоминаний, ты все равно что никогда не существовал. Ты не можешь ничего оставить после себя. Я вообще не понимаю, о чем тут говорить. Твоя человеческая суть — единственное, что по-настоящему важно. Почему ты от нее отказываешься?

Я не стал упоминать о Шелби. Помимо Коула, она была единственным известным мне человеком, который предпочел жизнь в волчьем облике сознательно. Я знал, почему она сделала такой выбор, однако это не значило, что я его одобряю. Надеюсь, она получила то, чего хотела, и стала волчицей навсегда.

Коул отхлебнул виски и поморщился.

— Ты сам и ответил на собственный вопрос. Когда говорил про отсутствие воспоминаний. Бегство — лучшая терапия.

Я развернулся к нему лицом. На этой кухне он казался нереальным. Обычно люди обладают приобретенной красотой — чем дольше их знаешь и чем сильнее любишь, тем красивее они кажутся. Однако Коул бессовестно перепрыгнул этот этап и со своей вызывающей голливудской красотой не нуждался ни в чьей любви.

— Не думаю, — сказал я. — Мне эта причина не кажется веской.

— Правда? — с любопытством спросил Коул. Я с удивлением отметил, что в его голосе нет злобы, только смутный интерес. — Почему тогда ты ходишь в туалет на втором этаже?

Я уставился на него.

— А что, ты думал, я не замечаю? Да. Ты всегда ходишь в туалет наверх. Ну, то есть, может, конечно, внизу страшная ванная, но, по-моему, с ней все в порядке. — Коул спрыгнул с островка, слегка пошатнувшись при приземлении. — Так что ты, кажется, просто не хочешь видеть ванну. Я прав?

Не знаю, откуда он разузнал мою историю, впрочем, никто особенно ее и не скрывал. Может, ему рассказал даже сам Бек, хотя мне как-то странно было об этом думать.

— Это просто маленький заскок, — сказал я. — Избегать ванн, потому что твои родители пытались утопить тебя в ванне, — совсем не то же самое, что бежать от жизни, превратившись в волка.

Коул широко улыбнулся. Выпивка настроила его на благодушный лад.

— Давай заключим сделку, Ринго. Ты перестанешь обходить стороной ванную на первом этаже, а я — бежать от жизни.

— Всенепременно.

После того как родители попытались меня утопить, я лежал в ванне всего однажды — когда прошлой зимой Грейс затолкала меня туда, чтобы отогреть. Но в тот миг я был наполовину волком и практически не понимал, где нахожусь. К тому же то была Грейс, которой я доверял, а не Коул.

— Нет, серьезно. Я крайне целеустремленный субъект, — настаивал Коул. — Ведь счастье — это достижение целей. Мм, забористая штука. — Он поставил бутылку на столешницу. — Я уже тепленький. Так что скажешь? Ты ныряешь в ванну, а я посвящаю себя сохранению нашего с Виктором человеческого облика? Раз уж это у тебя такой маленький заскок.

Я сокрушенно улыбнулся. Он с самого начала знал, что может не опасаться, я и на пушечный выстрел не подойду к ванне.

— Туше! — сказал я, и в памяти вдруг всплыл последний раз, когда я слышал это выражение: в книжном, потягивая зеленый чай в обществе Изабел. Казалось, это было давным-давно.

Я широко улыбнулся. Внутри плескалось приятное ленивое тепло, какое оставляет после себя крепкий алкоголь.

— Вот видишь, Ринго, — сказал я Сэму, — мы с тобой оба с большим прибабахом. У каждого свои тараканы.

Сэм молча смотрел на меня. На самом деле не так уж он походил на Ринго, скорее на сонного желтоглазого Джона Леннона, если уж быть до конца точным, но имя Джон с ним как-то не вязалось. Меня вдруг охватил приступ неожиданного сочувствия. Бедный парень не мог даже сходить отлить в нижний сортир, потому что его собственные предки пытались его укокошить. Вот непруха-то.

— Не хочешь устроить сеанс шоковой терапии? — поинтересовался я. — По-моему, сегодня отличный вечер для шоковой терапии.

— Спасибо, я как-нибудь сам, — отказался Сэм.

— Брось. — Я протянул ему бутылку, но он покачал головой. — Это поможет тебе расслабиться. Выпьешь — и в гробу ты видал эту ванну.

Голос у Сэма стал чуточку менее дружелюбный.

— В другой раз.

— Приятель, — сказал я, — я пытаюсь найти к тебе подход. Я пытаюсь помочь тебе. И себе самому заодно.

Я дружески ухватил его за локоть, Сэм попытался выдернуть руку, но как-то без убежденности. Я потянул его к выходу из кухни.

— Коул, — сказал Сэм. — Ты пьян. Пусти.

— А я говорю тебе, что все прошло бы куда проще, если бы и ты тоже был пьян. Не передумал насчет виски?

Мы были уже в коридоре. Сэм снова попытался выдернуть руку.

— Нет, не передумал. Коул, хватит. Ты что, с ума сошел?

Он рванулся прочь. От двери в ванную нас отделяли считанные шаги. Сэм уперся, и мне пришлось тащить его обеими руками. Он оказался на удивление сильным; не ожидал, что такой хлюпик может оказать серьезное сопротивление.

— Я помогу тебе, а ты — мне. Подумай, насколько легче тебе станет, когда ты взглянешь в лицо своим демонам, — продолжал я.

Не уверен, что так оно и случилось бы на самом деле, но звучало это солидно. Должен также признаться, что мне и самому любопытно было взглянуть, как поведет себя Сэм, оказавшись перед грозной ванной.

Я втолкнул его в ванную и локтем включил свет.

— Коул, — севшим внезапно голосом произнес Сэм.

Это была всего лишь ванна. Пустая ванна, совершенно ничем не примечательная: кремовый кафель на стене, отдернутая белая занавеска. Дохлый паук на дне. При виде ее Сэм вдруг рванулся у меня из рук, да с такой силой, что я с трудом его удержал. Я почувствовал, как напряглись все его мышцы.

— Пожалуйста, — попросил он.

— Это всего лишь ванна, — сказал я и обхватил его руками.

Впрочем, это было излишне. Он весь обмяк.

Недолгий миг я видел перед собой то, чем она являлась на самом деле, то, какой я, должно быть, видел ее первые семь лет моей жизни: ничем не примечательную ванную комнату, обшарпанную и прозаическую. Потом я наткнулся взглядом на ванну, и земля ушла у меня из-под ног. Я...

Сидел в комнате за обеденным столом. Отец сидел рядом; мать вот уже несколько недель не садилась от меня поблизости.

«Я не могу больше любить его, — сказала она. — Это не Сэм. Это тварь, которая иногда кажется похожей на него».

Передо мной на тарелке лежал горох. Я терпеть не мог горох. Видеть его на тарелке было странно, потому что мама это знала. Я не мог отвести от него глаз.

«Я знаю», — произнес отец.

Меня тормозил Коул.

— Ты не умираешь, — твердил он. — Тебе просто так кажется.

Родители держали меня за тощие руки. Меня поставили перед ванной, хотя вечер еще не наступил и я был в одежде. Родители уговаривали меня залезть в нее, а я отказывался, и, по моему, это их даже обрадовало, потому что так им было легче, чем если бы я доверчиво повиновался. Отец взял меня на руки и опустил в воду.

— Сэм, — произнес Коул.

Я сидел в ванне, полностью одетый; темные джинсы намокли и потемнели, вода пропитала мою любимую синюю футболку в белую полоску, ткань начала липнуть к ребрам, и на секунду, всего на один милосердный миг мне показалось, что это всего лишь игра.

— Сэм, — повторил Коул.

Я ничего не понимал, а потом понял.

Это случилось не в тот миг, когда я ловил взгляд матери, а она упорно смотрела на край ванны и сплывала, снова и снова. И не когда отец пошарил у себя за спиной и позвал мать по имени, чтобы она посмотрела на него. И даже не когда она взяла из его протянутой руки бритву, очень осторожно, как будто выбирала из блюда с угощениями хрупкий крекер.

Это случилось, когда она наконец взглянула на меня.

В мои глаза. В мои волчьи глаза.

Я все понял по ее лицу.

И в это мгновение они затолкали меня под воду.

КОУЛ

Сэм куда-то ускользнул. Не знаю, как это еще описать. Глаза у него стали... пустые. Я потащил его в гостиную и принялся тормозить.

— Очнись! Мы вышли оттуда! Оглянись по сторонам, Сэм! Мы оттуда вышли.

Я отпустил его запястья, и Сэм сполз на пол, привалился к стене, обхватив голову руками. Внезапно стало казаться, что он состоит из локтей, коленей и суставов, сплетенных в один безликий клубок.

Не знаю, что я чувствовал, глядя на него. Понимая, что происходящее с ним — что бы

это ни было — дело моих рук. Я почти ненавидел его за это.

— Сэм? — повторил я.

После долгого молчания он произнес тонким и слабым голосом, не поднимая головы:

— Оставь меня в покое. Оставь в покое. Что я тебе сделал?!

Он судорожно дышал, в груди у него что-то клокотало. Это не походило на рыдание, скорее на приступ удушья.

Я смотрел на него сверху вниз, и внезапно горло у меня перехватило от гнева. Какого черта он так раскис? Подумаешь, паршивая ванна! Сделал из меня настоящее чудовище, хотя я всего-навсего подвел его к самой обычной ванне! А я ведь совсем не такой, каким он меня считает!

— Бек тоже пошел на это добровольно, — сказал я ему, потому что сейчас он не мог ничего мне возразить. — Он сам мне сказал. Он сказал, что после юридической школы у него было все, а он был несчастен. Он хотел покончить с собой, но один мужик, Пол, убедил его, что есть другой выход.

Сэм молчал, все так же судорожно дыша.

— И это было именно то, что он предложил мне, — продолжал я. — Только у меня не получается быть волком. И не говори, что ты не желаешь этого слышать. Ты ничем не лучше меня. Посмотри на себя. Не тебе упрекать меня в ненормальности.

Он не сдвинулся с места, и тогда это сделал я. Я подошел к задней двери и распахнул ее. Пока я накачивался виски, наступила ночь, темная и ледяная, и наградой мне стала разрывающая внутренности боль в животе.

Мне все-таки удалось сбежать.

Я заставил себя обмять тесто, сформовать буханку и поставить ее в печь. Голова гудела от слов, слишком отрывочных и бессвязных, чтобы попытаться сложить из них стихи. Я был наполовину здесь, в старенькой кухне Бека, наполовину непонятно где, и эта ночь могла быть и сейчас, и десять лет назад.

С фотографий на дверцах шкафчиков мне улыбались знакомые лица, десятки одних и тех же лиц в разных комбинациях: я и Бек, Бек и Ульрик, Пол и Дерек, Ульрик и я. Лица, ждущие возвращения своих хозяев. В тусклом электрическом свете кухонной лампы фотографии казались выцветшими и старыми. Я помнил, как Бек приклеивал их скотчем, когда они были еще совсем новыми, доказательство связующих нас уз.

Я стал думать о том, с какой легкостью мои родители решили больше не любить меня — только потому, что я не мог удержаться в своем человеческом обличье. И о том, как я сам поспешил порвать с Беком, решив, что он инициировал троих новых волков против их воли. Мне казалось, что в жилах у меня течет дефектная любовь моих родителей. Слишком скор я был на свой суд.

Когда я наконец заметил, что Коул исчез, я открыл заднюю дверь и подобрал разбросанную по двору одежду. Потом остановился, держа в руках заледеневшие вещи, и полной грудью вдохнул ночной воздух, чтобы он проник глубоко внутрь, слой за слоем сквозь все то, что делало меня Сэмом и человеком вообще, к затаившемуся в глубине волку, которого я до сих пор ощущал внутри себя. В голове у меня крутился наш разговор с Коулом.

Неужели это была просьба о помощи?

Телефонный звонок заставил меня подскочить. Трубки на базе в кухне не оказалось, пришлось идти в гостиную и брать телефон там, присев на ручку дивана. Грейс, с горячей надеждой подумал я. Грейс.

— Да?

До меня с опозданием дошло, что если Грейс звонит в такое время, значит, что-то случилось.

Но это оказалась не Грейс, хотя голос в трубке был женский.

— Кто это?

— Прошу прощения? — переспросил я.

— Кто-то звонил мне на сотовый с этого номера. Два раза.

— Вы кто такая? — спросил я.

— Энджи Баранова.

— Когда вам звонили?

— Вчера. Довольно рано. Никакого сообщения не оставили.

Коул. Больше некому. Сентиментальный гад.

— Наверное, ошиблись номером, — предположил я.

— Наверное, — эхом отозвалась она. — Потому что вообще-то этот номер знают всего четыре человека.

Я внес поправку в свое мнение о Коуле. Тупой гад.

— Ну, я же уже сказал, — настойчиво повторил я. — Ошиблись номером.

— Или это был Коул, — предположила Энджи.

— Что?

Она безрадостно рассмеялась.

— Кто бы вы ни были, я знаю, что вы все равно не скажете ничего другого, даже если он стоит сейчас рядом. Потому что Коул отлично умеет играть в эти игры. Он кого угодно может заставить плясать под свою дудку. Так вот, если он там и если это он мне звонил, передайте ему, что у меня теперь другой номер телефона. Один-девятьсот семнадцать-добавочный-катись-к-черту. Спасибо.

Она повесила трубку.

Я нажал на кнопку отбоя и положил трубку на базу. На столике у дивана стопкой лежали книги, которые не дочитал Бек. Рядом в рамке стояла фотография: Ульрик снял Бека, перемазанного горчицей — Пол обрызгал его, когда мы жарили гамбургеры. Бек, щурясь, смотрел прямо на меня из-под вымазанных ядерно-желтой кашицей бровей.

— Похоже, ты выбрал настоящего победителя, — сообщил я фотографическому Беку.

ГРЕЙС

В ту ночь я лежала в постели, пытаюсь забыть выражение, с которым смотрели на меня волки, и старательно убеждая себя, что Сэм лежит рядом со мной. Щурясь в темноте, я обняла его подушку, но запах уже выветрился, и теперь это снова была самая обычная подушка. Я отодвинула ее на край кровати и поднесла к носу руку, пытаюсь определить, вправду ли от меня до сих пор пахнет волком. Перед глазами стояло лицо Изабел, когда она произнесла: «Ты сама понимаешь, что это как-то связано с волками». Что значило ее выражение? Отвращение? Как будто я была заразной? Или это была жалость?

Будь здесь сейчас Сэм, я бы прошептала: «Думаешь, умирающие люди знают, что умирают?»

Я поморщилась в темноте. Я просто все драматизирую.

Мне очень хотелось в это верить.

Положив ладонь на живот, я стала думать о ноющей боли, которая с недавних пор поселилась там, в глубине. Сейчас она затаилась, дожидаясь своего часа.

Я прижала пальцы к коже.

«Я знаю, что ты там».

Я подумала о том, что сижу тут и размышляю о собственной смертности в одиночестве, хотя до Сэма ехать всего ничего, и мне стало себя жалко. Ну почему родители лишили меня его компании именно тогда, когда она мне больше всего нужна!

Если умру сейчас, я никогда не буду учиться в колледже. Никогда не узнаю, что такое жить самостоятельно. Никогда не обзаведусь собственным кофейником (мне хотелось красненький). Никогда не выйду замуж за Сэма. Никогда не стану той Грейс, какой должна была стать.

Всю свою жизнь я была так осторожна.

Я задумалась о собственных похоронах. У мамы ни за что в жизни не хватит здравого смысла, чтобы организовать их по-человечески. Всем придется заниматься папе — между переговорами с инвесторами и членами правления ассоциации домовладельцев. Или

бабушке. Она может взять все в свои руки, когда узнает, какой паршивый отец для ее внучки вышел из ее сыночка. Придет Рейчел, возможно, еще кто-то из учителей. Миссис Эркин точно явится — она еще хотела, чтобы я стала архитектором. Изабел тоже придет, хотя плакать, наверное, не станет. Я вспомнила похороны ее брата — там был весь город, слишком рано он умер. Так что, возможно, на моих похоронах тоже будет столпотворение, хотя меня и нельзя назвать легендой Мерси-Фоллз. Всего-то и нужно умереть, не успев толком начать жить. Интересно, на похороны принято приходить с подарками, как на свадьбы и крестины?

В коридоре скрипнула половица, потом дверь приоткрылась.

На краткий миг я подумала, что это Сэм, что ему каким-то чудом удалось пробраться в дом. Потом в проеме показались папины плечи и голова, и я принялась усердно изображать из себя спящую, подсматривая, однако, сквозь прищуренные веки. Папа на цыпочках прошел в комнату, и я с удивлением подумала: он пришел проверить, все ли у меня в порядке.

Но тут он слегка вытянул шею, чтобы взглянуть на место рядом со мной, и я поняла, что он здесь вовсе не за этим. Он пришел убедиться, что со мной нет Сэма.

Скорчившись, с окровавленными коленями, я лежал на усыпанной сосновой хвоей холодной земле и пытался вспомнить, как давно я уже человек.

Меня окружало белесо-голубое утро, вокруг колыхался туман, окрашивавший все в пастельные тона. В воздухе резко пахло кровью, фекалиями и стоялой водой. Мне хватило одного взгляда на собственные руки, чтобы понять, откуда все эти запахи. От озера меня отделяло несколько ярдов, а между мной и водой лежала на боку мертвая олениха. Кожа у нее с ребер была содрана клочьями, открывая взгляду тошнотворный натюрморт из внутренностей. Это в ее крови были мои колени, да и руки тоже, как я только что заметил. В вышине, неразличимые в густом тумане, перекрикивались вороны, предвкушая поживу.

Я огляделся по сторонам в поисках других волков, которые, очевидно, помогали мне задрать олениху, но они покинули меня. Впрочем, более справедливо было бы сказать, что это я их покинул, против своей воли превратившись в человека.

Краем глаза я заметил какое-то слабое шевеление. До меня не сразу дошло, что это была олениха. Вернее, ее глаз. Она моргнула, и я понял, что ее взгляд устремлен прямо на меня. Она была еще жива. Забавно, насколько два живых существа могут быть схожи и одновременно различны. В выражении ее влажных черных глаз было что-то такое, отчего у меня защемило сердце. Пожалуй, это была... покорность. Или всепрощение. Она покорила своей судьбе — быть съеденной заживо.

— Господи, — прошептал я и медленно поднялся на ноги, чтобы не напугать ее еще больше. Она даже не шелохнулась, только моргнула. Мне хотелось отойти, дать ей место, позволить скрыться, но голые кости и вывалившиеся кишки говорили о том, что ей уже никуда не убежать. Я уничтожил ее тело.

Мои губы дрогнули в горькой улыбке. Вот он, мой блестящий план в действии. Я так хотел перестать быть Коулом, забыть всю свою прошлую жизнь. И что из этого вышло? Я стоял голый, весь в крови и желудок сводило от голода, а под ногами у меня лежала пища для существа, которым я больше не был.

Олениха снова моргнула все с тем же кротким выражением в глазах, и меня замутило.

Я не мог уйти и бросить ее лежать здесь. Просто не мог. Я быстро огляделся по сторонам, чтобы сообразить, где нахожусь; до сторожки было минут двадцать ходу. И еще десять до дома, если в сторожке не найдется ничего, чем можно было бы ее прикончить. Итого от сорока минут до часу ей придется лежать здесь с кишками наружу.

Можно было бы просто уйти. Она ведь все равно умирала. Ничего поделывать тут было уже нельзя, в конце концов, кого волнуют страдания оленихи?

Она снова моргнула, безропотная и покорная. Меня. Они волновали меня.

Я огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве орудия. Все бульжники на берегу были слишком мелкими, чтобы можно было ими воспользоваться, да и все равно рука у меня не поднялась бы размоzzжить ей голову камнем. Я перебрал в уме все, что мне было известно об анатомии и мгновенной гибели в автокатастрофах. Потом перевел взгляд обратно на ее ободранные ребра.

Сглотнул.

На то, чтобы найти достаточно острый сук, ушел всего миг.

Ее глаз обратился на меня, черный и бездонный, передняя нога подергивалась в воспоминании о беге. Что-то ледящее душу было в ужасе, скованном этим безмолвием. В чувстве, которое она не могла больше выразить действием.

— Прости, — сказал я ей. — Я не хочу делать тебе больно.

И воткнул сук ей между ребер.

И еще раз.

Она закричала. Этот пронзительный крик не был ни человеческим, ни звериным — он был где-то посередине, чудовищный звук из тех, что не забываются никогда, сколько бы ласкающих слух звуков ни довелось слышать после. Потом она смолкла, потому что в разорванных легких не осталось больше воздуха.

Она была мертва, и я ей завидовал. Я должен был выяснить, как навсегда остаться волком. Потому что больше так не мог.

Я думала, что не сплю, но стук в дверь разбудил меня, так что, видимо, я все же спала. Я открыла глаза; в комнате было темно. Судя по часам, уже наступило утро, но совсем раннее. На табло горели цифры «5.30».

— Грейс, — послышался мамин голос, чересчур громкий для половины шестого. — Нам нужно поговорить с тобой перед отъездом.

— Отъездом? Куда? — сиплым спросонья голосом спросила я.

— В Сент-Пол, — ответила мама, и в голосе ее послышались нетерпеливые нотки, как будто я сама должна была догадаться. — Ты там в каком виде?

— В каком виде я должна быть в пять утра? — буркнула я, но сделала ей знак заходить, поскольку спала в майке и пижамных штанах.

Мама щелкнула выключателем, и я зажмурилась от неожиданно яркого света. Едва я успела заметить, что мама нарядилась в белую блузу-размахайку, как за спиной у нее появился папа. Они вошли ко мне в комнату. Мамины губы застыли в напряженной деловой улыбке, а папино лицо казалось вылепленным из воска. Не помню, когда я в последний раз видела, чтобы им обоим было настолько явно не по себе.

Они переглянулись; я прямо как наяву услышала: «Ты первая!» — «Нет, ты первый!»

Поэтому первой начала я.

— Как ты себя сегодня чувствуешь, Грейс? — осведомилась я.

Мама помахала рукой, как будто мой вид не оставлял никаких сомнений в том, что все в полном порядке, тем более раз уж у меня хватило сил на сарказм.

— Сегодня Художественная выставка-ярмарка.

Она помолчала, чтобы понять, не нужны ли мне пояснения. Пояснений не требовалось. На Художественную выставку-ярмарку мама ездила каждый год — уезжала еще затемно, до отказа забив машину своими творениями, и возвращалась только после полуночи, усталая и в изрядно опустевшей машине. Папа всегда сопровождал ее, когда ему не надо было на работу. Как-то раз я тоже с ними поехала. Выставка-ярмарка оказалась огромным зданием, в котором кишмя кишели такие, как моя мама, и такие, кто покупал картины вроде маминих. Больше я туда не ездила.

— Ясно, — сказала я. — И что?

Мама посмотрела на папу.

— А то, что ты до сих пор под домашним арестом, — сказал он. — Несмотря даже на то, что нас нет дома.

Я выпрямилась, и в голове протестующим молоточком застучала боль.

— Мы же можем тебе доверять? — добавила мама. — Ты не станешь делать глупостей?

Я заговорила, медленно и раздельно, чтобы не заорать:

— Вы что... решили мне отомстить? Потому что... — Я собиралась сказать: «Я столько времени копила деньги на этот сертификат для Сэма», но почему-то не смогла заставить себя выдать эти слова. Я закрыла глаза и снова открыла их.

— Нет, — возразил папа. — Ты наказана. Если мы договорились, что ты под домашним

арестом до понедельника, значит, так оно и будет. То, что сертификат в студию у Сэмюеля оказался именно на это время, просто неудачное совпадение. Может, как-нибудь в другой раз.

Судя по его лицу, он вовсе не считал это совпадение неудачным.

— У них запись на несколько месяцев вперед, папа, — сказала я.

Никогда еще я не видела у папы такого неприятного выражения лица.

— Что ж, может, в следующий раз ты научишься думать, что делаешь, — отозвался он.

В висках запульсировала слабая боль. Я всадила кулак себе в живот и вскинула на него глаза.

— Папа, это подарок ему на день рождения. Единственный подарок, который он получил. Вообще. Он очень много значит для Сэма. — У меня вдруг сел голос, и мне пришлось сглотнуть, прежде чем я смогла продолжать. — Пожалуйста, отпустите меня. Хотите, я буду сидеть дома весь понедельник? Или пойду на общественные работы. Или отдраю все унитазы в доме зубной щеткой. Только отпустите меня сегодня.

Мама с папой переглянулись, и на миг я наивно подумала, что они дрогнули.

Потом мама произнесла:

— Мы не хотим оставлять тебя с ним наедине на такое долгое время. Мы ему больше не доверяем.

И мне тоже. Ну давайте, скажите это вслух.

Но они не сказали.

— Ответ — нет, Грейс, — отрезал папа. — Увидишься с ним завтра, и скажи спасибо, что мы вообще тебе это разрешаем.

— Разрешаете?! — переспросила я, стискивая кулаки. Во мне заклокотал гнев, щеки запылали, и внезапно я поняла, что не могу больше сдерживаться. — Большую часть моей жизни вы где-то отсутствовали, а теперь заявляетесь в мою комнату и говорите: «Прости, Грейс, нет, скажи спасибо, что мы не отбираем у тебя тот кусочек жизни, который тебе удалось построить для себя самостоятельно, и того человека, которого ты себе выбрала»?!

Мама всплеснула руками.

— Ох, Грейс, честное слово. Хватит раздувать из мухи слона. Как будто нам и без этого не хватало доказательств, что ты еще недостаточно взрослая, чтобы проводить с ним столько времени. Тебе всего семнадцать. У тебя вся жизнь впереди. Это не конец света. Через пять лет...

— Хватит! — оборвала ее я.

К моему удивлению, она умолкла.

— Хватит твердить мне, что через пять лет я забуду, как его звали. Прекрати разговаривать со мной, как с ребенком. — Я вскочила, отшвырнув одеяло в сторону. — Вы оба слишком долго отсутствовали, чтобы теперь делать вид, будто представляете, что делается у меня в голове. Почему бы вам не отправиться куда-нибудь на званый ужин, открытие очередной галереи, показ или презентацию? Ах да. Вы именно туда и едете. Определитесь уж наконец, кто вы мне — родители или соседи. А то нелогично как-то получается.

Повисла долгая пауза. Мама смотрела куда-то в угол, как будто в голове у нее звучала какая-то фантастическая песня. Папа недовольно хмурил брови. Наконец он покачал головой.

— Придется нам серьезно поговорить, когда мы вернемся домой, Грейс. Не очень-то

хорошо было с твоей стороны затевать этот разговор, зная, что у нас не будет времени довести его до конца.

Я скрестила на груди руки со сжатыми кулаками. У него не выйдет пробудить во мне чувство вины за сказанные слова. Не выйдет. Слишком долго я ждала возможности произнести их вслух.

Мама взглянула на часы, и чары рассеялись.

— Продолжим этот разговор позже, — бросил папа на пути к двери. — Нам нужно ехать.

— Очень надеюсь, что ты не заставишь нас пожалеть о своем доверии и не уйдешь вопреки нашему запрету, — добавила мама, как будто повторила то, что слышала от папы.

Впрочем, ни о каком их доверии речи на самом деле не шло, поскольку, когда я после их отъезда вышла на кухню, оказалось, что они забрали с собой ключи от моей машины.

Я не расстроилась. В рюкзаке у меня лежал запасной комплект, о котором они не подозревали. Внутри у меня разрасталось что-то незримое и грозное, и быть пай-девочкой я больше не желала.

К дому Бека я подъехала на рассвете.

— Сэм? — позвала я.

Ответа не было; первый этаж был явно необитаем, поэтому я направилась по лестнице напрямик на второй. Комнату Сэма я нашла сразу. Солнце еще не успело подняться из-за деревьев, и комнату освещал болезненный серый свет, но и этого скудного освещения мне хватило, чтобы заметить в ней признаки жизни: сбитое одеяло и джинсы, кучкой сброшенные на полу рядом с вывернутыми наизнанку носками и мятой футболкой.

Я долго стояла перед кроватью, молча глядя на скомканное белье, а потом забралась в постель. От подушки пахло Сэмом, и после бесконечных ночей, проведенных без него, я почувствовала себя на седьмом небе. Я не знала, куда он ушел, но была уверена, что скоро вернется. У меня уже было такое чувство, что он тут, рядом со мной. Веки у меня вдруг налились свинцовой тяжестью.

Меня охватил целый клубок чувств, мыслей и ощущений. Грызущая боль в животе. Зависть при мысли об Оливии в волчьем облике. Жгучий гнев на родителей. Лютая тоска по Сэму. Прикосновение чьих-то губ к моему лбу.

Сама того не заметив, я провалилась в сон — вернее, очнулась от сна. Казалось, времени прошло всего ничего, но, когда я открыла глаза, оказалось, я лежу лицом к стенке, укрытая теплым одеялом.

Обычно, просыпаясь в непривычной обстановке — у бабушки или в гостиничном номере несколько раз в детстве, — я в первый же миг понимала, что свет другой и подушка тоже не моя, но какое-то время не могла сообразить, где нахожусь. Здесь же, в комнате Сэма... я просто открыла глаза, и все. Такое впечатление, что мое тело не смогло забыть, где я нахожусь, даже пока я спала.

Так что, когда я перевернулась на спину и увидела под потолком птиц, я не удивилась, а только заинтересовалась. Десятки сложенных из бумаги птиц всевозможных форм, цветов и размеров медленно колыхались в потоках теплого воздуха из вентиляционных отверстий, точно в замедленной киносъемке. В ярком дневном уже свете тени птиц разбегались по всей комнате: по потолку, по стенам, по кипам книг и забитым до отказа книжным полкам, по одеялу, по моему лицу. Это было прекрасно.

Интересно, сколько я проспала? И где Сэм? Потянувшись, я поняла, что из-за открытой двери доносится шум воды. Сквозь плеск душа смутно слышался голос Сэма, напевавший:

Идеальные дни из стекла
Я расставил по полкам,
Чтобы видеть, как тени от них делятся
и закрывают
Неидеальные дни внизу.

Он пропел этот куплет еще дважды, заменив «делятся и закрывают» на «протягиваются и прячут», а потом на «наползают и укрывают». Голос у него был влажный и отзывался эхом.

Я улыбнулась, хотя видеть мою улыбку было некому. Ссора с родителями вдруг отодвинулась куда-то далеко-далеко. Отбросив одеяло, я поднялась и немедленно задела головой одну из бумажных птиц. Та понеслась куда-то по безумной орбите, я поймала ее и принялась разглядывать, из чего все они сделаны. Та, которую я задела, была сложена из газетного листа. Другая — из обложки глянцевого журнала. Третья — из красивой бумаги с замысловатым узором из цветов и листьев. Четвертая, похоже, когда-то была бланком налоговой декларации. Еще одну птичку, крошечную и кривобокую, сделали из двух склеенных скотчем долларовых банкнот. Следующую — из табеля школы дистанционного обучения в Мэриленде. За каждой из них стояла своя история, сложенная на память в журавлика; повесить их все здесь, над кроватью, было очень в духе Сэма.

Я взяла в руки того, что висел прямо над подушкой. Измятый тетрадный листок был исписан почерком Сэма; словам эхом вторил голос, доносившийся теперь из ванной. Я разобрала строку: «Маленькая девочка в снегу».

Я вздохнула. Меня охватило какое-то странное чувство опустошенности. Той опустошенности, которая скорее благо, отсутствие ощущений, — как будто у тебя долго что-то ныло, а потом боль вдруг отпустила. Как будто я поставила на карту все, чтобы быть с кем-то, а потом поняла, что он — именно тот, кто мне нужен. Как будто я считала себя картинкой, а потом обнаружила, что на самом деле — лишь часть пазла, и вторая, идеально подходящая ко мне часть — вот она, рядом.

Я снова улыбнулась, и хрупкие журавлики заколыхались вокруг меня.

— Привет! — произнес с порога Сэм.

Голос у него был осторожный, неуверенный — мы столько дней провели порознь, что теперь непонятно было, в каких мы отношениях. Волосы у него были взлохмачены после душа и торчали в разные стороны; рубашка с воротничком придавала ему до странности чопорный вид, несмотря на то что была не отглажена и не заправлена в джинсы. Сэм! Сэм! Наконец-то Сэм!

— Привет, — отозвалась я, не в силах сдержать улыбку.

Я закусила губу, но улыбка все равно рвалась наружу и стала еще шире, когда Сэм улыбнулся в ответ. Я стояла посреди его журавликов, и его постель до сих пор была примята там, где я только что лежала, и солнечные лучи заливали нас с ним, и все тревоги прошлой ночи вдруг показались невероятно ничтожными по сравнению с сияющим великолепием наступившего утра.

Меня вдруг накрыло осознанием того, что за невероятная личность этот парень,

стоящий напротив меня, и того, что он принадлежит мне, а я — ему.

— Мне сейчас просто не верится, — сказал Сэм, и я увидела у него в руках мой подарочный сертификат, сложенный в журавлика с залитыми солнцем крыльями, — что где-то в мире может идти дождь.

Запах ее крови преследовал меня.

Когда я добрался до дома, Сэм уже уехал; на дорожке перед домом не было его машины, в комнатах было пусто и гулко. Я бросился в нижнюю ванную — коврик до сих пор был скомкан после нашей с Сэмом вчерашней стычки — и пустил самую горячую воду, какую мог терпеть. Я стоял под душем и смотрел, как вода уносит кровь. В тусклом свете, сочившемся сквозь шторку, она казалась черной. Я потер ладони друг о друга и принялся скрести руки, пытаясь избавиться от запаха оленихи, но, как ни старался, все равно его чувствовал. И каждый раз, когда этот запах долетал до меня, она вставала у меня перед глазами. И этот ее темный, покорный глаз, обращенный на меня, в то время как я таращился на ее внутренности.

Потом мне вспомнился Виктор — как он смотрел на меня, скорчившись на полу в сторожке, человек и волк одновременно. Моя вина.

Мне вдруг подумалось, что я полная противоположность своему отцу. Потому что я достиг невиданных высот в разрушении.

Я протянул руку и до упора выкрутил кран с холодной водой. На миг вода сравнялась по температуре с моим телом, и я почувствовал себя невидимкой. А потом она стала ледяной. Я чертыхнулся и подавил первое побуждение выскочить из ванны.

Кожа немедленно покрылась мурашками, так стремительно, что ее даже защипало, и я запрокинул голову. Вода потекла по шее.

Давай. Превращайся.

Но вода была недостаточно холодной, чтобы вызвать превращение; единственным результатом стала боль в животе и подкатившая к горлу тошнота. Я выключил душ ногой.

Почему я все еще человек?

Я ничего не понимал. Если причиной превращений была наука, а не магия, они должны подчиняться определенной логике. Однако же новоиспеченные волки превращались каждый раз при разной температуре... это противоречило всякой логике. Я не мог увязать в единое целое Виктора, безостановочно превращавшегося из человека в волка и обратно, безмолвно наблюдавшую за мной белую волчицу, надежно заключенную в свою волчью шкуру, и себя самого, слоняющегося по дому в ожидании превращения. Я кое-как обтерся полотенцем для рук, которое висело у раковины, и принялся шарить по шкафам в поисках какой-нибудь одежды. В конце концов я подобрал себе темно-синюю фуфайку с надписью на груди и какие-то джинсы, которые были мне великоваты, но хотя бы не падали. Все время, пока был занят поисками, я не переставал думать, один за другим перебирая возможные варианты.

Может быть, Бек ошибся и превращения на самом деле вызваны не изменением окружающей температуры. Возможно, она служит лишь катализатором. В таком случае механизм превращения может запускать что-то еще.

Мне нужна была бумага. Я не мог думать, если не удавалось записать свои мысли.

Я сходил в кабинет Бека за бумагой, прихватив заодно и его ежедневник, и уселся за столом в гостиной с ручкой в руке. В тепле я немедленно пригрелся и разомлел; мне

вспомнился обеденный стол в родительском доме. Каждое утро я усаживался за него с блокнотом для записи идей — эту мысль мне подкинул отец — и делал домашние задания, писал тексты для песен или просто заметки о чем-то интересном, что видел в новостях. Это было давно, когда я еще верил, что мне суждено изменить мир.

В памяти всплыло лицо Виктора с полузакрытыми глазами — он тогда впервые попробовал какую-то очередную таблетку счастья. Лицо матери, когда я послал их с отцом к черту. Бесчисленные девицы, которые, проснувшись, обнаруживали, что провели ночь с призраком, потому что я к тому времени успевал отбыть, пускай и не во плоти, в очередное путешествие к вершинам кайфа. Прижатая к груди рука Энджи, когда я признался, что изменял ей.

О да, мир я изменил. Еще как!

Я раскрыл ежедневник и принялся пролистывать его, не вчитываясь, лишь бегло проглядывая записи в поисках зацепок. Попадались короткие заметки, которые могли оказаться полезными, но сами по себе были бессмысленными.

«Сегодня я нашел мертвую волчицу. Незнакомую. Пол сказал, что она прекратила превращаться четырнадцать лет назад. Вся морда у нее была в крови. Запах от нее шел просто ужасный». Еще: «Дерек превращался в волка два часа, несмотря на жарищу. Мы с Ульриком весь день ломали над этим голову». Еще: «Почему Сэму выпало так мало лет, намного меньше, чем всем остальным? Он лучший из нас. Почему жизнь так несправедлива?»

Я уткнулся взглядом в руки. Под ногтем большого пальца до сих пор оставалась запекшаяся кровь. Вряд ли она могла пережить превращение, и потом, в таком случае она была бы на шерсти, а не на коже. Значит, кровь попала туда уже после того, как я стал человеком. За те неизвестно сколько минут, когда я уже получил обратно свое человеческое тело, но еще не стал Коулом.

Я положил голову на стол; разгоряченной коже дерево показалось ледяным. С ходу разобраться с логикой превращений не получалось. Но даже если бы мне это удалось — даже если бы я выяснил, что на самом деле заставляет нас превращаться в волков и обратно и что в это время происходит с нашим разумом, — какой в этом смысл? Ну, останусь я волком навсегда. И весь этот труд только ради того, чтобы сохранить жизнь, которую я все равно не запомню? Жизнь, которая не стоит того, чтобы ее сохраняли?

Я по опыту знал, что существуют более простые способы избавиться от сознательных мыслей. И знал один такой способ, который неизменно срабатывал и который у меня до сих пор не хватало духу испробовать.

Как-то раз я заговорил об этом с Энджи. Это было еще до того, как она меня возненавидела. Я бренчал на синтезаторе, вернувшись из своего первого турне, где весь мир, полный возможностей, расстилался у моих ног, как будто я был королем и завоевателем одновременно. Энджи еще не знала о том, что я изменял ей в турне направо и налево. А может, и знала. Я прекратил играть и, не снимая руку с клавиш, сказал ей:

— Я тут думал, не покончить ли мне с собой.

Энджи не подняла даже головы, сидя на старом диванчике, который мы притащили в гараж.

— Да, я догадывалась. Ну и что ты надумал?

— Я вижу в этом одни сплошные плюсы, — отозвался я. — И только один минус.

Она довольно долго молчала, потом произнесла:

— Зачем ты вообще заговорил об этом? Хочешь, чтобы я бросилась тебя переубеждать? Так единственный человек, который может тебя в чем-то убедить или разубедить, это ты сам. Ты же у нас гений, сам знаешь. Так что все это просто рисовка.

— Брехня, — сказал я. — Мне действительно нужен был твой совет. Ладно, проехали.

— И что ты ожидал от меня услышать? «Ты же мой парень, так что давай кончай с собой поскорее. Это же такой простой выход». Да, именно так я бы тебе и сказала.

В памяти у меня всплыл очередной гостиничный номер и очередная девица по имени Рошель — кстати, больше я ее не видел, — которая послушно стянула с меня штаны, потому что я так ей велел. Я закрыл глаза и предался самоуничижительным воспоминаниям.

— Не знаю, Энджи. Не знаю. Ничего я не думал. Я просто высказал то, что было у меня на уме, понимаешь?

Она прикусила кулак и на миг уставилась в пол.

— Ну ладно. Искушение. Это главный минус, который приходит мне в голову. Ты покончишь с собой, и все. Этим ты запомнишься людям. И потом ты попадешь в ад. Ты еще в него веришь?

Мой крестик я потерял где-то в дороге. Цепочка порвалась, и он остался валяться где-нибудь в туалете на заправке или в постели в каком-нибудь гостиничном номере, а может, достался в качестве сувенира кому-нибудь, кому я вовсе не собирался его отдавать.

— Угу, — кивнул я, потому что в ад до сих пор верил. Вот относительно рая у меня имелись некоторые сомнения.

Больше я с ней о самоубийстве не заговаривал. Потому что она была права: единственным, кто способен убедить или разубедить меня совершать его, был я сам.

С каждой минутой мы оказывались все дальше и дальше от Мерси-Фоллз и всего, что имело к нему отношение.

Ехать было решено на машине Сэма, потому что она была дизельная и с меньшим пробегом, но Сэм пустил меня за руль, зная, что я люблю водить. В проигрывателе до сих пор стоял один из моих дисков с Моцартом, но я переключила его на альтернативную рок-радиостанцию, которую предпочитал Сэм. Он захлопал глазами от неожиданности, и я немедленно возгордилась, что начинаю постигать его язык. Может, я продвигалась вперед и не с такой скоростью, как он в понимании меня, но все равно была довольна собой.

День выдался погожий и ясный, в низинах дорогу затягивала полупрозрачная дымка, которая, однако, начала рассеиваться, как только солнце поднялось над кронами деревьев. Из динамиков медовым голосом пел под гитару какой-то парень; его манера пения напомнила мне Сэма. Сэм закинул руку на спинку моего сиденья и легонько пощипывал меня за шею, негромко подпевая словам. Несмотря на небольшую ломоту во всем теле, я не могла отделаться от ощущения, что в мире все идет совершенно правильно.

— Ты уже придумал, что будешь петь? — поинтересовалась я.

Сэм склонил голову к плечу и пальцем принялся лениво водить по моей спине.

— Еще нет. Подарок был слишком неожиданный. А последние несколько дней меня куда больше заботил конфликт с твоими родителями. Да спою что-нибудь. Но могу и налажать.

— Не думаю, что ты налажаешь. А что ты пел в душе?

Когда он ответил, в его голосе не было смущения, это было очень непривычно и трогательно. Я начинала понимать, что музыка была единственной кожей, в которой он чувствовал себя по-настоящему непринужденно.

— Одну новую песню. Да, новую. Ну, пожалуй.

Я выехала на шоссе; в это время дня на дороге было пустынно, и мы могли выбирать любую полосу.

— Она была новорожденная?

— Да, новорожденная. Вернее даже, зародыш. У нее, наверное, даже лапок еще нет. Погоди, я, похоже, перепутал человеческих младенцев с головастиками.

Я напрягла память, пытаюсь сообразить, какая часть тела первой развивается у человеческих младенцев, но так ничего и не вспомнила, поэтому просто поинтересовалась:

— Обо мне?

— Они все о тебе, — отозвался Сэм.

— Я, если что, не в претензии.

— Ты-то да. Ты просто скользишь по жизни, оставаясь сама собой, а вот мне приходится бежать со всех ног, чтобы угнаться за переменами в тебе в творческом смысле. Ты не из тех, кого можно назвать неподвижной мишенью.

Я нахмурилась. А я-то считала себя до омерзения постоянной.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но ты сейчас здесь. — Свободной рукой Сэм указал на

вытертое сиденье. — Ты не смирилась с домашним арестом, а добилась того, чтобы быть со мной. Такому посвящают целые альбомы.

Он даже половины всего не знал. На меня нахлынуло сложное чувство, состоявшее из угрызений совести, жалости к себе, неуверенности и нервозности, тесно переплетенных друг с другом. Я не знала, что хуже: умолчать о том, что я до сих пор под домашним арестом и что со мной творится что-то очень нехорошее, или рассказать ему. В одном я не сомневалась: не рассказать я не смогу. Но мне не хотелось портить ему этот день, его единственный идеальный день рождения. Может, вечером. Или завтра.

Все оказалось сложнее, чем я думала. Я все равно не понимала, где тут материал для альбома, хотя мне приятно было думать, что я на самом деле совершила что-то, настолько поразившее Сэма, который знал меня куда лучше, чем я сама. Поэтому я слегка изменила тему.

— А как ты свой альбом назовешь?

— Ну, сегодня никакого альбома не будет. Будет демозапись.

Я махнула рукой.

— Когда ты запишешь альбом, как он будет называться?

— Одноименный, — отозвался Сэм.

— Терпеть не могу такое.

— «Сломанные игрушки».

Я покачала головой.

— Это больше похоже на название группы.

Он легонько ущипнул меня за шею, так что я ойкнула.

— «Угнаться за Грейс».

— Пожалуйста, только без моего имени, — отрезала я.

— Тебе просто не угодить. «Бумажные воспоминания»?

Я задумалась.

— Почему «Бумажные»? А, журавлики! Странно, что я ничего не знала о куче журавликов в твоей комнате.

— С тех пор как я встретил тебя в своем человеческом обличье, я перестал их делать, — напомнил мне Сэм. — Последнего сложил позапрошлым летом. Все те, что были сделаны после этого, хранятся в лавке или у тебя в комнате. А дома у меня что-то вроде музея.

— Теперь нет.

Я покосилась на него. В утреннем свете он казался по-зимнему бледным. Я перестроилась в другой ряд просто ради того, чтобы перестроиться.

— Верно, — согласился Сэм. Он убрал руку у меня из-за головы и принялся водить пальцами по пластиковой решетке вентиляционного отверстия на приборной панели. Потом спросил, не глядя на меня: — Как ты думаешь, за кем твои родители видят тебя замужем? За кем-то получше, чем я?

— Кому какая разница, что они там видят? — фыркнула я, и тут до меня запоздало дошел смысл сказанного.

Что на это ответить, я не знала. И не понимала, серьезно он об этом спросил или нет. Он ведь не спросил, выйду ли я за него замуж. Это было не одно и то же. Я затруднялась определить, какое чувство у меня это вызвало.

Сэм сглотнул и принялся щелкать ползунком на решетке.

— Я все думаю, как сложилась бы твоя жизнь, если бы мы не встретились. Если бы ты

закончила школу, получила стипендию и уехала в какой-нибудь крутой университет, или куда там берут математических гениев. И там познакомилась бы с каким-нибудь обаятельным и успешным мегамозгом.

Из всех черт характера Сэма, которые ставили меня в тупик, самое большее недоумение вызывали эти внезапные приступы самоуничужения. Впрочем, мне не раз приходилось быть свидетелем тому, как папа выводил маму из приступов хандры, сценарии которых очень походили на те, что я видела у Сэма. Наверное, это были издержки творческой личности.

— Не говори глупостей, — сказала я ему. — Я же не извожу себя мыслями, как бы все сложилось, если бы ты тогда вытащил из сугроба какую-нибудь другую девочку.

— Правда? Это радует. — Он включил печку на полную мощность и прижал запястья к вентиляционным отверстиям. Солнце уже припекало сквозь лобовое стекло, но Сэм был прямо как кот — для него тепла никогда не бывало слишком много. — Трудно свыкнуться с мыслью, что я навсегда останусь человеком. Думаю, мне стоит подыскать себе какую-нибудь другую работу.

— Другую? Не в книжном магазине?

— Я не знаю точно, как организовано финансирование нашего дома. Какие-то деньги лежат в банке, на них капает проценты, а время от времени на счет поступают дополнительные платежи из какого-то фонда. Все счета оплачиваются из этих денег, но никаких подробностей я не знаю. Мне не хотелось бы спустить эти деньги, поэтому...

— А почему бы тебе не поговорить с кем-нибудь в банке? Они наверняка смогут поднять договор и все тебе объяснить.

— Я не хочу ни с кем разговаривать, пока не буду уверен, что Бе...

Сэм умолк. Это была не короткая запинка, а молчание, которое красноречивее точки. Он отвернулся и стал смотреть в окно.

Только через минуту до меня дошло, что он хотел сказать. Бек. Он не хочет ни с кем разговаривать, пока не будет уверен, что Бек никогда больше не превратится обратно в человека. Прижатые к приборной панели кончики пальцев у Сэма побелели, он весь как-то нахохлился.

— Сэм, — позвала я, искоса глядя на него, чтобы не отрывать глаз от дороги. — Что с тобой?

Сэм положил руки на колени, накрыв один кулак другим.

— Зачем ему понадобилось инициировать новых волков, Грейс? — спросил он наконец. — Все сразу стало настолько сложнее. Мы ведь справлялись.

— Он не мог знать про тебя, — сказала я, снова косясь на него. Он медленно водил пальцем по переносице. — Он думал, что...

Теперь я не смогла произнести вслух то, что собиралась: «Это был твой последний год».

— Но Коул... Я не представляю, что с ним делать, — признался Сэм. — У меня такое чувство, что я не понимаю о нем чего-то, что должен понимать. Видела бы ты его глаза, Грейс! Ох, там с одного взгляда ясно, что с ним что-то неладно. Какой-то внутренний надлом. А кроме него их еще двое, да еще Оливия, а я хочу, чтобы ты поехала в колледж, но мне нужно... кто-то должен... не знаю, чего от меня ждут, но это такая ответственность. Я не знаю, чего именно хотел от меня Бек и чего я жду от себя сам. Я просто...

Он не договорил, а я не знала, как его утешить.

В молчании мы проехали несколько долгих минут; лишь из динамиков лился негромкий гитарный перебор да убегали вдаль нескончаемые белые полосы по обочинам. Сэм сидел,

прижав ко рту пальцы, как будто признание в собственной неуверенности оказалось неожиданностью для него самого.

— «Каждое новое утро».

Он посмотрел на меня.

— «Каждое новое утро». Название для твоего альбома.

Он глядел на меня со странным выражением. Наверное, был удивлен, что я попала в яблочко.

— Именно так я себя и чувствую. В точку. Когда-нибудь я привыкну, просыпаясь с утра, быть уверенным, что до конца дня останусь человеком. И так будет завтра, послезавтра и вообще всегда. А пока что я спотыкаюсь на каждом шагу.

Я снова покосилась на него, поймала его взгляд.

— Но через это проходит каждый. Все когда-нибудь осознают, что не вечно будут оставаться детьми и неизбежно вырастут. Просто ты подошел к этому моменту немного позже, чем большинство людей. Ты справишься.

Сэм улыбнулся, печально, но искренне.

— Вы с Бекем просто два сапога пара.

— Наверное, поэтому ты нас обоих и любишь, — отозвалась я.

Сэм молча кивнул, потом произнес задумчиво:

— «Каждое новое утро». Когда-нибудь, Грейс, я напишу для тебя песню и так ее назову.

И весь альбом тоже.

— Это потому, что я очень умная, — сказала я.

— Да, — подтвердил Сэм.

Он отвернулся к окну, а я порадовалась этому обстоятельству: наконец-то я получила возможность незаметно для него вытащить из кармана платок. У меня пошла носом кровь.

Я бежала, на каждом третьем шаге с шумом выдыхая воздух. Шаг — глотнуть холодного воздуха. Шаг — выдохнуть. Шаг — не дышать.

Я не бегала слишком давно, а на такую дистанцию — вообще не помню когда. Бег я любила, потому что он давал возможность подумать, побыть в одиночестве вдали от дома и предков. Но после того, как умер Джек, думать мне не хотелось.

Теперь все начинало меняться.

Поэтому я снова стала бегать, хотя температура на улице была далека от комфортной, а я отвыкла от физических нагрузок. Несмотря даже на новенькие пружинистые кроссовки, икры нещадно болели.

Я бежала к Коулу.

Я не смогла бы добежать от нашего дома до дома Бека, даже когда совершала пробежки регулярно, поэтому оставила машину в трех милях от него, сделала разминку в полупрозрачном тумане и побежала.

За эти три мили у меня было навалом времени, чтобы передумать, однако же дом уже виднелся впереди, а я все бежала. Видок у меня, наверное, был еще тот, но какая разница? Если я явилась только поговорить, не важно, как я выгляжу.

Машины перед домом видно не было; Сэм уже уехал. Не знаю, обрадовало это меня или расстроило. Во всяком случае, это означало, что я с большой вероятностью никого дома не застаю, потому что Коул, возможно, бродил где-то в волчьем обличье.

И снова я не могла понять, обрадовало бы это меня или расстроило.

Когда до дома оставалось несколько сотен футов, я перешла на шаг, держась за бок. К тому времени, когда я добралась до задней двери, дыхание почти восстановилось. Я наудачу подергала за ручку; она подалась, и дверь открылась.

Я переступила через порог и замерла в нерешительности. Я совсем уже было собралась подать голос, когда сообразила, что превратиться в человека мог не только Коул, поэтому так и осталась стоять в темном закутке у двери, глядя на залитую ярким светом кухню. Мне вспомнилось, как я сидела в этом доме, когда умирал Джек.

Легко Грейс говорить, что я ни в чем не виновата. Подобные слова вообще ничего не значат.

От внезапно раздавшегося грохота я вздрогнула. На какое-то время наступила тишина, потом откуда-то снова послышались стук и какая-то возня. Это походило на бессловесный спор. Я долго стояла на месте и не могла решить, не лучше ли мне развернуться и отправиться в обратный путь до машины.

«Ты уже один раз просидела в этом доме, сложа руки», — мрачно напомнила я себе.

Поэтому я двинулась вперед, к двери в кухню. Из коридора я заглянула в гостиную и заколебалась, не понимая, что там происходит. Я увидела... воду. На деревянном полу поблескивали маленькие, неправильной формы лужицы, похожие на островки льда.

Я оглядела комнату. В ней творился полный содом. Торшер со сбитым набекрень абажуром валялся на диване, по полу были разбросаны рамы от картин. С одного из

столиков свисал коврик, который я раньше видела на кухне, а рядом красовался перевернутый стул, словно случайный прохожий, не удержавшийся на ногах от потрясения. Я медленно переступила порог, настороженно прислушиваясь, но дом погрузился в тишину.

Разгром был настолько причудливым, что явно его устроили сознательно: раскрытые книжки валялись в лужицах воды с вырванными страницами; смятые банки консервов раскатились по углам, из цветочного горшка торчала перевернутая вверх дном пустая винная бутылка, со стен полосами была содрана краска.

Снова послышался тот же самый грохот и знакомая возня, и не успела я что-либо предпринять, как из коридора слева показался волк; он нетвердо держался на ногах, и его шатало от стены к стене. Теперь мне стало ясно, каким образом гостиная пришла в такое состояние.

— Черт побе... — начала я и попятилась в направлении кухни.

Волк, впрочем, похоже, не собирался на меня нападать; с его боков ручейками стекала вода. Серовато-бурая мокрая шерсть липла к телу, он казался каким-то маленьким и совсем не страшным, не страшнее собаки. Между нами была пара шагов, когда волк остановился и вскинул на меня дерзкие зеленые глаза.

— Коул, — ахнула я, и сердце мое заколотилось с удвоенной частотой. — Ты псих ненормальный.

Как ни странно, звук моего голоса заставил его отпрянуть. Это напомнило мне — на самом деле он всего лишь волк, и все его инстинкты, должно быть, сейчас кричат о том, что я перегораживаю ему путь к отступлению.

Я попятилась, но не успела даже решить, стоит ли открывать ему дверь, как Коула начала бить дрожь. Когда между ним и мной осталось всего несколько шагов, его уже крутило и корежило по полной программе. Я отошла на несколько шагов, чтобы его не вырвало на мои новенькие кроссовки, и, скрестив руки на груди, принялась наблюдать за его превращением.

Когти Коула оставили на стене еще несколько свежих борозд — я представляла себе, как им «обрадуется» Сэм, — и он завалился на бок. А потом с его телом произошло волшебство. Шкура пошла пузырями и растянулась, волчья пасть широко раскрылась от боли. Он перекатился на спину, тяжело дыша.

Обращенный в человека, он лежал передо мной на полу, точно выброшенный на берег кит, и на руках у него выделялись нежные розовые шрамы — воспоминания о ранах. Потом он открыл глаза и посмотрел на меня.

У меня засосало под ложечкой. Коул вновь обрел свое человеческое лицо, но глаза на этом лице все еще были звериные, обращенные куда-то в глубь собственной волчьей сути. Наконец он заморгал, брови у него изломались, и я поняла, что теперь он видит меня по-настоящему.

— Классный фокус, — произнес он хрипловатым голосом.

— Видала и получше, — холодно отрезала я. — Ты что творишь?

Коул даже не сменил позы, разве что разжал кулаки и распрямил пальцы.

— Научные эксперименты. На себе. В истории тому есть множество славных примеров.

— Ты что, пьян?

— Не исключено, — с ленивой улыбкой обронил Коул. — Я еще не понял, каким образом превращение влияет на уровень алкоголя в крови. Впрочем, чувствую я себя вполне сносно. А ты что здесь делаешь?

Я сжала губы.

— А меня здесь и нет. То есть я как раз уходила.

Коул протянул ко мне руку.

— Не уходи.

— По-моему, тебе тут и без меня не скучно.

— Помоги мне разобраться, — сказал он. — Помоги мне выяснить, как остаться волком.

В своих воспоминаниях я вновь сидела в ногах постели, на которой лежал мой брат — брат, который поставил на карту все, лишь бы остаться человеком. Я видела, как утрачивают чувствительность пальцы у него на руках и ногах, как он всхлипывает от боли в раскаляющейся голове. У меня сейчас не нашлось бы слов, чтобы выразить все свое отвращение к Коулу.

— Разбирайся сам, — отрезала я.

— Не могу, — ответил Коул, лежа на спине и глядя на меня с пола. — У меня получается только вызвать у себя превращение, но удержаться в волчьем обличье не удается. Холод служит толчком к превращению, но так же действует и адреналин, если я все правильно понял. Я пытался сидеть в ванне со льдом, но она не действовала, пока я не полоснул себя ножом, для адреналина. Но эффект не держится. Я все время превращаюсь обратно в человека.

— Какое горе, — отозвалась я. — Сэм будет в ярости, когда увидит, во что ты превратил его дом.

Я развернулась в сторону выхода.

— Пожалуйста, Изабел. — Голос Коула устремился мне вслед, хотя тело осталось лежать на месте. — Если не смогу остаться волком, я покончу с собой.

Я остановилась. Только не оборачиваться!

— Я не пытаюсь давить на жалость. Просто это так и есть. — Он поколебался. — Я должен каким-то образом спрыгнуть с этой карусели, а выхода всего лишь два. Я просто не могу... мне необходимо в этом разобраться, Изабел. Ты знаешь о волках больше моего. Пожалуйста, помоги.

Я обернулась. Он все так же лежал на полу, прижав одну руку к груди и протягивая ко мне другую.

— Ты сейчас только что попросил меня помочь тебе покончить с собой. Не надо делать вид, будто это что-то иное. Что, по-твоему, значит навсегда превратиться в волка?

Коул закрыл глаза.

— Ну, тогда помоги мне сделать это.

Я рассмеялась. Я отдавала себе отчет, как жестоко прозвучал этот смех, но не стала смягчать впечатление.

— Я расскажу тебе одну вещь, Коул. Я сидела в этом доме, в этом самом доме, — он открыл глаза, и я ткнула в пол, — в той комнате, и смотрела, как умирает мой брат. Просто сидела сложа руки. Знаешь, как он умер? Его укусили, и он пытался не превратиться в оборотня. Я заразила его бактериальным менингитом, от которого у него поднялась страшная температура, мозг практически поджарился, отнялись пальцы на руках и ногах, и в конце концов он умер. Я не отвезла его в больницу, потому что знала, что он лучше умрет, чем будет жить оборотнем. И в конечном итоге так оно и случилось.

Коул смотрел на меня. Это был тот же самый мертвый взгляд, который я уже видела у

него. Я ожидала хоть какой-то реакции, но так и не дождалась. Глаза у него были тусклые. Пустые.

— Я говорю тебе все это только для того, чтобы ты знал: после этого мне миллион раз хотелось покончить со всем этим. Я думала про выпивку и наркотики — в конце концов, помогает же это моей мамаше, — думала взять какое-нибудь из восьми миллионов папашиных ружей и разнести себе башку к чертовой матери. Но знаешь, что самое грустное? Все это даже не потому, что мне не хватает Джека. Ну, то есть его мне действительно не хватает, но дело не в этом. Дело в том, что я постоянно чувствую себя виноватой в том, что убила его. Ведь это я его убила. Бывают дни, когда я просто не в состоянии жить с этими мыслями. Но ведь живу же. Потому что это жизнь, Коул. Жизнь — это боль. Нужно просто терпеть, сколько можешь.

— А я не хочу, — просто сказал Коул.

Такое впечатление, что он всегда пускал в ход честность, когда я меньше всего этого ожидала. Я отдавала себе отчет, что тем самым он заставляет меня сочувствовать себе, даже когда мне этого совсем не хотелось, но сопротивляться я могла не больше, чем желанию поцеловать его в тот раз. Я снова скрестила руки на груди; мне казалось, что он пытается вытянуть у меня какое-то признание. А я не знала, есть ли мне еще в чем признаваться.

КОУЛ

Я лежал на полу, совершенно раздавленный, и был абсолютно уверен, что сегодня тот самый день, когда я наконец найду в себе мужество покончить со всем этим.

А потом эта уверенность куда-то делась — глядя на лицо Изабел, когда она рассказывала о своем брате, я понял, что напряжение отступило. Я был словно воздушный шар, который все раздувался и раздувался перед тем, как лопнуть, а потом появилась она и умудрилась лопнуть первой. А воздух при этом почему-то вышел из нас обоих.

Выходило, что у каждого в этом доме была причина сбежать, но я один пытался это сделать. До чего же я устал.

— Я и не догадывался, что ты тоже человек, — сказал я. — С настоящими эмоциями.

— К несчастью.

Я принялся разглядывать потолок. Куда двигаться дальше, было не очень понятно.

— А знаешь, чего я больше не хочу? — первой нарушила молчание она. — Смотреть, как ты валяешься тут голышом. — Я скосил на нее глаза, и она добавила: — Такое впечатление, что ты вообще не носишь одежду. Каждый раз, когда я тебя вижу, ты голый. Ты точно уверен, что не собираешься в ближайшее время превращаться в волка?

Я кивнул; движение отдалось гулом в голове.

— Это хорошо; значит, мне не придется краснеть за тебя, когда мы окажемся на людях. Найди себе какую-нибудь одежду; поехали пить кофе.

Я одарил ее взглядом, в котором явственно читалось: «О да, это мне поможет». Она улыбнулась своей жестокой улыбкой.

— Если после кофе ты не передумаешь кончать с собой, у тебя для этого будет в полном распоряжении весь вечер.

— М-да, — протянул я, поднимаясь на ноги.

Перспектива встать и оглядеть гостиную и коридор, которые я разгромил, застала меня

врасплох. Не думал, что когда-нибудь доведется сделать это еще раз. Спина разламывалась от многочисленных превращений за столь короткое время.

— Надеюсь, кофе там приличный.

— Не слишком, — призналась Изабел. Теперь, когда я поднялся, на лице у нее отразилось непонятное чувство. Облегчение? — Впрочем, он лучше, чем можно ожидать от такой дыры. Надень что-нибудь удобное. Нам еще до моей машины три мили пилить.

Снаружи студия не производила особого впечатления. Она представляла собой обшарпанное приземистое одноэтажное строение с припаркованным перед ним таким же обшарпанным голубым микроавтобусом. На дорожке перед домом неподвижно лежал лабрадор, поэтому Грейс остановилась на улице. Потом оценила крутой уклон и поставила машину на парковочный тормоз.

— Там что, дохлая собака? — спросила она. — Может, мы не туда заехали?

Я кивнул на бампер микроавтобуса, обклеенный стикерами модных дулутских рок-групп. Я их не слышал — они были слишком мелкими, чтобы пробиться на радио, — но названия частенько попадались на афишах местных клубов и успели примелькаться.

— Да нет, туда.

— Если нас похитят какие-нибудь чокнутые хиппи, виноват будешь ты, — предупредила она, открывая дверцу.

В машину хлынул холодный утренний воздух, наполненный городским духом: выхлопным газом, асфальтом и трудноопределимым запахом множества людей, живущих в множестве домов.

— Ты сама выбрала студию.

Грейс фыркнула и выбралась из машины. На миг мне показалось, что она вот-вот упадет, но она поспешно вернула себе равновесие, явно не желая, чтобы я это видел.

— Ты в порядке? — спросил я.

— В самом что ни на есть полном, — заверила меня она, открывая багажник.

Я потянулся за чехлом с гитарой, и тут от страха у меня засосало под ложечкой. Собственно, удивительным было не это, а то, что это произошло только сейчас. Я сжал упакованный в чехол гитарный гриф и понадеялся, что не позабуду от волнения все ноты.

Мы двинулись к входной двери. Собака даже ухом не повела.

— По-моему, она все-таки дохлая, — сказала Грейс.

— По-моему, она тут для того, чтобы прятать под ней ключи, — отозвался я.

Грейс сунула пальцы в карман моих джинсов. Я уже занес руку постучать в дверь, когда увидел крохотную деревянную табличку, на которой маркером было написано: «Вход в студию с обратной стороны дома».

Мы обогнули здание и очутились перед щербатой бетонной лестницей. Чересчур широкие ступени вели вниз, в подвал; рядом с дверью красовалось написанное от руки объявление «Вход в студию звукозаписи „Анархия рекордингс, инк“». Под ним стоял вазон с чахлыми анютиными глазками, прихваченными морозом. Их слишком рано выставили на улицу.

Я оглянулся на Грейс.

— «Анархия инкорпорейтед». Надо же, как забавно.

Грейс метнула на меня испепеляющий взгляд и забарабанила в дверь. Я обтер внезапно взмокшие ладони о джинсы.

Дверь распахнулась, и на пороге появился еще один лабрадор, на этот раз вполне живой,

и девушка лет двадцати с небольшим с красной банданой на голове. Внешность у нее была настолько необычной и непривлекательной, что уходила куда-то за грань уродства, где оно превращалось практически в красоту: огромный хищный нос, сонные темно-карие глаза и выдающиеся скулы. Черные волосы были заплетены в полдюжины перевитых между собой косиц, уложенных на макушке кольцом на манер этакой средиземноморской принцессы Леи.

— Вы Сэм и Грейс? Проходите.

Голос у нее был потрясающий, сложный — голос курильщицы, хотя пахло внутри кофе, а не сигаретами. Грейс, мгновенно воодушевившись, переступила через порог и двинулась на этот запах, точно крысы за дудочкой Крысолова.

Едва за нами закрылась дверь, мы словно перенеслись из подвала убогого домишки в оборудованную по последнему слову техники спасательную капсулу из другой вселенной. Перед нами находилась стена из микшерных пультов и компьютерных мониторов; темные панели звукоизоляции не пропускали сюда никаких звуков из внешнего мира; приглушенный свет падал на многочисленные клавиатуры и роскошный низкий черный диван. Одна стена была стеклянная; за ней располагалась темная звукоизолированная комнатка с пианино и набором разномастных микрофонов.

— Я Дмитра, — представилась девушка, протягивая руку для рукопожатия. Она невозмутимо взглянула на меня, и я немедленно перевел взгляд с ее носа на глаза; таким образом мы с ней заключили негласное соглашение: она не пялится на мои желтые глаза, а я — на ее нос. — Ты Сэм или Грейс?

Я улыбнулся этому безыскусному выпадку и пожал протянутую руку.

— Сэм Рот. Рад познакомиться.

Дмитра обменялась рукопожатиями с Грейс, которая возилась с лабрадором, и осведомилась:

— Ну, ребятки, что мы сегодня будем делать?

Грейс посмотрела на меня.

— Демозапись, наверное, — произнес я.

— «Наверное»? И какой будет аккомпанемент?

Я тряхнул гитарой в чехле.

— Ясно, — кивнула она. — Ты уже это делал?

— Не-а.

— Ясно, девственник. Что ж, ты попал по адресу, — сообщила Дмитра.

Чем-то она напоминала Бека. Она улыбалась и шутила, но я видел, что она наблюдает за нами с Грейс, обдумывает впечатления и делает выводы. Бек вел себя точно так же: изображал полную доверительность, хотя на деле прикидывал, стоит тратить на вас свое время или нет.

— Тогда вам туда, — продолжала она. — Хотите кофейку для затравки?

Грейс отправилась напрямиком на кухню, которую указала ей Дмитра. Когда она скрылась, та спросила:

— И что ты слушаешь?

Я пристроил чехол на диване и вытащил гитару.

— Да много кого из альтернативщиков, — сказал я, пытаясь не показаться слишком претенциозным. — «Шинз», Элиота Смита, Хосе Гонзалеса. Дэмиена Райса. «Гаттер твинз». Все в таком духе.

— Элиота Смита, — протянула Дмитра, как будто больше никаких имен я не произнес. — Ясно.

Пока Дмитра возилась с компьютером, то ли изображая бурную деятельность, то ли и в самом деле что-то настраивая, вернулась Грейс с уродливой чашкой с оленем на боку. В конце концов меня отправили в соседнюю комнатку за стеклянной перегородкой. Дмитра установила два микрофона — один для моего голоса, другой для гитары — и протянула мне наушники.

— Это чтобы мы могли переговариваться, — пояснила она и вернулась в первую комнату.

Грейс осталась, лениво почесывая лабрадора за ухом.

Собственные пальцы казались мне грязными и слишком неуклюжими для той задачи, которую им предстояло решить; от наушников пахло всеми многочисленными головами, на которых они успели побывать. Притулившись на своем стуле, как на насесте, я жалобно поглядел на Грейс; в приглушенном свете она показалась мне прекрасной и изможденной, как угловатые модели с журнальных обложек. Я вспомнил, что утром не спросил у нее, как она себя чувствует. Может, она еще нездорова? Мне припомнилось, как она потеряла равновесие, выходя из машины, и попыталась скрыть это от меня. Я сглотнул, чтобы прочистить мгновенно пересохшее горло, и спросил совершенно не об этом:

— Может, заведем собаку?

— Давай, — великодушно согласилась Грейс. — Только я по утрам не буду с ней гулять. Меня с утра из пушки не разбудишь.

— Зато я никогда не сплю, — сказал я. — Я сам буду гулять.

В наушниках прорезался голос Дмитры, и я вздрогнул от неожиданности.

— Не мог бы ты немного поиграть и напеть что-нибудь, чтобы я настроила аппаратуру?

Грейс наклонилась и чмокнула меня в макушку, очень осторожно, чтобы не облить кофе.

— Удачи!

Мне хотелось, чтобы она осталась и напоминала мне, зачем я здесь, но в то же самое время петь песни о том, как мне ее не хватает, глядя при этом прямо на нее, было бы как-то странно, поэтому я отпустил ее.

ГРЕЙС

Я устроилась на диване и стала делать вид, будто Дмитра не пугает меня. Сама она никаких разговоров со мной не затевала, колдовала над аппаратурой молча, а я боялась ей помешать, поэтому просто сидела и смотрела, как она работает.

По правде сказать, я рада была этому перерыву в разговоре, возможности посидеть молча. В голове снова начинало стучать, по телу разливался странный жар. От разговоров у меня заныли зубы; в носоглотке теплым ватным комом засела боль. Я промокнула нос платком, но он остался сухим.

«Не расклеивайся хотя бы сегодня, — приказала я себе. — Сегодня ты не главная».

Мне не хотелось портить Сэму такой день. Поэтому я не вставала с дивана, старательно не обращая внимания на собственное тело, и слушала.

Сэм сидел к нам спиной и, ссутулившись, настраивал гитару.

— Напой мне что-нибудь, — попросила Дмитра, и Сэм, услышав в наушниках ее голос, обернулся.

Его пальцы принялись проворно перебирать гитарные струны, полилась какая-то мелодия, которую я никогда не слышала, а потом он запел. На самой первой ноте голос у него дрогнул — сказывалось волнение, — а потом зазвучал как обычно, хрипловатый и серьезный. Он пел свою берущую за душу песню о потере и прощании. Сначала я думала, что она о Беке или даже обо мне, но потом поняла, что она о Сэме.

Есть тысяча способов сказать «прощай».

Есть тысяча способов дать волю слезам.

Есть тысяча способов повесить шляпу на крюк,
перед тем как выйти за дверь.

И вот говорю я: «Прощай, прощай».

Я кричу во весь голос это «прощай».

Потому что, когда обрету голос вновь,
могу позабыть все слова.

Сейчас, когда эти слова звучали не из уст Сэма, а из динамиков, они показались мне совершенно незнакомыми, как будто я никогда прежде их не слышала. Меня почему-то охватило неудержимое желание улыбаться. Глупо гордиться тем, к чему не имеешь абсолютно никакого отношения, но не гордиться я не могла. Дмитра за пультом замерла, забыв руку на бегунках. Какое-то время она слушала, склонив голову набок, а потом сказала, не оборачиваясь ко мне:

— Пожалуй, у нас сегодня может получиться что-то приличное.

Я продолжала улыбаться, потому что знала это с самого начала.

В три часа дня, кроме нас с Коулом, в «Кенниз» никого не было. В воздухе до сих пор стоял запах жирного утреннего меню: дешевого бекона, непропеченных картофельных оладий и еле уловимый запах табака, несмотря на то что зала для курящих в этом заведении не было.

Коул сидел напротив меня, сторбившись и вытянув свои длинные ноги, так что я то и дело задевала его под столом. В этой захолустной забегаловке он выглядел так же чужеродно, как и я. Этого парня как будто собрал какой-то роскошный дизайнер, знающий толк в своем деле, — его запоминающееся лицо было мужественным и решительным, с четкими и резкими чертами. Кабинка, в которой мы сидели, по сравнению с ним казалась невзрачной и выцветшей, почти до комизма старомодной и захолустной, как будто кто-то посадил его здесь нарочно, чтобы сделать насмешливый снимок. Меня прямо-таки завораживали его руки — грубые, сплошь из острых углов, с набухшими венами. Поражала ловкость, с которой двигались его пальцы, когда он проделывал самые прозаические действия, например клал в кофе сахар.

— Ты музыкант? — спросила я.

Коул посмотрел на меня исподлобья; что-то в моем вопросе насторожило его, однако он не собирался выкладывать мне всю свою подноготную.

— Угу, — коротко отозвался он.

— Какого плана?

На лице у него возникло такое выражение, какое всегда бывает у настоящих музыкантов, когда их спрашивают, на чем они играют.

— Так, всего помаленьку, — сказал он небрежно. — Клавишник, пожалуй.

— У нас дома есть пианино, — сообщила я.

Коул взглянул на свои руки.

— Вообще-то я бросил это дело.

Он снова умолк, и это молчание, тяжелое, расплывающееся, отравленное, повисло над столом между нами.

Я состроила гримаску, но он ее не увидел, поскольку не удосужился поднять на меня глаза. Пустой треп — не самая сильная моя сторона. Я подумывала позвонить Грейс и спросить у нее, о чем можно поговорить с неразговорчивым оборотнем с суицидальными наклонностями, но где-то оставила телефон. В машине, наверное.

— Что ты там разглядываешь? — осведомилась я в конце концов, не ожидая получить ответ.

К моему удивлению, Коул вытянул руку, растопырил пальцы и уставился на них со смесью изумления и отвращения. Голос у него был соответствующий.

— Сегодня утром, когда я снова превратился в себя, передо мной лежала мертвая олениха. Вернее, не совсем мертвая. Она смотрела на меня... — вот теперь он взглянул мне прямо в глаза, чтобы увидеть мою реакцию, — но не могла встать, потому что перед тем, как превратиться обратно в человека, я разодрал ей бок. И похоже... ну, в общем, похоже, я ел ее

заживо. И похоже, после того, как уже превратился обратно, тоже, потому что мои руки... они были в ее кишках.

Он перевел взгляд на свой большой палец, и я заметила, что под ногтем темнеет узкая бурая полоска. Палец у него дрожал, совсем немного, я еле заметила.

— Она не смывается, — сказал он.

Я положила руку на стол, ладонью вверх, но он не понял, чего я от него хочу, и тогда я протянула руку еще дальше и обхватила его пальцы своими. Другой рукой я вытащила из сумочки маникюрные щипчики и острым концом извлекла бурый комочек из-под ногтя.

Я сдула его со стола, убрала щипчики обратно в сумку и отпустила его руку.

Он оставил ее лежать на столе между нами, ладонью вниз, растопыбив пальцы и прижав к столешнице, как будто она была животным, готовым обратиться в бегство.

— Я считаю, что ты не виновата в смерти брата, — сказал Коул.

Я закатила глаза.

— Ну спасибо, Грейс.

— Кто?!

— Грейс. Подружка Сэма. Она тоже так говорит. Только ее там не было. И вообще, парень, которого она пыталась спасти таким образом, выжил. Она может позволить себе быть великодушной. Зачем мы вообще затеяли этот разговор?

— Затем, что ты заставила меня пройти три мили пешком ради чашки приличного кофе. Расскажи, почему именно менингит?

— Потому что менингит дает высокую температуру. — Его непроницаемый вид сказал мне, что я начала не с того конца. — Грейс укусили в детстве. Но она так и не стала оборотнем, потому что ее придурочный папаша забыл ее на жаре в запертой машине, так что она едва не поджарилась. Мы решили, что, возможно, удастся воспроизвести этот эффект при помощи высокой температуры, и не смогли придумать для этого ничего более подходящего, чем менингит.

— После которого выживает тридцать пять процентов, — сказал Коул.

— От десяти до тридцати, — поправила я. — И потом, я же сказала — Сэм ведь исцелился. А Джек умер.

— Джек — это твой брат?

— Да. Был.

— И это ты сделала ему укол?

— Нет, укол делала Грейс. Но зараженную кровь раздобыла я.

— Ну, тогда я вообще не понимаю, при чем тут ты.

Я вскинула бровь.

— Я не...

— Чш-ш! — оборвал он меня и, обхватив свою кружку, уставился на солонку с перечницей. — Я думаю. Значит, Сэм теперь вообще не превращается?

— Вообще. От лихорадки волк в нем спекся, ну или что-то в этом роде.

Коул покачал головой, не глядя на меня.

— Что-то тут не сходится. Это не должно было сработать. По этой логике, если от холода дрожишь, а от жары потеешь, то, чтобы до конца жизни перестать дрожать, нужно на пару минут забраться в доменную печь.

— Ну, не знаю. Все считали, что Сэм доживает в человеческом обличье последний год, так что сейчас он уже должен был быть волком. Лихорадка подействовала.

Он нахмурился.

— Я не стал бы утверждать, что это была лихорадка. Я сказал бы, что это как-то связано с менингитом. А то, что Грейс так и не стала оборотнем, как-то связано с тем, что ее забыли тогда в машине. Это, вероятно, так. Но утверждать, что причиной всему лихорадка? Это недоказуемо.

— Слушаю тебя внимательно, мистер Большой Ученый.

— Мой отец...

— Одержимый ученый, — вставила я.

— Да, одержимый ученый. Так вот, на своих лекциях он любил рассказывать один анекдот, про лягушку. По-моему, это была лягушка, но, может, это был кузнечик. Пусть будет лягушка. У одного ученого была лягушка. Он ей и говорит: «Лягушка, прыгай». Лягушка прыгает на десять футов. Ученый записывает: «Лягушка прыгает на десять футов». Потом он отрубает лягушке одну лапку и говорит: «Лягушка, прыгай». Лягушка прыгает на пять футов. Ученый записывает: «Лягушка без одной лапки прыгает на пять футов». Потом он отрубает лягушке вторую лапку и говорит: «Лягушка, прыгай». Лягушка прыгает на два фута, и ученый записывает: «Лягушка без двух лапок прыгает на два фута». Потом он отрубает лягушке еще две лапы и приказывает: «Лягушка, прыгай». Лягушка остается лежать на месте. Тогда ученый записывает вывод: «Если лягушке отрубить все лапы, она оглохнет». — Коул взглянул на меня. — Понимаешь?

— Я же не полная идиотка, — возмутилась я. — Ты считаешь, что мы пришли к неверному выводу. Но все получилось! Какая разница?

— Для Сэма, думаю, никакой, если у него и так все получилось, — отозвался Коул. — Просто я считаю, что Бек был не прав. Он сказал мне, что от холода мы превращаемся в волков, а от жары — в людей. Но если бы это было так, новые волки вроде меня не были бы нестабильны. Нельзя задать правила, а потом сказать, что они не работают, потому что твое тело пока еще незнакомо с ними. В науке так не бывает.

Я немного поразмыслила.

— Значит, ты считаешь, что это пример лягушачьей логики?

— Не знаю, — отозвался Коул. — Я как раз думал об этом, когда ты пришла. Пытался проверить, нельзя ли спровоцировать превращение каким-нибудь другим способом помимо холода.

— Адреналином. И глупостью.

— Верно. Именно так я и думаю, но могу и ошибаться. Я считаю, что на самом деле превращение вызывает не сам холод, а то, каким образом мозг на него реагирует. Это совершенно разные вещи. В первом случае это настоящая температура, а во втором — та температура, какой ее воспринимает наш мозг. — Пальцы Коула потянулись к салфетке, но замерли на полпути. — Мне обычно лучше думается, когда есть бумага.

— Ну, с бумагой помочь не могу, зато...

Я вытащила из сумочки ручку и протянула ему.

Его лицо сейчас ничем не напоминало то, каким оно было, когда я впервые наткнулась на него. Он склонился над салфеткой и набросал небольшую схему.

— Смотри... от холода температура тела понижается, и в гипоталамус поступает сигнал вернуть температуру на прежний уровень. Поэтому человек дрожит от холода. Гипоталамус умеет делать еще всякие забавные штуки — к примеру, определяет, жаворонок человек или сова, дает телу приказ вырабатывать адреналин, определяет уровень жира в организме и...

— Ничего он не умеет, — перебила его я. — Ты все выдумываешь.

— Не выдумываю, — с серьезным выражением ответил Коул. — В нашем доме на подобные темы беседовали за обедом.

Он добавил к схеме на салфетке еще один квадратик и вписал в него «Превращение в волка»; под нажимом стержня тонкая бумага слегка порвалась.

Я развернула салфетку, чтобы его каракули — угловатые кривобокие буквы, громоздящиеся друг на друга, — оказались ко мне правильной стороной.

— Ну и как в твою схему вписывается менингит?

Коул покачал головой.

— Не знаю. Зато она, возможно, объясняет, почему я сейчас человек.

Не переворачивая салфетки, он большими буквами нацарапал поперек квадратика-гипоталамуса: «АМФ».

Я уставилась на него.

Он не отвел взгляд. В дневном свете глаза у него казались очень-очень зелеными.

— Слышала когда-нибудь утверждение, что наркотики разрушают мозг? Так вот, думаю, так оно и есть.

Я продолжала буравить его взглядом; он явно ждал, что я как-нибудь прокомментирую его бурное прошлое.

Вместо этого я попросила:

— Расскажи про своего отца.

КОУЛ

Не знаю, зачем я стал рассказывать ей об отце. Она определенно была не самой сочувствующей слушательницей. Впрочем, может быть, именно поэтому и стал.

Хотя начало этой истории я опустил, а начиналась она так: давным-давно, еще до того, как в Мерси-Фоллз в багажнике «тахо» привезли нового волка, до клуба «Джозефина», до «Наркотики», жил-был мальчик по имени Коул Сен-Клер, и мог он все, что угодно. И это бремя оказалось настолько невыносимым, что он уничтожил сам себя, пока это не успел сделать кто-то другой.

Вместо этого я сказал:

— Давным-давно я был сыном одержимого ученого. Человека-легенды. Сначала он был чудо-ребенком, потом юным гением, а потом стал полубогом от науки. Он был генетиком. Делал человеческих младенцев красивее.

Изабел не обронила: «Неплохо». Она лишь молча хмурилась.

— И все шло хорошо, — продолжил я.

Так оно и было. Я вспомнил фотографии, на которых сидел у него на плечах, в то время как вокруг его лодыжек бушевал океанский прибой. Вспомнил, как мы играли в слова, когда ехали куда-нибудь в машине. Вспомнил шахматные партии и горы пешек, высившиеся рядом с доской.

— Он редко бывал дома, но меня это не расстраивало. Когда он появлялся, все было прекрасно, и у нас с братом было замечательное детство. Да, все было здорово, пока мы не начали взрослеть.

Не помню, когда мама впервые произнесла это вслух, но совершенно уверен, что

именно в этот миг все дало трещину.

— Давай, не томи уж, — саркастическим тоном подстегнула меня Изабел. — Что он сделал?

— Не он. Я. Что сделал я.

И что же я сделал? Наверное, отпустил толковый комментарий по поводу какой-нибудь заметки в газете, или в школе перескочил вперед через класс, или решил какую-нибудь головоломку, которая должна была оказаться мне не по зубам. В один далеко не прекрасный день мама впервые произнесла с полуулыбкой на своем длинном некрасивом лице, на котором лежал отпечаток вечной усталости — наверное, от того, что она слишком долго была замужем за гением: «Угадайте, в кого он пошел».

Это было началом конца.

Я пожал плечами.

— В школе я обогнал своего брата. Папа хотел, чтобы я ходил с ним в лабораторию. Чтобы я начал заниматься по программе колледжа. Он хотел вылепить из меня второго себя. — Я помолчал, вспоминая, как раз за разом разочаровывал его. Молчание всегда, всегда было хуже, чем крик. — Но я так им и не стал. Он был гением. А я — нет.

— Тоже мне трагедия.

— Для меня это и не было трагедией. А для него — стало. Он желал знать, почему я даже не попытался. Почему выбрал для себя другой путь.

— И что же это был за путь? — поинтересовалась Изабел.

Я молча посмотрел на нее.

— Не надо так на меня смотреть. Я вовсе не пытаюсь вынюхать, кто ты. Мне на это плевать. Я просто хочу понять, почему ты стал таким.

Столик неожиданно пошатнулся, я вскинул глаза и увидел перед собой три прыщавые девчачьи физиономии. У всех трех были одинаковые глазки-щелочки, прижмуренные в одинаково восторженном выражении. Физиономии были незнакомые, но выражение я узнал и с упавшим сердцем понял, что сейчас услышу.

Изабел нахмурилась.

— Если вы собираетесь втюхивать нам герлскаутское печенье, можете уходить сразу. И вообще, можете просто сразу уходить.

Предводительница этой малолетней компании — в ушах у нее болтались серьги-кольца, Виктор называл их бубликами — сунула мне под нос розовый блокнот.

— С ума сойти! Я знала, что ты не умер. Знала! Можно мне автограф? Пожалуйста!

Две другие негромким хором повторяли:

— Обалдеть!

Наверное, мне следовало бы испытывать страх от того, что меня узнали. Однако все, о чем я мог думать, это то, что я в клочья рвал душу в гостиничных номерах, сочиняя свои брутальные, полные скрытого смысла песни для этих вот визжащих от восторга соплюх в футболках с физиономиями героев модного молодежного сериальчика. «Наркотика» для детсадовцев.

Я вытаращился на них и переспросил:

— Прошу прощения?

Они слегка погрустнели, но девица с сережками так и не убрала блокнот.

— Пожалуйста, — повторила она. — Можно попросить у тебя автограф? После этого мы не будем больше тебе докучать, честное слово. Когда я впервые услышала «Разбей мне

лицо», я чуть не умерла. Она стоит у меня вместо звонка на мобильнике. Я ее просто обожаю. Это лучшая песня всех времен. Когда ты пропал, я так плакала. Я целыми днями ничего не ела. Я подписалась под петицией тех, кто верит, что ты жив. Господи боже мой, я просто глазам своим не верю. Ты жив.

Одна из ее подружек и в самом деле разрыдалась, до глубины души потрясенная моим счастливым воскрешением из мертвых.

— А-а, — протянул я и как ни в чем не бывало продолжил: — Вы приняли меня за... Да, меня часто путают. Но я не он.

Я остро ощущал на себе взгляд Изабел.

— Что? — Теперь у девицы с сережками тоже вытянулось лицо. — Но ты так похож на него. Клево.

Она залилась такой яркой краской, что ей, наверное, было больно.

— Спасибо.

«Пожалуйста, уходите».

— Ты правда не он? — не желала сдаваться девица.

— Правда. Не представляете, сколько раз я уже это слышал с тех пор, как обо всем рассказали в новостях.

Я с сожалением пожал плечами.

— Можно я хотя бы сфоткаю тебя на телефон? — спросила она. — Чтобы можно было рассказать подругам?

— Не думаю, что это хорошая идея, — забеспокоился я.

— Это значит «брысь отсюда»! — подхватила Изабел. — Живо!

Вся троица одарила ее недовольными взглядами и попятилась.

— До чего же похож! — задумчиво протянула одна из девиц.

— Я думаю, это все-таки он, — заявила та, что была в сережках. — Просто он не хочет, чтобы его трогали. Он сбежал, чтобы скрыться от таблоидов.

Изабел подала меня взглядом, дожидаясь ответа.

— Обознались, — сказал я.

Девицы вернулись на свои места. Та, что была в сережках, высунулась из кабинки и крикнула:

— Я все равно люблю тебя, Коул!

Две ее подружки завизжали.

— Коул?! — переспросила Изабел.

Коул. Я вернулся к тому, с чего начинал. Коул Сен-Клер.

Когда мы уходили, девицы все-таки умудрились заснять меня на свои мобильные телефоны.

На-ча-ло кон-ца.

Так, как в первые два часа в студии, я не выкладывался еще никогда в жизни. Когда Дмитра поняла, что я не очередной фанат Элиота Смита, она принялась гонять меня в хвост и в гриву. Мы повторяли одни и те же слова раз, другой, третий, то пробуя другую аранжировку, то дозаписывая гитарный бой, чтобы наложить его поверх перебора, то добавляя перкуссионные эффекты. В некоторых местах я записывал собственный голос еще раз, а кое-где и не единожды, так что в конце концов получил многоголосый хор Сэмов, перпевающих один другого.

Это было великолепно, нереально, изматывающе. Начинал сказываться недосып прошлой ночи.

— Не хочешь передохнуть? — предложила Дмитра через несколько часов. — Я пока займусь сведением того, что мы уже записали, а ты разомнись, сходи в туалет, попей кофейку. Ты начинаешь фальшивить, да и твоя подружка, похоже, уже успела соскучиться.

В наушниках послышался возмущенный голос Грейс:

— Я спокойно сижу на диване!

Я ухмыльнулся, стащил с головы наушники и, оставив их вместе с гитарой, вышел в главную комнату. Грейс полулежала на диване с усталым видом; пес пристроился у ее ног. Я остановился перед ней; Дмитра принялась показывать мне, как выглядит мой голос на экране компьютера. Грейс обняла меня за пояс и прижалась щекой к бедру.

— Твои песни — это что-то.

Дмитра щелкнула тумблером, и из динамиков полился мой голос, сжатый, гармонизированный и приукрашенный. Это был... не я. Вернее, я, но как будто меня передавали по радио. Или я слушал чужими ушами. Я спрятал ладони под мышками и стал слушать. Если настолько просто из любого человека сделать приличного певца, почему в студию до сих пор не стоит очередь?

— Это поразительно, — сказал я Дмитре. — Не знаю, что ты сделала, но это поразительно.

Дмитра даже не обернулась, продолжая щелкать кнопками и передвигать бегунки на пульте.

— Это целиком и полностью твоя заслуга, малыш. Я пока ничего особенного не сделала.

Я ей не поверил.

— Ну да, как же. Где тут у вас уборная?

Грейс кивнула в сторону коридора.

— За кухней налево.

Я потрепал Грейс по голове и подергал за ухо; она отпустила меня, и я двинулся по лабиринту переходов мимо кухоньки. Тут, в коридоре, стены которого были увешаны обложками альбомов, уже пахло сигаретным дымом. На обратном пути из уборной я задержался, чтобы разглядеть обложки в рамках и автографы. Кэрин свято верила, что книги могут рассказать все о человеке, который их читает, но я-то знал, что музыка способна

рассказать еще больше. Если верить этой стене, вкусы Дмитры тяготели к электронной и танцевальной музыке. Она собрала впечатляющую коллекцию, я не мог ею не восхищаться, пусть даже сам и не был фанатом подобного стиля. Я уже предвкушал, как буду шутить с ней на тему обилия в ее коллекции обложек альбомов шведских групп, когда вернусь в студию.

Иной раз глаза замечают то, чего не видит мозг. Берешь в руки газету, и в голове откуда-то возникает фраза, которую ты еще не успел сознательно прочитать. Входишь в комнату и понимаешь: что-то не так — еще до того, как пригляделся внимательно.

Именно это происходило сейчас со мной. Я увидел лицо Коула или что-то напомнившее мне его, но не мог понять где. Я развернулся обратно к стене и принялся методично проглядывать обложку за обложкой. Медленно, внимательно рассматривая оформление, напечатанные заголовки и имена музыкантов, пытаюсь определить, что именно зацепило мой взгляд.

И я его нашел. Это оказалась не обложка альбома, а скорее глянцевая обложка какого-то журнала. На ней парень прыгал на зрителя, а позади него сидели на корточках члены его группы и смотрели на него. Это была знаменитая обложка. Я уже видел ее раньше, теперь я это вспомнил. Помнится, я тогда еще отметил, как парень на фотографии летит на камеру, раскинув в стороны руки и ноги, как будто, кроме полета, ничто больше не имеет для него значения и ему все равно, что будет, когда он приземлится. Вспомнил я и тему номера, набранную тем же шрифтом, который группа использовала в оформлении своего альбома: «Успех: солист „Наркотики“ о славе до восемнадцатилетия».

Но я не помнил, что у парня с обложки было лицо Коула.

Я на миг зажмурился, но изображение с обложки все равно осталось стоять перед глазами, намертво отпечатавшееся в моей памяти.

«Пожалуйста, — взмолился я про себя. — Пожалуйста, пусть это будет просто сверхъестественное сходство. Только бы не оказалось, что Бек инициировал звезду».

Я открыл глаза, но Коул никуда не делся. А позади него, не в фокусе, потому что камере было дело лишь до Коула, виднелся Виктор.

Я медленно вернулся в студию; они слушали еще одну дорожку, которая оказалась даже лучше последней. Но внезапно все это стало казаться мне страшно далеким от моей жизни. От моей настоящей жизни, которая подчинялась падению и подъему температуры даже теперь, когда человеческая кожа надежно держалась на мне.

— Дмитра, — позвал я, и она обернулась. Грейс тоже вскинула голову и нахмурилась чему-то такому, что уловила в моем голосе. — Как звали солиста «Наркотики»?

Я уже получил все необходимые доказательства, но хотел, чтобы кто-нибудь произнес это вслух, потому что отказывался в это верить.

Губы Дмитры дрогнули в улыбке, в лице появилась мягкость, которой мы не видели за все время, что провели в студии.

— Ох, это был потрясающий концерт. Он, конечно, совершенно ненормальный, но эта группа... — Она покачала головой, потом вспомнила, что я задал вопрос. — Коул Сен-Клер. Он уже много месяцев как пропал без вести.

Коул.

Коула зовут Коул Сен-Клер.

А я-то думал, это мне с моими желтыми глазами трудно скрыться.

Выходит, тысячи глаз сейчас высматривают его, только и ждут возможности его узнать.

А когда найдут его, найдут и нас.

ИЗАБЕЛ

— Куда тебя отвезти? Обрато к дому Бека?

Мы сидели в моем джипе; я оставила его в самом дальнем углу стоянки, чтобы какой-нибудь недоумок не задел его дверью своей машины. Я старательно не смотрела на Коула, но он казался таким большим, самым своим присутствием заполнял куда больше места, чем занимало его тело физически.

— Не надо, — произнес Коул.

Я покосилась на него.

— Чего не надо?

— Делать вид, как будто ничего не произошло, — сказал он. — Задай мне вопрос.

Дневной свет стремительно угасал. На западе поперек неба пролегла длинная черная туча. Впрочем, дождя нам не полагалось. Только плохая погода на его пути в другие места.

Я вздохнула. Не уверена, что мне хотелось о чем-либо спрашивать. Мне казалось, что знать будет труднее, чем не знать. Впрочем, нельзя упрятать джинна обратно в бутылку, если он оттуда уже выбрался.

— А это что-то изменит?

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал Коул.

Теперь я посмотрела на него в упор, на его опасно красивое лицо, которое даже в этот миг взывало ко мне, сладко и тревожно: поцелуй меня, Изабел, растворись во мне. Оно было грустным, это лицо, надо было лишь научиться правильно на него смотреть.

— Правда?

— Я должен знать, известно ли кому-нибудь кроме десятилетних соплюх, кто я такой, — сказал Коул. — Или мне придется на самом деле покончить с собой.

Я метнула на него испепеляющий взгляд.

— Будем играть в угадайку? — осведомилась я и, не дожидаясь ответа, вспомнила про его ловкие пальцы и смазливое лицо и предположила: — Клавишник в мальчиковой группе.

— Солист «Наркотики», — произнес Коул.

Я молчала, ожидая услышать слово «шутка».

Но оно так и не прозвучало.

КОУЛ

Ее лицо даже не дрогнуло. Наверное, моей целевой аудиторией и в самом деле были младшие школьники. Все это очень удручало.

— Не смотри на меня с таким видом, — сказала она. — Если я не узнала тебя, это еще не значит, что я никогда не слышала твоих песен. Они же играют из каждого утюга.

Я промолчал. А что тут было говорить? На протяжении всего этого диалога меня не покидало ощущение дежавю, как будто я с самого начала знал, что такой разговор состоится здесь, в ее машине, унылым ненастным днем.

— Что? — Изабел подалась вперед и взглянула мне прямо в лицо. — Что? Думаешь, мне есть какое-то дело до того, что ты рок-звезда?

— Дело не в музыке, — сказал я.

Изабел ткнула меня пальцем в сгиб локтя, там, где виднелись следы инъекций.

— Дай угадаю. Наркотики, девочки, сквернословие. О чем из этого ты мне еще не рассказывал? Сегодня утром ты голышом лежал передо мной на полу и твердил, что хочешь покончить с собой. И ты думаешь, что после того, как я узнала, что ты солист самой «Наркотики», что-то изменится?

— Да. Нет.

Я не понимал, что ощущаю. Облегчение? Разочарование? Чего я ожидал от нее?

— Что ты хочешь от меня услышать? — допытывалась Изабел, — «Ты меня испортишь, а ну вылезай быстро из моей машины»? Слишком поздно. Я и сама могу кого хочешь испортить.

При этих словах я рассмеялся, хотя и со скверным чувством, потому что понимал — она воспримет мой смех как оскорбление, и не важно, что на самом деле я и не думал ее оскорблять.

— Поверь мне, это не про меня. Я спускался в такие тесные и грязные кроличьи норы, какие тебе и не снились. И я не раз затаскивал с собой в эти норы других, и больше они оттуда не возвращались.

Я был прав. Ее задело за живое. Она решила, что я считаю ее наивной.

— Я не пытаюсь разозлить тебя. Просто предупреждаю. Своей славой я куда больше обязан этому, чем моей музыке. — Ее лицо застыло, и я решил, что мне удалось до нее достучаться. — Я, видимо, совершенно не способен принять решение, которое не было бы своекорыстным абсолютно во всех отношениях.

Теперь Изабел разразилась смехом, и этот пронзительный жестокий смех прозвучал так самоуверенно, что я завелся. Она дала задний ход.

— Интересно, когда ты наконец скажешь мне что-нибудь такое, чего я не знала бы и без тебя?

ИЗАБЕЛ

Я привезла Коула к себе, прекрасно понимая, что это плохая идея, — возможно, именно поэтому и привезла. Пока мы ехали, наступил ослепительный вечер, почти вульгарный в своей красоте. Небо полыхало тем оттенком розового, какой я видела только здесь, на севере Миннесоты.

Мы вернулись в то место, где впервые встретились, только теперь я знала, как зовут его, а он — меня. Перед домом стояла машина — отцовская дымчато-голубая «БМВ».

— Не беспокойся, — сказала я и, остановив машину на другой стороне круговой дорожки, поставила ее на тормоз. — Это мой папаша. Сегодня выходной, так что он будет сидеть у себя в подвале в обнимку с бутылкой чего-нибудь покрепче. Он даже не узнает, что мы дома.

Коул ничего не сказал, лишь молча вышел из машины на холодный воздух. Он потер ладони одна о другую и посмотрел на меня. В сумерках глаза у него казались темными и непроницаемыми.

— Поторопись, — сказал он.

Я поежилась от пронизывающего ветра и поняла, что он имеет в виду. Мне не слишком хотелось, чтобы он сейчас превращался в волка, поэтому я взяла его за локоть и подтолкнула к боковой двери, которая вела прямо на площадку второго этажа.

— Сюда.

Когда я закрыла за ним дверь, он весь дрожал. Мы находились на лестничной площадке размером со шкаф. Он присел и одной рукой оперся о стену; секунд десять я выжидала, не снимая ладони с дверной ручки на тот случай, если он все-таки превратится в волка и придется его выпускать.

Наконец он распрямился; от него разило волком, но внешне он был человеком.

— Первый раз старался не превратиться в волка, — сказал он, развернулся и зашагал вверх по лестнице, не дожидаясь моих указаний, куда идти.

Я двинулась за ним по узкой лестнице; в темноте я различала лишь его руку на шатких перилах. Меня охватило ощущение, что мы с ним неумолимо неслись навстречу друг другу, как готовые столкнуться автомобили, но вместо того, чтобы ударить по тормозам, я давила на газ.

Очутившись на площадке, Коул заколебался, но я не сомневалась. Я взяла его за руку и повела за собой наверх, в мансарду, где была моя комната. Он пригнулся, чтобы не удариться головой о скос крыши, и я, обернувшись, обхватила его за шею, прежде чем он успел выпрямиться.

От него безумно пахло волком; в моем сознании этот запах сплелся в странную комбинацию Сэма, Джека, Грейс и дома Бека, но мне было все равно, потому что его губы были лучше любого наркотика. Я целовала его, и в голове не было ни одной мысли, лишь его жаркое дыхание на моих губах и его руки на моей разгоряченной коже. Каждая клеточка моего тела звенела, жила ослепительной жизнью. Я не могла думать ни о чем, кроме той жадности, с какой он отвечал на мои поцелуи.

Где-то далеко внизу что-то загрохотало. Папаша за работой. Впрочем, все это происходило где-то на другой планете, не на той, где сейчас были мы с Коулом. Если его губы перенесли меня так далеко от моей настоящей жизни, куда унесет все остальное? Я просунула руки под пояс его джинсов, неловкими пальцами расстегнула пуговицу. Коул закрыл глаза и негромко ахнул.

Я оторвалась от него и попятилась к постели. При одной мысли о том, как он своей тяжестью прижмет меня к ней, сердце зачастило и понеслось куда-то со скоростью миллион миль в час.

Коул остался стоять.

— Изабел, — начал он.

— Что? — отозвалась я.

И снова я хватала ртом воздух, а он едва ли стал чаще дышать. Я вспомнила, что после утренней пробежки так и не успела ни подправить макияж, ни привести в порядок прическу. В чем дело? Я приподнялась на локтях; меня всю трясло. Внутри колыхалось что-то такое, определения чему я сама не могла бы дать.

— Что такое, Коул? Давай, колись.

Он продолжал молча смотреть на меня, стоя в расстегнутых джинсах и прижав к бокам сжатые кулаки.

— Я не могу.

Я скользнула взглядом по его ширинке и саркастически обронила:

— А с виду и не скажешь.

— Я имею в виду, что не могу больше так поступать.

Он застегнул джинсы, не сводя с меня глаз.

Лучше бы не смотрел. Я отвернулась, чтобы не видеть выражения его лица. Оно казалось снисходительным, и не важно, хотел он того или нет. И все, что бы он сейчас ни сказал, тоже показалось бы мне снисходительным.

— Изабел, — продолжал он. — Не злись. Я хочу. Я правда очень хочу.

Я ничего не сказала. Я рассматривала перышко из подушки, каким-то образом очутившееся на лавандовом покрывале.

— Господи, Изабел, ты только все усложняешь. Я пытаюсь вспомнить, как это — быть приличным человеком, понимаешь? Пытаюсь вспомнить, кем я был до того, как стал сам себе невыносим.

— Как, неужели ты тогда не трахался? — процедила я. Крупная слеза выкатилась у меня из глаза.

Я услышала шорох и вскинула глаза; он стоял лицом к окну со скрещенными на груди руками.

— По-моему, ты сама говорила, что бережешь себя для мужа.

— Какое это имеет значение?

— Не нужно тебе со мной спать. Неужели ты хочешь, чтобы твоим первым мужчиной стал чокнутый певец? Ты потом будешь всю жизнь себя за это ненавидеть. С сексом так бывает. В этом ему нет равных. — В его голосе послышалась горечь. — Ты хочешь забыться и ничего не чувствовать, и примерно на час тебе это удастся. Но потом становится только хуже. Поверь мне.

— Ну да, ты же у нас спец.

Еще одна слеза скатилась по моей щеке. В последний раз я плакала, когда умер Джек. Больше всего мне сейчас хотелось, чтобы Коул ушел. Если я и допускала, что кто-то может стать свидетелем моих слез, это был определенно не Коул Сен-Клер, король вселенной.

Коул обеими руками оперся о подоконник; последние отблески дня играли у него на лице.

— Я изменял моей первой девушке, — произнес он, не глядя на меня. — Много раз. На гастролях. Когда я вернулся, мы поругались из-за какого-то пустяка, и я признался, что изменял ей с таким количеством девиц, что перестал даже запоминать их имена. Сказал, что теперь, когда мне есть с чем сравнивать, я понял, что в ней нет ничего особенного. Мы расстались. Вернее, я ее бросил. Она была сестрой моего лучшего друга, так что я фактически вынудил их сделать выбор между мной и друг другом. — Он рассмеялся жутким безрадостным смехом. — А теперь Виктор бегаёт где-то по лесу в волчьем обличье. Вернее, в обличье человека, который все время превращается в волка. Отличный из меня друг.

Я ничего не ответила. Мне плевать было на его этический кризис.

— Она тоже была девственницей. — Коул наконец-то взглянул на меня. — И теперь она меня ненавидит. И себя тоже. Я не хочу, чтобы то же самое случилось с тобой.

Я в упор посмотрела на него.

— По-моему, я не просила тебя о помощи. И не за тем звала тебя сюда, чтобы ты мне тут проповедовал. Я не просила тебя спасти меня от меня самой. И от тебя тоже. По-твоему, я совсем слабачка? — На миг мне показалось, что я не смогу произнести это вслух, но все-

таким смогла. — Надо было плюнуть на тебя, и кончал бы с собой на здоровье!

И снова у него на лице появилось то выражение, то самое выражение. Казалось бы, я должна была задеть его за живое, но его лицо... оно не выражало ровным счетом ничего.

Слезы оставляли на моих щеках горящие дорожки, щипали подбородок. Я и сама не понимала, что оплакиваю.

— Ты не такая, — сказал Коул устало. — Поверь мне, я повидал достаточно девиц, чтобы разбираться в этом. Послушай, не надо плакать. Ты не из тех, кто плачет.

— Да? И из каких же я тогда?

— Я расскажу тебе, когда сам пойму. Только не плачь.

Из-за этих его постоянных «не плачь» мне вдруг стало совершенно невыносимо, что он оказался свидетелем моих слез. Я закрыла глаза.

— Уйди. Уйди отсюда.

Когда я снова открыла глаза, его уже не было.

КОУЛ

Спускаясь по лестнице, я боролся с искушением выйти за дверь и проверить, действительно ли судорога, сводившая мои внутренности по пути сюда, значила то, что я подозревал, но в конце концов остался в теплом доме. У меня было чувство, будто я узнал о себе что-то такое, чего не знал раньше. Что-то настолько новое, что я боялся позабыть об этом, когда стану волком, и не вспомнить больше, превратившись в Коула вновь.

Я неторопливо шагал по главной лестнице, не забывая о том, что где-то в чреве дома бродит отец Изабел, в то время как она сама осталась в своей башне в одиночестве.

Интересно, каково это — расти в таком доме? Я боялся лишней раз дыхнуть, чтобы не свернуть ненароком какую-нибудь декоративную вазу или не попортить безукоризненный букет сухих цветов. Конечно, я и сам вырос в состоятельной семье — семьи успешных одержимых гениев редко бывают другими, — но наше жилище никогда не выглядело вот так. Оно выглядело... жилым.

По пути в кухню я заплутал и очутился в зоологическом музее — огромном сводчатом зале, битком набитом чучелами животных. Их было столько, что я усомнился бы в их реальности, если бы не мускусный запах скотного двора, который бил в нос. Неужели в Миннесоте не действовал закон об охране животных? Некоторые из них явно были занесены в Красную книгу; во всяком случае, в лесах штата Нью-Йорк мне видеть их ни разу не приходилось. Я сощурился на дикую кошку с каким-то невиданным узором на шкуре, которая щурилась на меня. В голове всплыл обрывок давнего разговора с Изабел, когда мы с ней только встретились, — что-то про любовь ее отца к стрельбе.

Разумеется, был здесь и волк, вечно крадущийся вдоль одной из стен; его стеклянные глаза поблескивали в полутьме. Должно быть, общение с Сэмом все-таки сделало свое черное дело, потому что внезапно мне подумалось о том, как жутко умереть вот так, вдали от своего настоящего тела. Как если бы астронавт умер в космосе.

Я оглядел чучела — грань между мной и ними показалась вдруг совсем тонкой — и сунулся в дверь на другом конце зала в надежде, что за ней окажется кухня.

И снова ошибся. Дверь вела в роскошную круглую комнату, красиво озаренную светом догорающего заката, проникавшим сквозь окна, которые занимали половину изогнутых стен.

В центре стоял изящный мини-рояль — и больше ничего. Только рояль и стены цвета бордо. Эта комната предназначалась исключительно для музицирования.

Я вдруг понял, что не помню, когда в последний раз пел.

И не помню, когда скучал по пению.

Я коснулся рояля; гладкая крышка казалась холодной на ощупь. Почему-то в этой комнате, к окнам которой подступал холодный вечер, только и ждущий превратить меня в волка, я ощущал себя человеком куда острее, чем все последнее время.

ИЗАБЕЛ

Я еще немного позлилась, потом заставила себя встать с постели и отправиться в крошечную ванную. Подправив макияж, я встала и подошла к окну, в которое смотрел Коул. Интересно, где он сейчас? К удивлению моему, я различила в темно-синих сумерках луч фонарика, мелькавший в чаще леса где-то неподалеку от поляны с мозаикой. Коул? Нет, не мог он сохранить человеческий облик в такую погоду, он и так был на грани превращения, пока мы не добежали от машины до дома. Кто тогда? Мой отец?

Я нахмурилась, пытаюсь понять, не сулит ли этот загадочный свет неприятности.

И тут я услышала пианино. Я сразу поняла — это не отец, он вообще не слушает музыку, а мама не играла уже несколько месяцев. К тому же это ничем не напоминало утонченную, строгую манеру моей матери. Это была тревожная, бередящая душу мелодия, вновь и вновь повторявшаяся на высоких нотах, музицирование человека, привыкшего к тому, что остальное доиграют другие инструменты.

Это настолько шло вразрез с моими представлениями о Коуле, что я должна была увидеть его за игрой собственными глазами. Я бесшумно спустилась в музыкальную комнату, но перед дверью остановилась и заглянула внутрь, очень осторожно, так, чтобы оставаться незамеченной.

Это действительно был он — не сидел, как полагается, на скамеечке, а опирался на нее одним коленом, как будто сам не ожидал, что задержится так надолго. Пальцы музыканта, на которые я обратила внимание утром, под этим углом не были видны, но этого и не требовалось. Достаточно было его лица. Не подозревающий, что за ним наблюдают, растворившийся в повторяющемся ритме, в скудном вечернем свете Коул казался... с него словно слетела вся броня. Передо мной сидел вовсе не тот вызывающе красивый, самоуверенный парень, с которым я познакомилась несколько дней назад. Это был мальчик, только начинающий осваивать музыкальный инструмент. Он казался таким молодым, неуверенным и трогательным, и я почувствовала укол ревности, потому что ему каким-то образом удалось собрать себя воедино, а мне — нет.

Каким-то образом он снова стал честным, он открывал мне еще один секрет, а мне нечего было дать ему в ответ. Впервые я увидела что-то в его глазах. Я убедилась, что он снова начал что-то чувствовать и это причиняло ему боль.

Я не готова была к боли.

Обратный путь из Дулута запомнился мне как коллаж из красных габаритных огней, дорожных знаков, внезапно выныривающих из темноты лишь затем, чтобы исчезнуть столь же стремительно, как и появились, моего голоса, льющегося из динамиков и моего собственного рта, и лица Грейс, которое то и дело выхватывали из полумрака блики фар встречных машин.

Глаза у нее слипались от усталости, а мне казалось — я никогда больше не смогу спать. У меня возникло такое чувство, будто миру осталось существовать всего один день и проспять его было бы непростительным расточительством. Я уже рассказал Грейс о Коуле, о том, кто он такой, но мне все казалось, что мы не до конца это обсудили. Наверное, Грейс это бесило, но у нее хватало такта не выказывать раздражения.

— Вот не зря его лицо казалось мне знакомым, — повторил я в очередной раз. — Я просто не понимаю, зачем Бек это сделал.

Грейс втянула руки в рукава и зажала края изнутри. В свете индикаторов ее кожа казалась голубоватой.

— Может, Бек не знал, кто он такой? Я вот про «Наркотику» знаю только, что есть такая группа. И только одну их песню слышала. Которая про разбитые лица, или как ее там.

— Но он должен был сообразить. Бек отыскал его в Канаде, когда Коул был там на гастролях. На гастролях. Сколько еще ждать, когда он попадется кому-нибудь на глаза и его узнают? А представь, если за ним приедут из дома, а он превратится в волка? И что он собирается делать летом? Запереться в доме и надеяться, что никто его не найдет?

— Возможно, — отозвалась Грейс. Она промокнула нос бумажным платком, смяла его и сунула в карман куртки. — Может, он хочет затеряться и для него это не проблема. Наверное, лучше тебе спросить его самого. Или я могу спросить, раз ты его так не любишь.

— Просто я ему не доверяю.

Я принялся водить пальцами по рулю. Краем глаза я заметил, как Грейс прижалась виском к дверце и вздохнула. Она была сама на себя не похожа.

Мне вдруг стало нестерпимо стыдно. Она так старалась, чтобы этот день прошел идеально, а я все испортил.

— Ох... прости меня, пожалуйста. Я неблагодарная скотина. Я не буду больше тревожиться, ладно? Это вполне может подождать до завтра.

— Врешь.

— Не злись.

— Я не злюсь. Я просто хочу спать, а еще хочу, чтобы ты был счастлив.

Я оторвал руку от руля и накрыл ладонью ее пальцы, лежавшие на коленях. Они были очень горячие.

— Я счастлив, — сказал я, хотя счастье вдруг перестало быть таким ослепительным.

Я разрывался между желанием поднять ее руку и проверить, пахнет от нее волком или нет, и желанием не трогать ее и убедить себя, что не пахнет.

— Это моя любимая, — произнесла она негромко.

До меня дошло, о чем она говорит, лишь когда она включила песню заново, едва та закончилась. На диске тот, другой Сэм, отныне нестареющий и вечно юный, пел: «Я влюбился в нее летом, в мою прекрасную летнюю девушку», в то время как голос другого нестареющего Сэма сплетался с первым в идеальном созвучии.

По салону полоснули лучи фар очередной встречной машины, и снова стало темно. Сердце гулко билось в груди. Мне вспомнилось, как я в последний раз пел эту песню. Не сегодня в студии, а до того. Сидя в темной, хоть глаз выколи, машине, как сейчас, с намотанной на руку прядью волос Грейс, за миг до того, как лобовое стекло брызнуло в салон и ночь обратилась в прощание.

Вообще-то это должна была быть радостная песня. Обидно, что она оказалась навеки отравлена этим воспоминанием, пусть даже впоследствии все закончилось благополучно.

На соседнем сиденье Грейс прижалась щекой к спинке.

— Ты не заснешь, если я не буду тебя развлекать? — спросила она со слабой улыбкой.

— Все в порядке, — заверил ее я.

Грейс улыбнулась мне и закуталась в куртку, как в одеяло. Одними губами послав мне воздушный поцелуй, она закрыла глаза. Мой голос в динамиках пел: «Я был бы счастлив, если бы наш летний день вечно длился».

В доме царил полный разгром. Первое, что я увидел, переступив порог гостиной, был Коул Сен-Клер с веником и совком — зрелище куда более нелепое, чем его превращение в волка, — и только потом битое стекло и перевернутую мебель вокруг.

Грейс у меня за спиной испуганно ойкнула, и Коул обернулся на ее голос. Такта изобразить на лице изумление у него хватило, а вот на раскаяние уже не осталось.

Я не знал, что ему сказать. Всякий раз, когда я начинал думать, что могу наконец испытывать к нему какое-то подобие доброжелательности и сочувствия, он откалывал какой-нибудь новый номер. Интересно, остальные помещения в доме выглядели точно таким же образом? Или «повезло» лишь гостиной?

Грейс, впрочем, взглянула на Коула и, не вынимая рук из карманов, небрежным тоном поинтересовалась:

— Проблемы?

В голосе ее угадывалась улыбка.

И тут, к полному моему изумлению, Коул сокрушенно улыбнулся ей в ответ, обаятельной и виноватой улыбкой.

— Стая кошек похозяйничала, — пояснил он. — Я сейчас все приберу. — Эти слова сопровождалось взглядом в мою сторону и явно предназначались мне.

Грейс посмотрела на меня, и в ее глазах явственно читалось, что мне следовало бы обращаться с ним поласковей. Я попытался вспомнить, случалось ли со мной такое. Наверное, случалось, в самом начале.

Я взглянул на Грейс. В ярком свете кухонной лампы она казалась бледной и усталой; из-под тонкой, как лепесток, кожи проглядывала темнота. Ей бы сейчас не помешало лечь в постель. Дома. Интересно, что думают ее родители и когда собираются вернуться?

— Я схожу за пылесосом? — спросил я, подразумевая: «Ничего, если я оставлю тебя с ним?»

Грейс твердо кивнула.

— Хорошая мысль.

ГРЕЙС

Значит, вот он какой, Коул Сен-Клер. Мне никогда еще не доводилось встречать настоящую рок-звезду. Не могу сказать, чтобы он меня разочаровал. Даже с веником и совком в руках он выглядел как рок-звезда — потрясающий, беспокойный и опасный.

Я взглянула на него в упор и произнесла:

— Значит, ты Коул.

— А ты Грейс, — сказал он; не представляю, откуда он это узнал.

— Да, — ответила я и, подойдя к одному из кресел, блаженно плюхнулась в него.

Меня словно всю изнутри исколотили камнями. Я снова взглянула на Коула. Значит, вот

он какой, этот парень, которого Бек прочил на место Сэма. С Сэмом вкус его определенно не подвел, так что я готова была выдать Коулу кредит доверия. Я бросила взгляд на лестницу, чтобы убедиться, что Сэм еще не возвращается с пылесосом, и спросила:

— Ну и как? Это то, чего ты ожидал?

КОУЛ

Подружка Сэма понравилась мне еще до того, как открыла рот, а когда заговорила, понравилась еще больше. Почему-то она оказалась совсем не такой, какой я представлял себе девушку Сэма. Она была простая и очень милая, и голос у нее оказался замечательный: очень спокойный, будничным и ни на кого не похожий.

Сначала я не понял вопроса. Не дождавшись ответа сразу же, она уточнила:

— Жизнь в волчьей шкуре?

Мне даже понравилось, что она вот так подошла ко мне и задала этот вопрос.

— Даже лучше, — вырвалось у меня, прежде чем я успел прикусить язык.

На ее лице не отразилось отвращение, как это было с Изабел, поэтому я посмотрел ей в глаза и выложил всю остальную правду.

— Я стал волком, чтобы забыть свое прошлое, и именно это и получил. Когда я в волчьем облике, то думаю только о том, чтобы присоединиться к другим волкам. Не думаю ни о будущем, ни о прошлом, ни о том, кто я такой. Все это становится неважным. А важное — это тот самый миг, другие волки рядом и то, что ты сам превращаешься в сгусток обостренных чувств. Ни сроков. Ни ожиданий. Это потрясающе. Лучше любого наркотика.

Грейс улыбнулась, как будто я преподнес ей подарок. Это была такая чудесная улыбка, искренняя и понимающая, что в тот миг я готов был отдать все на свете, чтобы стать ей другом и снова заслужить эту улыбку. Мне вспомнился рассказ Изабел про то, что Грейс укусили, но она так и не стала оборотнем. Интересно, она рада этому или чувствует себя обманутой?

— А ты не чувствуешь себя обманутой, потому что не превращаешься в волка? — спросил я.

Она опустила глаза на руку, опасно лежавшую на животе, потом снова перевела взгляд на меня.

— Я всегда задумывалась, каково это. И всегда чувствовала себя какой-то неприкаемой. Ни с теми и ни с другими. Мне всегда хотелось... не знаю. — Она умолкла. — Ты решил вывести пылесос на прогулку, Сэм?

Появился Сэм, волоча за собой большой промышленный пылесос. Он отсутствовал всего-то пару секунд, но с его появлением комната озарилась, как будто эти двое были элементами, вспыхивавшими при приближении друг к другу. При виде неловких попыток Сэма втащить в комнату пылесос Грейс улыбнулась новой улыбкой, которую она явно приберегала для него одного, а он бросил на нее испепеляющий взгляд, полный подтекста, какой рождается, когда ведешь долгие разговоры шепотом в темноте.

Я вспомнил об Изабел. У нас с ней не было того, что у Сэма с Грейс. Даже близкое ничего похожего. Не думаю, чтобы происходившее между нами могло бы перерасти во что-то подобное даже через тысячу лет.

Я порадовался, что оставил Изабел в постели, а потом совсем ушел из дома. Больно

было вспоминать о том, что я отравлял все, к чему прикасался, но приятно было на этот раз отдавать себе отчет в своих действиях. Предотвратить взрыв было мне не под силу, но я мог, по крайней мере, научиться обуздывать последствия.

ГРЕЙС

Мне стыдно было сидеть сложа руки в кресле, пока Сэм с Коулом прибираются. В обычных обстоятельствах я бросилась бы помогать. Ликвидировать такой разгром даже приятно, потому что в конце концов получаешь зримый результат.

Но сегодня у меня не было сил. Их хватало только на то, чтобы не давать глазам закрыться. Я чувствовала себя так, будто весь день боролась с чем-то невидимым и теперь оно начало одерживать надо мной верх. В животе перекачивалось что-то большое и теплое; я представила, как внутри переливается кровь. А еще мне было жарко, жарко, жарко.

Сэм с Коулом работали в безмолвном тандеме: Коул держал совок, а Сэм заметал на него крупные обломки, которые нельзя убрать пылесосом. Мне отчего-то приятно было видеть, как эти двое действуют в паре. И снова я подумала, что Бек, должно быть, увидел в Коуле что-то особенное. Не просто же так он привез в дом еще одного музыканта. Он не пошел бы на такой риск и не стал бы инициировать известного рокера, если бы у него не было на то веской причины. Может, он думал, что, если Сэму удастся сохранить человеческий облик, они с Коулом подружатся?

Было бы здорово, если бы у Сэма появился друг, на тот случай, если меня...

Перед глазами у меня стояло лицо Коула, когда он спросил: «А ты не чувствуешь себя обманутой, потому что не превращаешься в волка?»

Когда была младше, я представляла себя волчицей. Воображала, как убегаю с Сэмом в волчьем облике в золотой лес, подальше от равнодушных родителей и суеты современной жизни. И потом, думая, что когда-нибудь лес навеки заберет у меня Сэма, я мечтала уйти вместе с ним. Сэм был в ужасе. Но теперь Коул наконец-то показал мне другую сторону медали. «Важное — это тот самый миг, другие волки рядом и то, что ты сам превращаешься в сгусток обостренных чувств».

Да.

Не все так плохо. Есть и награда. Возможность ощущать под лапами упругий лесной покров, видеть и обонять все с недоступной человеку остротой. Стать частью стаи, частицей дикой природы. Если я проиграю эту битву, может, это будет не так уж и ужасно? Разве это такая великая жертва ради того, чтобы жить в лесу, который я всегда так любила?

Вопреки всякой логике я вдруг подумала про стопку недочитанных детективов на полке у кровати. Мне представилось, как мы с Сэмом лежим на кровати, сплетаясь в единое целое. Как он читает свой роман, пока я готовлю домашнее задание. Как мы мчимся в его машине, опустив стекла. Рука об руку гуляем по кампусу при колледже. Я мысленно увидела нашу квартиру, забитую всяким барахлом, кольцо у него на ладони, жизнь после школы. Жизнь Грейс.

Я закрыла глаза.

Господи, как же больно. Каждая клеточка моего тела болела, и ничего поделать было нельзя. Теперь, когда у меня не было выбора, лес перестал казаться таким манящим.

Я думал, она просто устала. В конце концов, день выдался не из легких. Я не говорил ничего, пока Коул не заметил.

— Она что, уснула под пылесос? — спросил он таким тоном, будто Грейс была маленькой девочкой или собачкой с трогательной привычкой спать под шум пылесоса.

Глаза ее были закрыты, дышала она как-то замедленно, щеки у нее покраснелись, и меня вдруг охватило необъяснимое беспокойство. Потом Грейс приподняла голову, и сердце у меня забилося вновь.

Я взглянул на часы. Скоро должны вернуться ее родители. Нужно отвезти ее домой.

— Грейс, — позвал я; вид у нее был такой, как будто она собирается уснуть снова.

— А?

Она все так же полулежала в кресле, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в подлокотник.

— Когда, ты сказала, родители велели тебе вернуться? — спросил я.

Грейс вскинула на меня глаза, в которых внезапно не осталось ни капли сна, и по их выражению я понял, что она была не до конца со мной откровенна. У меня упало сердце.

— Они вообще в курсе, что ты уехала?

Грейс отвела взгляд; щеки у нее полыхали. Я никогда еще не видел ее пристыженной, и краска на щеках лишь подчеркнула болезненный вид.

— Я должна быть дома до того, как они вернутся с выставки. К полуночи.

— Тогда пора ехать, — сказал Коул.

На один безмолвный беспомощный миг мне показалось, что у нас с Грейс одновременно мелькнула одна и та же мысль: вот бы этот день не кончился! Вот бы можно было не расставаться, не укладываться порознь в две холодные постели. Но говорить об этом вслух смысла не имело, поэтому я произнес:

— У тебя совсем усталый вид; думаю, тебе действительно нужно поспать.

На самом деле мне хотелось сказать совершенно другое. Хотелось взять ее за руку, отвести наверх, в мою комнату, и прошептать: «Останься. Пожалуйста, останься».

Но тогда я стал бы именно тем, кем считал меня ее отец.

Она вздохнула.

— Я не хочу.

Я опустил перед Грейс на корточки и заглянул ей в глаза; ее щека все так же покоилась на подлокотнике кресла. Она казалась совсем юной и незащищенной; я и не подозревал, как привык к решительному выражению ее лица, пока оно не изменилось.

— Я тоже не хочу, чтобы ты уезжала, — отозвался я. — Но еще больше я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Как думаешь... ты сможешь вести машину?

— Должна смочь, — сказала Грейс. — Она понадобится мне завтра. Ах да, завтра же нет занятий, у учителя библиотечный день. Значит, послезавтра.

Она поднялась, медленно, неуверенно. Мы с Коулом молча смотрели, как она отыскала ключи и зажала их в кулаке, как будто не знала точно, что с ними делать.

Мне не хотелось, чтобы она уезжала, но еще больше не хотелось, чтобы она садилась за руль.

— Я отгоню ее машину, — подал голос Коул.

Я захлопал глазами.

Коул пожал плечами.

— Я отгоню ее машину, а ты отвезешь ее на своей. Потом подбросишь меня обратно, или...

Он снова пожал плечами.

По глазам Грейс я понял, что ей очень хочется, чтобы я согласился, и я сказал «да».

— Спасибо, — поблагодарила Грейс Коула.

— Не за что.

Мне слабо верилось в то, что Коул так внезапно стал милым, но я обрадовался возможности еще немного побыть с Грейс и лично удостовериться, что она благополучно добралась до дома. Оставалось только надеяться, что он не разобьет ее машину.

Мы двинулись в путь: Коул, одинокая фигура на водительском сиденье машины Грейс позади, и мы с ней. Она вцепилась мне в колено и всю дорогу не убирала руку. Когда мы подъехали к дому родителей Грейс, Коул ловко припарковал машину на подъездной дорожке, а Грейс наклонилась поцеловать меня. Все начиналось вполне целомудренно, но потом мои губы дрогнули и раскрылись, а пальцы Грейс сжали ворот моей рубахи. Как же мне хотелось остаться с ней, господи, до чего же мне этого хотелось...

...и тут Коул забарабанил пальцами по стеклу. Он дрожал на пронизывающем ветру, пока я послушно опускал стекло.

— Я бы не советовал тебе особенно распускать руки: ее папаша смотрит в окно. И вообще, тебе лучше бы поспешить, — (эти слова были обращены к Грейс), — потому что через две секунды ты, — (а это уже было адресовано мне), — понадобишься мне для того, чтобы подобрать мою одежду, и, думаю, лишние зрители нам ни к чему.

Глаза у Грейс расширились.

— Они дома?

Коул кивнул на вторую машину, стоявшую на подъездной дорожке. Грейс уставилась на нее; похоже, мои подозрения, что она отлучилась из дома без разрешения, были не беспочвенны.

— Они же сказали, что приедут поздно. Они ни разу еще с этой выставки раньше полуночи не приезжали.

— Я иду с тобой, — заявил я, хотя, откровенно говоря, предпочел бы повеситься.

Коул смотрел на меня с таким видом, как будто мои мысли были для него открытой книгой.

Она покачала головой.

— Нет. Нечего тебе там делать. Не хочу, чтобы они на тебя орали.

— Грейс, — начал я.

— Нет, — отрезала она. — Я не передумаю. Я справлюсь сама. Так надо.

В этих словах была вся моя жизнь. Я торопливо поцеловал Грейс на прощание и пожелал ей удачи, она ушла, а я открыл дверцу машины, чтобы прикрыть готового к превращению Коула от любопытных соседских глаз.

Коул скорчился на асфальте, его колотило.

— Почему она под домашним арестом? — спросил он, глядя на меня снизу вверх.

Я посмотрел на него, потом перевел взгляд обратно на дом, убедившись, что за нами никто не наблюдает.

— Потому что ее вечно отсутствующие родители решили, что ненавидят меня. Видимо,

за то, что я спал в ее постели.

Коул выразительно вскинул брови, но ничего не сказал. Он о чем-то думал. Плечи у него ходили ходуном.

— А правда, что они забыли ее в запертой машине на жаре?

— Правда. В этом вообще все их отношения.

— Мило, — заметил Коул. — Почему так долго? — спросил он через миг. — Может, я ошибся?

От него уже пахло волком. Я покачал головой.

— Это потому, что ты одновременно разговариваешь со мной. Перестань сопротивляться превращению.

Теперь он сгруппировался, как бегун, опершись пальцами об асфальт и согнув одно колено, как будто готов был сорваться с места.

— Вчера ночью... я не думал...

Я остановил его. И сказал то, что следовало сказать давным-давно:

— Когда Бек привез меня, я был никем, Коул. Я был совершенно не в себе, практически недееспособен. Я почти не ел и начинал визжать, стоило мне услышать шум текущей воды. Ничего этого я не помню. У меня гигантские провалы в памяти. Я до сих пор не вполне адекватен, но не до такой степени, как раньше. Кто я такой, чтобы ставить под сомнение выбор Бека? Никто.

Коул посмотрел на меня со странным выражением, и тут его вырвало на дорогу. Дрожа и корчась, он утратил свою человеческую форму; футболка на нем лопнула, и он забился на асфальте рядом с машиной. Даже в волчьем обличье Коула сотрясала дрожь; мне пришлось долго уговаривать его, прежде чем он потрусил в сторону леса за домом Грейс.

Когда Коул скрылся, я еще какое-то время ждал у открытой дверцы машины, глядя на дом Грейс, — дожидался, когда в окне ее спальни вспыхнет свет, и воображал себя рядом с ней. Я скучал по шелесту ее тетрадей, когда она готовила домашнее задание, пока я слушал музыку на ее кровати. Скучал по ее ледяным пяткам, когда она забиралась ко мне в постель. Скучал по ее тени, которая падала на страницы моей книги. Скучал по запаху ее волос и звуку ее дыхания, по моему томику Рильке у нее на тумбочке и ее влажному полотенцу, небрежно брошенному на спинку стула. Казалось бы, после целого дня, проведенного с ней, я должен был бы насытиться, но лишь стал скучать еще сильнее.

Я знала, что меня ждет выволочка, но испытывала странное чувство свободы. Я вдруг поняла, что весь день гадала, попадусь или нет, и что случится, если они узнают обо всем потом. Теперь можно было не гадать.

Потому что я знала точно.

Я закрыла за собой входную дверь и вошла в прихожую. На пороге, скрестив руки на груди, стоял отец. Мать стояла в нескольких шагах от него, полускрытая кухонной дверью, точно в такой же позе. Они ничего не говорили, и я тоже молчала.

Лучше бы они накричали. Я готова была к крику. Внутри у меня все тряслось.

— Ну? — осведомился отец, когда я вошла в кухню.

Началось. Никакого крика. Только вопросительное: «Ну?» — как будто он ожидал, что я брошусь каяться во всех грехах.

— Как ярмарка? — спросила я.

Отец буравил меня взглядом.

Первой не выдержала мама.

— Не притворяйся, будто ничего не произошло, Грейс!

— А я и не притворяюсь, — отозвалась я. — Вы велели мне не выходить из дома, а я ушла.

Мама сжимала руки в кулаки так яростно, что побелели костяшки.

— Ты ведешь себя так, как будто не сделала ничего предосудительного.

Меня охватило ледяное спокойствие. Я порадовалась, что не разрешила Сэму пойти со мной; в его присутствии я не смогла бы сохранять такую решимость.

— А я и не сделала. Я ездила в Дулут, в студию, с моим парнем, поужинала вместе с ним и вернулась домой до полуночи.

— Мы запретили тебе делать это, — сказал отец. — Вот что в этом предосудительного. Ты знала, что под домашним арестом, и все равно ушла из дома. У меня в голове не укладывается, как ты могла так злоупотребить нашим доверием.

— Вы раздуваете из мухи слона! — рявкнула я. Мне казалось, мой голос должен был прозвучать громко, но он вышел каким-то тонким; второе дыхание, которое открылось у меня, когда я ехала домой с Сэмом, закончилось. Сердце билось в животе и в горле одновременно, жарко и тошнотворно, но я усилием воли заставила себя говорить спокойно. — Я не балуюсь наркотиками, не прогуливаю школу и не делаю себе пирсинг.

— А как же...

Выговорить это у него не поворачивался язык.

— Секс, — договорила за него мама. — В нашем доме? А вопиющее неуважение к нам? Мы предоставили тебе личное пространство...

Тут-то я и взорвалась.

— Личное пространство? Скажите лучше, планету в личное пользование! Я сотни ночей просидела одна в этом доме, дожидаясь, когда вы вернетесь домой. Я миллион раз снимала трубку телефона и слышала: «Ох, солнышко, мы сегодня будем поздно». Я тысячу раз

вынуждена была искать способы добраться из школы до дома самостоятельно. Личное пространство! Наконец-то появился человек, которого я выбрала для себя сама, но вы не можете с этим смириться. Вы...

— Ты еще подросток, — пренебрежительно сказал отец.

Как будто я только что не кричала. Я сама бы усомнилась в том, что повысила на них голос, если бы в ушах у меня не грохотала кровь, с каждым толчком снова и снова причиняя мучительную боль.

— Что ты знаешь об ответственных отношениях? — продолжал он. — Это твой первый приятель. Хочешь, чтобы мы поверили, что ты ответственный человек, — докажи это. Подростковый секс и нарушение прямых родительских запретов — не лучшее доказательство. А ты именно это и сделала.

— Да, сделала, — подтвердила я. — И не жалею об этом.

Папа побагровел, краска залила все лицо, от воротничка до корней волос. В свете кухонной лампы он казался очень-очень загорелым.

— Посмотрим, как ты запоешь сейчас, Грейс. Больше вы с ним не увидите. И теперь тоже не жалеешь?

— Ой, брось, — сказала я.

Его слова вдруг показались еле слышными и не важными. Мне нужно было присесть... прилечь... поспать... что-нибудь.

Каждое папино слово словно вгоняло новый гвоздь мне в виски.

— Нет, это ты брось. Все, шутки кончились. Мне не нравится, в кого ты с ним превращаешься. Он явно ни в грош не ставит нашу родительскую власть. Я не позволю тебе сломать себе жизнь по его милости.

Я скрестила руки на груди, чтобы родители не заметили, как они трясутся. Одна часть меня разговаривала сейчас с ними на кухне, а другая лихорадочно думала: «Что со мной такое?» Щеки у меня пылали, в висках звенело. В конце концов я все-таки обрела дар речи.

— Ты этого не сделаешь. Ты не можешь запретить мне видеться с ним.

— Еще как могу, — отрезал отец. — Тебе семнадцать лет, и ты живешь под моей крышей, и до тех пор, пока это так, я прекрасно это могу. Когда тебе исполнится восемнадцать и ты закончишь школу, у меня не будет права указывать тебе, что делать, но сейчас закон штата Миннесота целиком и полностью на моей стороне.

В животе у меня что-то странно колыхнулось, как от нервов, и в тот же миг что-то закололо во лбу. Я прижала палец к носу и заметила на нем красное пятно. Нельзя было, чтобы они его увидели; это лишь усугубило бы мое положение. Схватив со стола бумажный платок и прижав его к ноздрям, я сказала:

— Он не просто парень.

Мама отвернулась и взмахнула рукой с таким видом, как будто все это ужасно ей надоело.

— Как же.

В этот миг я ее ненавидела.

— На ближайшие четыре месяца это именно так, — сказал отец. — Ты не будешь с ним встречаться, пока я еще здесь главный. Я не желаю, чтобы такое, как сегодня, повторялось. Все, разговор закончен.

Я не могла больше находиться с ними в одной комнате. Не могла видеть, с каким выражением смотрит на меня через плечо мама — вскинув брови, как будто ожидая моего

следующего хода. И не могла больше выносить боль.

Я бросилась к себе в комнату и так хлопнула дверью, что внутри у меня все затряслось.

«Смерть — неистовая ночь и начало нового пути».^[8]

Почему-то вместо песни в голове у меня крутились эти слова. Я не помнила, кто их написал, помнила лишь, как Сэм однажды прочитал их вслух, подняв глаза от книги и словно пробуя на вкус. Я помнила даже тот момент: мы сидели в бывшем отцовском кабинете, я готовилась к докладу, а Сэм уткнулся в книгу. Тогда, в теплом уютном кабинете, за окнами которого хлестал ледяной дождь, произнесенная негромким голосом Сэма, эта цитата показалась невинной. Ну, может быть, тонкой.

Теперь, в безмолвной темноте моей пустой комнаты, эти слова крутились у меня в голове, наводя ужас.

Невозможно было и дальше делать вид, что со мной все в порядке. Кровь из носа все шла и шла, я израсходовала сначала все носовые платки, потом взялась за туалетную бумагу. Казалось, она не остановится никогда. Все внутренности у меня сводило судорогой, кожа пылала.

Больше всего мне сейчас хотелось понять, что такое со мной творится. И сколько еще это будет продолжаться. И чем закончится. Если бы я все это знала, если бы у меня была возможность уцепиться за что-то конкретное, кроме боли, я смогла бы примириться с ней.

Но ответов у меня не было.

Я не могла спать. Не могла шевелиться.

Я лежала с закрытыми глазами. Пустота там, где должен был лежать Сэм, казалась беспредельной. Раньше, до того, как все это произошло, достаточно было, проснувшись посреди ночи, просто перевернуться на другой бок, чтобы уткнуться носом ему в спину. Но сейчас Сэма здесь не было, и сон казался далеким и неважным по сравнению с разгорающимся внутри меня жаром.

В ушах снова прозвучал отцовский запрет видеть Сэма. У меня перехватило дыхание. Он передумает. Не мог он сказать это серьезно. Я заставила себя переключиться на что-нибудь другое. Например, на мой красный кофейник. Я не знала, существует ли подобная вещь в реальности, но если она существовала, я намеревалась купить ее. Немедленно. Почему-то мне вдруг показалось невероятно важным поставить это целью. Раздобыть денег, купить красный кофейник и съехать отсюда. Найти для него новое место.

Я улеглась на спину и положила руку на живот, пытаюсь определить, действительно ли под кожей что-то перекачивается. Опять стало жарко, в голове все плыло, она как будто существовала отдельно от остального тела.

Во рту стоял медный привкус. Сколько бы я ни сглатывала, он не уходил.

Я чувствовала себя... неправильно.

Что со мной происходит?

Спрашивать было не у кого, поэтому я принялась перечислять в уме симптомы. Боль в животе. Температура. Кровь из носа. Усталость. Запах волка. Выражение, с которым смотрели на меня волки; выражение, с которым смотрела на меня Изабел. Пальцы Сэма на моей руке, перед тем как он обнял меня в последний раз на прощание. Все это были

звоночки.

Я не могла больше отрицать очевидное.

Несмотря на то, что это мог быть всего лишь вирус. Несмотря на то, что это могло быть заболевание серьезное, но излечимое. Несмотря на то, что я не могла знать наверняка...

Я знала.

Эта боль... это было мое будущее. Превращение, контролировать которое мне не под силу. Я могу сколько угодно мечтать о красных кофейниках. Последнее слово все равно будет за моим телом.

Я уселась в темноте, загнала поглубже волчицу внутри меня, подтянула одеяло, так что оно собралось на коленях. Мне хотелось к Сэму. Прохладный воздух покусывал щеки и голые плечи. Как хорошо было бы снова оказаться в доме Бека, в постели Сэма под потолком из бумажных журавликов. Я проглотила боль, загнала ее поглубже. Если бы я сейчас была там, он обнял бы меня и сказал, что все будет хорошо, и все было бы хорошо, хотя бы на эту ночь.

Я представила, как еду обратно в темноте. Представила выражение его лица.

Я потеряла друг о друга босые ступни. Глупо было ехать туда сейчас. На то, чтобы остаться, была тысяча причин, но...

Я постаралась выкинуть ненужные мысли из головы. Сосредоточилась. Мысленно составила перечень необходимого. Возьму джинсы из среднего ящика комода, натяну свитер и какие-нибудь носки. Родители ничего не услышат. Пол почти не скрипит. Мой план может сработать. Из родительской спальни наверху давно уже не доносилось ни звука. Если не включать фары, они, может быть, не заметят, как я отъезжаю от дома.

Мысль о побеге подхлестывала мой пульс.

Я понимала, что не стоит нарываться на новые неприятности, родители и так уже разозлились. Понимала, что нелегко будет вести машину, когда в ушах так стучит кровь, а под кожей плещется жар.

Но какие еще неприятности могли со мной случиться? Мне и так уже запретили с ним видеться. Что еще они могут мне сделать?

К тому же я не знала, сколько еще ночей мне осталось.

Я вспомнила, как пренебрежительно мама отозвалась о моей любви, принизив ее до вожделения. Как потом я бродила по лесу, пытаюсь заставить себя раскаяться в том, что накричала на нее. Как папа заглядывал ко мне в комнату, чтобы посмотреть, нет ли там Сэма. Когда они в последний раз интересовались, где я была, как живу, не нужно ли мне что-нибудь?

Я видела родителей вдвоем; они были семьей. Они до сих пор трогательно заботились друг о друге, даже в мелочах. И я видела Бека, видела, как хорошо он знал Сэма. Как он любил его. И как Сэм до сих пор кружил по орбите его памяти, словно потерянный спутник. У них была семья. А у меня с родителями... мы просто жили под одной крышей. Иногда.

Интересно, можно ли перерасти своих родителей?

Мне вспомнилось выражение, с которым смотрели на меня волки. Вспомнилось, как я гадала, сколько времени мне осталось. Сколько ночей отмерено мне с Сэмом, и сколько из них я уже потратила здесь в одиночестве.

Во рту все еще стоял медный привкус. Болезнь внутри меня не собиралась отступить. Она пожирала мои силы, но пока я все еще была сильнее. Пока я еще могла кое-что контролировать.

Я выбралась из постели.

Ощущая ледяное спокойствие, я двинулась по комнате, собрала джинсы, белье, футболки и две запасные пары носков. Я словно находилась в центре урагана — точке тишины внутри хаоса. Вещи я засунула в рюкзак вместе с домашним заданием и любимой книгой Сэма, томиком Рильке, который он оставил на тумбочке у кровати. Я коснулась края комода, взяла с кровати подушку, остановилась перед окном, из которого давным-давно смотрела на желтоглазого волка. Сердце билось болезненными толчками; я ожидала, что вот-вот мать или отец откроют дверь и застукают меня в разгар сборов. Должен же кто-нибудь почувствовать всю серьезность того, что я затеваю.

Однако ничего не произошло. Проходя по коридору, я прихватила из ванной зубную щетку и расческу для волос. В доме по-прежнему было тихо. Перед входной дверью я заколебалась, держа ботинки в руке и прислушиваясь.

Тишина.

Неужели мне все это не чудится?

— Пока, — прошептала я. Руки у меня тряслись.

Дверь прошуршала по коврику на крыльце и закрылась.

Я не знала, когда вернусь.

Без Грейс я превратился в ночного зверя. Устроил в кухне охоту на муравьев, поджидая их в тусклом свете лампы с листом бумаги и стаканом, чтобы вынести на улицу. Вытащил пыльную гитару Пола с каминной полки и принялся ее настраивать. Сначала классическим методом. Потом на тон опустил шестую струну. Потом — первую и вторую. Потом перестроил назад на классический строй. Полистал в подвале книги Бека, пока не нашел какую-то книгу про налоги, еще одну про то, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей, и третью — про медитацию. Зачем-то сложил их в стопку, хотя читать совершенно не собирался. Поднявшись в ванную, уселся на кафельный пол и принялся экспериментальным методом искать лучший способ подстригать ногти на ногах. Если я подставлял под ступню ладонь, поймать удавалось только половину обрезков, а если позволял им свободно разлетаться, то мог отыскать на белом кафеле все ту же самую половину. Так что битву я в любом случае проигрывал с пятидесятипроцентными потерями.

В процессе педикюра я услышал, как на улице за окном комнаты Бека завывали волки. Их песнь каждый раз звучала по-новому, в зависимости от того, что было у меня на душе. Она могла быть торжественным хоралом, неземным в своей красоте, а могла — зловещей симфонией, где каждая нота сиротливо замирала в ночи. Или радостным призывом к луне.

Сегодня это был нестройный хор, в котором протяжные голоса наперебой соревновались за внимание, перемежаясь тревожным тьяканьем. Песнь разлада. Песнь разобщенности. Так стая обычно выла в те ночи, когда Бек или Пол были людьми, но сегодня оба вожака были на месте. Не хватало одного меня.

Я поднялся и подошел к окну, чувствуя, как гладкие половицы холодят подошвы моих человеческих ног. Мгновение поколебавшись, я отодвинул щеколду и распахнул окно. В комнату хлынул ледяной ночной воздух, но теперь он бессилен был что-либо со мной сделать. Я был и оставался человеком. С собой.

Вместе с воздухом в комнату ворвались и волчьи голоса.

Неужели они скучают по мне?

Нестройный хор продолжал звучать, и это был скорее протест, нежели песня.

Я скучаю по вам, ребята.

И тут я со смутным удивлением понял, что именно этим все и исчерпывается. Я скучал по ним. Но не по прошлой жизни. Я стоял, облокотившись на подоконник, и моя душа наполнилась человеческими воспоминаниями, чаяниями и страхами, я знал, что состарюсь человеком, и мне это нравилось. Я не хотел бы стать одним из волков, которые выли сейчас в лесу. Это не шло ни в какое сравнение со струнами гитары под пальцами. Их надрывная песня никогда не смогла бы прозвучать так торжествующе, как мой голос, произносящий имя Грейс.

— Тут некоторые пытаются спать! — крикнул я в темноту, и она проглотила эту ложь.

Вой затих. Темнота застыла в безмолвии; ни птичий крик, ни шелест листвы не нарушали мертвую ночную тишь. Лишь где-то далеко на шоссе шуршали шинами автомобили.

— У-у-у-у! — завыл я, чувствуя себя полным дураком.

Ответом мне была все та же тишина. Достаточно долгая, чтобы я успел понять, как сильно мне хочется быть им нужным.

Потом они завыли снова, так же громко, как и прежде, перекрывая друг друга с новой решимостью.

Я ухмыльнулся.

Знакомый голос за спиной заставил меня вздрогнуть; я едва не ухватился за сетку в окне.

— Я думала, у тебя звериное чутье и ты за милю слышишь, если где-то падает булавка.

Грейс. Это был голос Грейс.

Когда я обернулся, она стояла на пороге с рюкзаком на одном плече. Улыбка у нее была... робкая.

— А ты даже не услышал, как я пробралась к тебе в дом, пока ты... кстати, чем это ты занимался?

Я закрыл окно и обернулся к ней, не веря своим глазам. На пороге комнаты Бека стояла Грейс. Грейс, которой полагалось мирно спать у себя дома. Грейс, которая не шла у меня из головы, когда я не мог мечтать. Почему я вообще так удивился? Разве я не знал с самого начала, что она появится здесь? Разве не ожидал увидеть ее на пороге?

В конце концов я стряхнул оцепенение и подошел к ней. Я мог бы ее поцеловать, но вместо этого протянул руку к свободной лямке ее рюкзака и провел большим пальцем по ребристой поверхности. Вот и ответ на один из моих невысказанных вопросов. Еще один ответ я получил, когда почуял от нее все тот же волчий запах. На языке у меня крутилась еще масса вопросов: «Ты представляешь, что будет, когда они обо всем узнают?», «Ты понимаешь, что это все изменит?», «Тебя устраивает, какого они будут мнения о тебе? А обо мне?» — но Грейс, очевидно, уже ответила на них «да», иначе ее бы здесь не было. Она не вышла бы за порог своей комнаты, не обдумав всего.

Значит, задать оставалось один-единственный вопрос:

— Ты точно этого хочешь?

Грейс кивнула.

Вот так одним махом все перевернулось.

Я осторожно потянул лямку рюкзака и вздохнул:

— Ох, Грейс.

— Ты сердишься?

Я взял ее за руки и покачал их туда-сюда, как будто танцевал, не отрывая ног от пола. В голове у меня крутились строки Рильке: «Любимая, где же ты, никогда не пришедшая»^[9] — вперемежку со словами ее отца: «Я очень стараюсь не наговорить ничего такого, о чем потом пожалею» — и мысли о том, что вот она, моя заветная мечта, во плоти, наконец-то в моих руках.

— Мне страшно, — признался я.

Но губы у меня сами собой растянулись в улыбке. А когда она увидела, что я улыбаюсь, тревожное облачко у нее на лице, которого я даже не заметил, рассеялось, оставив после себя ясное небо и солнце.

— Привет, — сказал я и обнял ее.

Теперь, когда она находилась здесь, в моих объятиях, я скучал по ней даже больше, чем когда ее не было рядом.

Все вокруг было замедленное и в тумане, как будто во сне.

Это была чья-то чужая жизнь, это какая-то другая девчонка сбежала к своему парню. Это была не правильная до мозга костей Грейс, которая никогда не забывала вовремя сдать домашнее задание, отказывалась от вечеринок и не выходила за рамки дозволенного. И тем не менее именно я в теле этой непокорной девчонки аккуратно выкладывала свою зубную щетку рядом с новенькой красной щеткой Сэма, как будто это был и мой дом тоже. Как будто я собиралась задержаться тут на какое-то время. Глаза у меня резало от усталости, но мозг лихорадочно работал, даже не думая засыпать.

Боль немного притихла, успокоилась. Я знала, что она просто затаилась, отпугнутая близостью Сэма, но была рада этой небольшой передышке.

На полу около унитаза я заметила серпик обрезанного ногтя. Его совершенная обыденность каким-то образом вдруг заставила меня окончательно понять, что я стою в ванной у Сэма дома и собираюсь провести с ним ночь в его постели.

Родители меня убьют. Что они будут делать утром? Позвонят мне на мобильник? И будут слушать его звонки из того места, куда они его спрятали? Могут и в полицию заявить. Мне ведь еще не исполнилось восемнадцати. Я закрыла глаза и представила, как в дверь стучится офицер Кениг, а за спиной у него стоят мои родители, с нетерпением ожидающие возможности вернуть меня домой. Меня замутило.

В дверь ванной негромко постучался Сэм.

— У тебя все в порядке?

Я открыла глаза и покосилась на него. Он успел переодеться в спортивные брюки и футболку с осьминогом на груди. Наверное, это все-таки была хорошая идея.

— Все в порядке.

— Ты такая милая в этой пижаме, — сказал он нерешительно, как будто признался в чем-то таком, чего произносить вслух не собирался.

Я протянула руку и положила ладонь ему на грудь, чувствуя, как она вздымается и опадает под тонким трикотажем.

— Ты тоже.

Сэм сложил губы в сокрушенную гримаску и, оторвав мою руку от своей груди, повел прочь из ванной.

Его спальню озарял лишь свет из коридора и рассеянный отблеск фонаря над крыльцом, проникавший сквозь окно; в полутьме я смутно различила белое одеяло, аккуратно разложенное на кровати. Сэм отпустил мою руку и сказал:

— Ты иди в комнату, а я выключу свет в коридоре, только смотри, никуда не врежься.

Он отвернулся от меня с застенчивым выражением; я понимала, что он сейчас испытывает. У меня тоже было такое чувство, как будто мы только что познакомились и ни разу еще не целовались и не проводили ночь в одной постели. Все было таким новеньким, блестящим и восхитительным.

Я забралась в постель и устроилась на холодной простыне у стенки. Свет погас, и я услышала, как Сэм вздохнул — тяжело и судорожно, — а потом под его ногами заскрипели половицы. Он улегся в кровать; в темноте я слабо различала очертания его плеч.

Какое-то время мы просто лежали рядом, не соприкасаясь друг с другом, как два

незнакомца, а потом Сэм повернулся на бок ко мне лицом, так что его голова оказалась на одной подушке с моей.

Он поцеловал меня, очень ласково и бережно, и в этом поцелуе был и восторг первого поцелуя, и опыт накопленных воспоминаний обо всех наших поцелуях. Сквозь футболку я чувствовала, как колотится у него сердце, и этот глухой стук стал еще чаще, когда наши ноги переплелись.

— Я не знаю, что будет дальше, — произнес он негромко, уткнувшись мне в шею, так что его дыхание защекотало кожу.

— И я не знаю, — сказала я.

От волнения и того, что ждало своего часа внутри, в животе у меня все связалось в узел.

За окнами немедленно завыли волки; их еле различимые голоса вздымались и затихали вновь. Сэм рядом со мной замер.

— Скучаешь по той жизни? — спросила я его.

— Нет, — отозвался он подозрительно быстро; за такое короткое время он не мог обдумать мой вопрос. — Это не то, чего я хочу. Я хочу быть собой. Хочу отдавать себе отчет в том, что делаю. Хочу помнить. Хочу иметь какое-то значение.

Только он ошибался. Он всегда имел значение, даже когда был волком в лесу у меня за домом.

Я поспешно отвернулась и вытерла нос платком, который прихватила из ванной. Даже не глядя на него, я могла сказать, что на нем остался алый след.

Сэм тяжело вздохнул, обнял меня и уткнулся мне в плечо. Он втянул носом мой запах, и я почувствовала, как он держит меня за пижамную кофту.

— Останься со мной, Грейс, — прошептал он, и я сжала трясущиеся руки в кулаки. — Пожалуйста, останься со мной.

Я чувствовала запах, который исходил от моей кожи, приторный запах миндаля, и понимала, что он говорит не только о сегодняшней ночи.

СЭМ

Я держу тебя в ладонях, словно бабочку,
попавшую в плен.

У тебя нет больше крыльев, ты наследница
проклятья моего.

Но ты ускользаешь,
ты от меня ускользаешь...

Самый долгий день в моей жизни начался и закончился, когда Грейс сомкнула глаза.

Наутро я проснулся и обнаружил, что Грейс не мирно спит в моих объятиях, а скорее разметалась поверх меня и моей подушки, придавив меня к постели. Из окна лился солнечный свет; лучи солнца прямоугольником обрамляли наши тела на кровати. Мы умудрились проспать все утро. Не помню уже, когда я последний раз так спал — как убитый, не обращая внимания на бьющее в глаза солнце. Приподнявшись на локте, я взглянул на Грейс, и меня охватило странное, гнетущее чувство, словно на меня разом навалилась тяжесть тысяч непрожитых дней, нагроможденных один на другой. Она что-то пробормотала в полусне и перевернулась ко мне лицом. Я заметил у нее на щеке красную полоску, но она тут же смазала ее запястьем.

— Фу, — сказала она и широко открыла глаза, чтобы взглянуть на руку.

— Дать тебе платок? — спросил я.

Грейс простонала.

— Я сама принесу.

— Все нормально, — сказал я. — Я уже встал.

— Нет, не встал.

— Встал. Видишь, я приподнялся на локте. Значит, я в тысячу раз ближе к тому, чтобы встать, чем ты.

В обычных обстоятельствах я бы поцеловал ее, или принялся бы щекотать, или погладил по бедру, или положил голову ей на живот, но сегодня мне было страшно ее сломать.

Грейс покосилась на меня, как будто такая сдержанность показалась ей подозрительной.

— Я могу просто вытереть нос о твою футболку!

— Вас понял! — отчеканил я и пошел за платком.

Когда я вернулся, ее спутанные волосы закрывали лицо, не давая мне разглядеть его выражение. Она молча вытерла руку и быстро скомкала платок, но я все же успел увидеть на нем кровь.

Внутри у меня все натянулось, как пружина.

Я протянул ей стопку бумажных платков.

— По-моему, надо отвезти тебя к врачу.

— Да какой от этих врачей толк, — отозвалась Грейс.

Она промокнула нос платком, но он остался чистым. Тогда она еще раз вытерла запястье.

— Я все равно считаю, что надо съездить, — возразил я. Должно же хоть что-то унять беспокойство, поселившееся в моей груди.

— Терпеть не могу врачей.

— Я знаю, — сказал я.

Это была правда. Грейс не раз поднимала эту тему прежде; впрочем, я полагал, что дело тут скорее в нежелании тратить время, чем в страхе или неприязни к медицинским

работникам. Я считал, что на самом деле ее не привлекает необходимость сидеть в приемном отделении.

— Давай поедem не в больницу, а в медицинский центр. Там все быстрее.

Грейс поморщилась, потом пожала плечами.

— Ладно.

— Спасибо, — с облегчением сказал я, а она упала обратно на подушку.

Грейс закрыла глаза.

— Вряд ли они что-нибудь найдут.

Я подумал, что она, скорее всего, права. Но что еще мне оставалось?

ГРЕЙС

Я отчасти даже хотела пойти к врачу — вдруг мне все-таки смогли бы помочь? Но еще сильнее я боялась, что не смогут. Ведь тогда у меня не останется даже надежды.

Пребывание в медицинском центре еще больше усилило ощущение нереальности всего происходящего. Я здесь никогда не бывала, а вот Сэм, похоже, неплохо ориентировался. Стены были выкрашены в грязноватый оттенок морской волны, а кабинет украшала настенная роспись в виде четырех бесформенных китов-касаток, резвящихся в волнах. Все то время, пока врач с медсестрой задавали мне вопросы, Сэм то прятал руки в карманы, то вытаскивал их обратно. Когда я покосилась на него, он на несколько минут прекратил это занятие, а потом принялся выкручивать пальцы так, что затрещали косточки.

В голове у меня все плыло, о чем я и сообщила доктору, а мой нос послушно продемонстрировал медсестре кровотечение. Боль в животе, впрочем, я могла описать лишь на словах, а когда попыталась заставить их понюхать мою кожу, оба явно пришли в недоумение, хотя доктор все-таки подчинился.

Девяносто пять минут спустя после того, как мы переступили порог медцентра, я вышла оттуда с рецептом на средство от сезонной аллергии, рекомендацией принимать препараты железа и промывать нос соленой водой, а также вооруженная теоретическими знаниями об особенностях подросткового возраста и вреде недосыпа. А Сэм стал на шестьдесят долларов беднее.

— Ну как, тебе полегчало? — спросила я у него, когда он открывал передо мной дверцу своего «фольксвагена».

В ненастный весенний день он казался взъерошенной птицей, сиротливо чернеющей на фоне серых облаков. Из-за обложного неба невозможно было сказать, начинается ли день или уже идет к концу.

— Да, — отозвался Сэм.

Врать он так и не научился.

— Вот и славно, — заключила я, умеющая врать по-прежнему виртуозно.

То, что сидело во мне, со стоном потянулось и напомнило о себе болью.

Сэм повез меня пить кофе, но я не сделала ни глотка. Пока мы сидели в «Кенниз», у него зазвонил телефон. Сэм показал мне трубку, и я увидела на экранчике номер Рейчел.

Он откинулся на спинку и передал телефон мне. Рукой он обнимал меня за плечи, это было хотя и очень неудобно, но приятно, однако я не могла даже пошевелинуться. Я положила голову ему на плечо и откинула крышку телефона.

— Да?

— Грейс, чтоб тебя, ты что, совсем спятила?

В животе у меня все связалось в узел.

— А, ты, наверное, пообщалась с моими родителями.

— Они позвонили мне домой. Думаю, они вообще всех на уши подняли. Спрашивали, не у меня ли ты, потому что ты, «по всей видимости, не ночевала дома» и не подходила к телефону, так что они были слегка обеспокоены, самую чуточку, но мне было очень неприятно оказаться втянутой в эту историю!

Я прижала ладонь ко лбу и облокотилась на стол. Сэм из вежливости сделал вид, будто ничего не слышит, хотя голос у Рейчел всегда был громкий.

— Прости, Рейчел. Что ты им сказала?

— Ты же знаешь, что я не умею врать, Грейс! Я не могла сказать им, что ты у меня!

— Я понимаю, — отозвалась я.

— Поэтому я сказала им, что ты у Изабел, — продолжала Рейчел.

Я захлопала глазами.

— Ты что?

— А что еще мне оставалось делать? Сказать им, что ты у нашего мальчика, чтобы они явились к нему и прибили вас обоих?

— Они все равно рано или поздно узнают, — ответила я несколько более воинственно, чем намеревалась.

— То есть как это? Ты хочешь сказать, что не собираешься возвращаться домой? Скажи, что ты просто психанула, потому что они посадили тебя под домашний арест. Или что тебе просто до зарезу приспичило подержаться за помидоры нашего мальчика. Только не говори, что это навсегда!

При упоминании о «помидорах» лицо у Сэма странно вытянулось.

— Я не знаю, — призналась я Рейчел. — Я так далеко не загадывала. Но пока что назад возвращаться не хочу. Мама заявила, что у нас с Сэмом все несерьезно и что мне неплохо бы уяснить разницу между любовью и похотью. А вчера вечером папа запретил мне видеться с ним, пока мне не исполнится восемнадцать.

Вид у Сэма стал ошарашенный. Об этом я ему не говорила.

— Ничего себе! Да уж, и почему только эти предки так однобоко все понимают? Тем более что наш мальчик... ну, в общем, наш мальчик просто чудо, так что не понимаю, в чем проблема. И тем не менее что мне оставалось делать? Вы собираетесь... э-э... Так что вы собираетесь делать?

— Ну, в конце концов мне надоест носить по очереди две футболки, так что придется явиться домой и встретиться с ними лицом к лицу. А до тех пор... до тех пор я не собираюсь с ними разговаривать.

Странно было слышать из собственных уст такие слова. Да, я злилась на родителей за то, что они наговорили. Но даже я понимала, что сами по себе все эти вещи не стоили того, чтобы из-за них сбегать из дома. Это была скорее вершина айсберга, и я не столько сбежала, сколько довела до логического конца их эмоциональное отдаление от меня. Мы могли жить, по целым дням не встречаясь друг с другом, так *что* изменилось для них в этом смысле сегодня?

— Ничего себе, — снова сказала Рейчел. Если уж даже она не находила никаких других слов, это значило, что она в замешательстве.

— Я просто съта всем этим по горло, — сказала я и с удивлением отметила, что голос у меня немного дрожит. Надеюсь, Сэм этого не заметил; во всяком случае, я позаботилась о том, чтобы теперь мой голос звучал твердо. — Мне надоело притворяться, какая мы счастливая семья. Теперь я сама буду о себе заботиться.

Этот миг вдруг показался мне необыкновенно важным; сидя в обшарпанной кабинке в «Кенниз» и глядя на отражение нас с Сэмом в салфетнице, я чувствовала себя плавучим островком, который течение относит все дальше и дальше от суши. Я попыталась вобрать в себя всю эту картину: тусклое освещение, щербатые тарелки, нетронутая кружка кофе передо мной на столе, неприметные цвета нескольких футболок, которые Сэм натянул одну поверх другой.

— Ничего себе, — повторила Рейчел и надолго умолкла. — Грейс, раз уж все действительно так серьезно... не наломай дров, ладно? Я хочу сказать... побереги нашего мальчика. У меня такое впечатление, что это будет война из тех, после которой остаются горы трупов и выжженная пустыня вокруг.

— Поверь мне, — сказала я, — единственное, что я твердо намерена сберечь, это наш мальчик.

Рейчел шумно выдохнула.

— Ясно. Ты же знаешь, я для тебя что угодно сделаю. И еще, наверное, тебе стоит связаться с этой фифой, чтобы она тоже была в курсе ваших дел.

— Спасибо, — сказала я, и Сэм положил голову мне на плечо, будто вдруг обессилел точно так же, как и я. — Увидимся завтра, ладно?

Рейчел утвердительно хмыкнула и повесила трубку. Я сунула телефон Сэму обратно в карман и уткнулась лбом ему в висок. Закрыв глаза, я вдохнула запах его волос и на миг представила, что мы снова в доме Бека. Мне хотелось свернуться клубочком у него под боком и уснуть, не тревожась ни о конфликте с родителями, ни о Коуле, ни о запахе миндаля, который снова начал исходить от моей кожи.

— Проснись, — сказал Сэм.

— Я не сплю, — возмутилась я.

Сэм посмотрел на меня, потом на мой кофе.

— Ты даже не прикоснулась к своему жидкому топливу, Грейс.

Не дожидаясь ответа, он вытащил из бумажника несколько банкнот и придавил их к столу собственной пустой чашкой. Вид у него был усталый и постаревший, под глазами темнели круги, и внезапно меня охватило чувство вины. Теперь ему приходится еще и со мной возиться.

Под кожей снова забегали иголки, во рту появился знакомый медный привкус.

— Поехали домой, — сказала я.

Сэм не стал уточнять, какой дом я имела в виду. Теперь дом у меня был только один.

СЭМ

Я должен был предвидеть, что этим все и закончится. Впрочем, возможно, в каком-то смысле я это и предвидел, потому что совершенно не удивился, увидев на дорожке перед домом Бека сверкающий голубой джип размером с небольшой магазин. На номерном знаке значилось «КАЛПЕРЕР», а перед ним стоял Том Калперер собственной персоной. Яростно жестикулируя, он втолковывал что-то Коулу, на лице у которого застыло выражение крайней скуки.

Мне не за что было ненавидеть Тома Калперера, если не считать устроенной им охоты на волков, когда он ранил меня в шею. Поэтому, увидев его перед домом, я почувствовал, как скрутило желудок.

— Это Том Калперер? — спросила Грейс кислым, под стать моему настроению, тоном. — Думаешь, он тут из-за Изабел?

Я припарковался, и по коже у меня пробежал тревожный холодок.

— Нет, — ответил я. — Вряд ли.

КОУЛ

Том Калперер был просто подонок.

Поскольку я и себя считал таким же, то имел право на подобные мысли. Он уже минут пять пытался вытянуть из меня, где ему искать Бека, когда маленький серый «фольксваген» Сэма затормозил у обочины. Сэм вылез из машины с каменным лицом. Он явно уже встречался с этим типом.

Том Калперер заткнул фонтан и уставился на Сэма, который шел по мерзлой лужайке.

— Помощь нужна? — осведомился Сэм.

Калперер сунул большие пальцы рук в карманы штанов и принялся буравить Сэма взглядом. Вид у него внезапно стал довольный и самоуверенный.

— Ты — парнишка Джеффри Бека. Приемьш.

Сэм холодно улыбнулся.

— Да, это я.

— Не знаешь, он сейчас далеко?

— Боюсь, что да, — отозвался Сэм.

К нам подошла Грейс и остановилась между мной и ним. Брови у нее были задумчиво сведены, как будто ей не давала покоя какая-то музыка, слышная ей одной, и музыка эта ей не нравилась. При виде ее дружелюбное выражение на лице Калперера стало хищным.

— Я передам ему, что вы заезжали, — пообещал Сэм.

— Его сегодня не будет? — не отставал Калперер.

— Нет, сэр, — ответил Сэм, каким-то образом умудрившись произнести это вежливо и дерзко одновременно. Возможно, это вышло случайно.

— Очень жаль. Потому что у меня есть для него подарок, который я очень хотел вручить

ему лично в руки. Хотя, знаешь, я подумал, ты сможешь ему его передать.

Он кивнул на задок своего джипа.

Лицо у Сэма посерело; мы подошли ближе, Грейс держалась слегка позади.

— Как думаешь, это может заинтересовать мистера Бека? — спросил Калперер и открыл багажник.

Вот оно. Бывают мгновения, бесповоротно изменяющие жизнь, и это мгновение стало для меня именно таким.

В багажнике джипа между полиэтиленовыми пакетами и пустой канистрой из-под бензина я увидел мертвого волка. Он лежал на боку, с поджатыми лапами, иначе его не удалось бы впихнуть в багажник. Мех на горле и в подбрюшье был в крови. Из приоткрытой пасти безжизненно свисал язык.

Виктор.

Сэм прижал к губам кулак, но тут же опустил его. Я смотрел на светло-серую морду с темными подпалинами, а из багажника на меня без всякого выражения смотрели карие глаза Виктора.

Я стиснул руки в кулаки, чтобы не тряслись. Сердце отчаянно колотилось. Надо было отвернуться, но я не мог.

— Это еще что такое? — холодно осведомился Сэм.

Калперер взял волка за заднюю лапу и одним рывком выдернул из багажника. Мертвый зверь с тошнотворным стуком плюхнулся на асфальт. Грейс вскрикнула; ее голос был полон ужаса, который только еще начинал подниматься из глубин моей души.

Во что бы то ни стало нужно было отвернуться. К горлу подкатила волна тошноты.

— Передай своему отцу вот что, — рявкнул Калперер. — Пусть прекращает прикармливать этих тварей. Если увижу на моем участке хоть одного, я его пристрелю. И вообще, я пристрелю любого волка, который попадется мне на глаза. У нас тут Мерси-Фоллз, а не волчий заказник. — Он повернулся к Грейс; выглядела она ничуть не лучше моего. — Мне казалось, ты могла бы найти себе компанию и попримечнее, учитывая, кто твой отец, — сказал он ей.

— Попримечнее, чем ваша дочь? — уточнила Грейс.

Калперер неприятно улыбнулся.

Сэм совершенно затих, но голос Грейс точно заставил его очнуться.

— Мистер Калперер, вы, я уверен, в курсе, кем работает мой приемный отец.

— Вполне. Профессия — это то небольшое, что у нас с ним общего.

Голос Сэма был пугающе спокоен.

— Я совершенно уверен, что открытое кладбище мертвых животных на чужой территории влечет за собой определенные правовые последствия. Тем более что охотничий сезон практически ни на одно дикое животное еще не открыт, а на волков — абсолютно точно. И, полагаю, если кому-то известно об этих правовых последствиях, то это ему.

Калперер покачал головой и двинулся к водительской двери.

— Разумеется. Удачи ему в поисках правды. Чтобы склонить судьбу на свою сторону, нужно жить в Мерси-Фоллз побольше, чем шесть месяцев в году.

У меня руки чесались ему врезать. До смерти хотелось стереть эту самодовольную улыбочку с его физиономии.

Вряд ли мне удалось бы сдержаться.

Я почувствовал чье-то прикосновение, опустил глаза и увидел пальцы Грейс, сжавшие

мое запястье. Она вскинула на меня глаза и прикусила губу. Судя по ее выражению и позе, ей тоже очень хотелось сделать из него отбивную, именно это меня и остановило.

— Уберите с дороги эту падаль, если не хотите, чтобы я его переехал, — бросил Калперер, закрывая водительскую дверцу, и мы как по команде бросились оттаскивать труп Виктора к обочине, пока джип не дал задний ход.

Давным-давно я не чувствовал себя таким маленьким, абсолютно беспомощным против взрослого.

Как только голубой джип скрылся из виду, Грейс сказала:

— Он уехал. Вот скотина.

Я упал на колени рядом с волком и обхватил его морду руками. Глаза Виктора смотрели на меня, тусклые и безжизненные, с каждым мгновением становясь все меньше и меньше похожими на человеческие.

И тогда я сказал то, что должен был сказать давным-давно:

— Прости, Виктор. Я так виноват перед тобой. Я говорил это последнему погубленному мной человеку.

По-моему, могил для одного года я вырыл уже многовато.

Мы с Коулом принесли из гаража лопату и принялись по очереди долбить подмерзшую землю. Я не знал, что ему сказать. На языке крутились десятки слов, которые предназначались для Тома Калперера, но, когда я попытался найти что-нибудь подходящее для Коула, ничего не вышло.

Я хотел, чтобы Грейс подождала в доме, но она уперлась. Она смотрела на нас из-за деревьев, скрестив на груди руки, и глаза у нее были красные.

Я выбрал этот поросший редким лесом пригорок, потому что летом здесь было очень красиво; в дождь листва вздрагивала, открывая взгляду глянцевиую белую изнанку, волнующуюся на ветру. Впрочем, мне никогда еще не удавалось побывать здесь в человеческом обличье в эту пору года, а оно тоже того стоило. Пока мы копали, вечер преобразил лес, на землю легли полосы теплого солнечного света, все прочертили длинные синеватые тени. Сцена походила на картину, сплошь покрытую мазками желтого и индиго, творение импрессиониста, изображающее трех подростков на вечернем погребении.

Коул вновь претерпел преобразование. Когда я отдавал ему лопату, мы переглянулись, и впервые с момента нашего знакомства в его глазах я не заметил пустоты. Когда наши глаза встретились, я увидел боль и вину... и Коула.

Наконец-то Коула.

Тело Виктора лежало в нескольких шагах от нас, прикрытое простыней. Пока я копал, в голове сами собой сложились стихи.

Ты плывешь к неизвестному острову,
бесприютный и заблудившийся.
Ты шагаешь по дну морскому
глубоко-глубоко под нами.

Грейс поймала мой взгляд, как будто поняла, чем я занят. Эти стихи были и про нее тоже, и я заставил себя не думать о них. Я копал, а потом ждал своей очереди копать. Я не хотел думать больше ни о чем, пока солнце медленно клонилось к горизонту.

Когда могила была выкопана, мы оба заколебались. Со своего места я видел брюхо Виктора и рану, через которую ушла его жизнь. В конце концов он все-таки умер зверем.

Калперер вполне мог вытащить из багажника своего джипа тело Бека или Пола. А в прошлом году — и меня самого. Это был почти я.

Когда могила наконец была выкопана и они с Сэмом стояли на ее краю и смотрели на распростертое рядом с ямой тело, я поняла, что Коул не сможет это сделать. Он стоял, судорожно дыша, так что с каждым выдохом его пошатывало, и я видела, что все его самообладание — напускное.

Я представляла себя на его месте.

— Коул, — сказала я, и они с Сэмом как по команде повернулись ко мне.

Им пришлось опустить головы, потому что силы стоять у меня давным-давно кончились. Со своего места на куче холодной мертвой листвы я махнула в сторону Виктора.

— Может, ты что-нибудь ему скажешь? Ну, Виктору.

Сэм изумленно захлопал глазами. Наверное, он забыл, что мне однажды пришлось говорить ему «прощай». Я знала, каково это.

Не глядя на нас, Коул прижал кулак ко лбу и сглотнул.

— Я не могу....

Он умолк, потому что у него дрожал голос. Я увидела, как дернулся у него кадык.

Ему было еще сложнее из-за нас. Приходилось подавлять боль и слезы.

Сэм быстро все понял и предложил:

— Мы можем отойти, если ты хочешь побыть один.

— Не уходите, пожалуйста, — прошептал Коул.

Глаза у него были сухие, но с моего собственного подбородка капнула слеза, холодная по сравнению с разгоряченной кожей.

Сэм долго ждал, когда Коул заговорит, но тот все молчал, и Сэм принялся нараспев читать стихотворение, сухо и негромко:

Ко всему, что живет и звучит, смерть приходит
во тьме,
как ботинок пустой, словно платье, лишённое
тела...^[10]

Коул замер. Не шевелился. Не дышал. Так замирают, когда полностью погружаются в свои переживания.

Сэм шагнул к Коулу и нерешительно положил руку ему на плечо.

— Это не Виктор. Это то, что Виктор носил. Теперь это ему не нужно.

Оба взглянули на труп волка, маленький, неподвижный и какой-то жалкий.

Коул опустился на землю.

КОУЛ

Мне нужно было заглянуть ему в глаза.

Я откинул простыню, чтобы ничего не загоразивало Виктора от меня. Карие глаза были пустыми и смотрели куда-то вдаль, тень его настоящих глаз.

Холод сотрясал мои плечи, предвестник того, что должно было произойти, но я усилием воли отодвинул это ощущение. Я посмотрел в глаза Виктора и попытался представить, что вокруг них нет волчьей морды.

Мне вспомнился день, когда я спросил Виктора, не хочет ли он сколотить вместе со мной группу. Мы сидели у него в комнате, четверть которой занимала кровать, а оставшиеся три четверти — ударная установка, и он выстукивал какое-то соло. В маленькой комнатке было такое зверское эхо, что казалось, там не один, а три барабанщика. На стенах подрагивали постеры в рамках, будильник мелкими прыжками подбирался к краю прикроватной тумбочки. Глаза у Виктора горели маниакальным огнем, и каждый раз, ударяя в большой барабан, он строил мне безумную гримасу.

Я еле разобрал, что кричит из соседней комнаты Энджи:

— Вик, у меня сейчас барабанные перепонки лопнут! Коул, закрой эту дурацкую дверь!

Я захлопнул дверь комнаты.

— Клево, — сказал я Виктору.

Он бросил мне одну из палочек. Она просвистела над головой, и мне пришлось подскочить с места, чтобы поймать ее.

Я забарабанил по тарелкам.

— Виктор! — рявкнула Энджи.

— Это волшебные руки! — заорал он в ответ.

— Когда-нибудь люди будут платить деньги за возможность послушать! — крикнул я.

Виктор ухмыльнулся и одной палочкой выбил стремительную дробь.

Я еще раз грохнул по тарелкам, чтобы позлить Энджи, и повернулся к Виктору.

— Ну как? — спросил он и снова заколотил по своим барабанам, наподдав в процессе по палочке, которую я держал в руке.

— Значит, ты готов ввязаться в эту затею? — спросил я его.

Виктор опустил свою единственную палочку. Его взгляд был устремлен на меня.

— Что за затея?

— «Наркотика», — сказал я.

Сейчас, на ледяном пронизывающем ветру, в последних лучах солнца я протянул руку и коснулся меха на загривке Виктора.

— Я хотел сбежать, — произнес я хрипло. Голос у меня дрожал. — Я хотел забыть все. Я думал... думал, что мне нечего терять.

Волк лежал на земле, маленький, серый и неподвижный в скудеющем свете. Мертвый. Я все смотрел и смотрел ему в глаза. Ни в коем случае нельзя было забывать, что это не волк. Это Виктор.

— И у меня это получилось, Виктор. — Я покачал головой. — Ты меня понимаешь? Когда ты волк, все исчезает. Это именно то, чего я и хотел. Как же это хорошо. Абсолютное забвение. Я мог бы быть сейчас волком и ничего бы этого не запомнил. Как будто ничего и не было. Мне было бы наплевать, что тебя больше нет, потому что я не помнил бы, кто ты такой вообще.

Краешком глаза я заметил, как Сэм отвернулся в сторону. Он не смотрел на меня, не смотрел на Грейс.

Я закрыл глаза.

— Вся... эта... боль. Эта... — Голос снова предательски дрогнул, но я не мог позволить себе умолкнуть. Я открыл глаза. — Вина. За то, что я с тобой сделал. За то, что всегда делал с тобой. Они... они бы исчезли. — Я умолк, потер лицо рукой. Мой голос был почти неразличим. — Но я ведь всегда так и поступаю, да, Вик? Все порчу, а потом сваливаю?

Я протянул руку и коснулся передней волчьей лапы; мех был колючим и холодным на

ощупь.

— Ох, Вик, — сказал я, и у меня перехватило горло. — Ты был настоящий мастер. Волшебные руки.

Никогда больше у него не будет рук.

Все остальное я вслух произносить не стал.

«Больше этому не бывать, Виктор. Хватит с меня бегства. Прости, что пришлось заплатить такую цену за то, чтобы я прозрел».

Краешком глаза я заметил какое-то движение в темноте.

Волки.

Будучи человеком, я никогда еще не видел их в таком количестве, но теперь все вокруг просто кишело ими. Десять? Двенадцать? Они были довольно далеко, и я почти убедил себя, что эти смутные тени мне мерещатся.

Грейс тоже не сводила с них глаз.

— Сэм, — прошептала она. — Бек.

— Я знаю, — сказал он.

Мы все замерли, выжидая. Непонятно было, надолго ли пришли волки и собираются ли подойти поближе. Я сидел на корточках рядом с Виктором и думал, что эти мерцающие глаза для каждого из нас означают свое. Для Сэма — прошлое. Для меня — настоящее. Для Грейс — будущее.

— Они пришли попрощаться с Виктором? — вполголоса спросил Сэм.

Ему никто не ответил.

Я вдруг понял, что единственный оплакиваю Виктора настоящего.

Волки оставались на своих местах, призрачные в сгущающихся сумерках. Наконец Сэм обернулся ко мне и спросил:

— Ты готов?

По-моему, к такому вообще нельзя быть готовым, но я все же накрыл голову Виктора простыней. Мы с Сэмом подняли тело — оно показалось совсем невесомым — и бережно опустили в могилу под взглядами Грейс и стаи.

В лесу стало совершенно тихо.

Грейс наконец поднялась на нетвердые ноги, прижимая руку к животу.

Сэм вздрогнул: один из волков затянул свою песнь. Звук был негромкий и скорбный, невероятно похожий на человеческий голос.

Один за другим к хору присоединились остальные волки; чем гуще становились сумерки, тем громче звучал этот многоголосый плач, заполняя собой каждый овраг, каждую ложбину в лесу. Он пробудил во мне обрывки волчьих воспоминаний, погребенных где-то в глубинах памяти, в которых я, вскинув к небу морду, призывал весну.

Эта поминальная песнь, как ничто другое, донесла до моего сознания то, что остывшее тело Виктора лежит в холодной могиле, и я вдруг понял, что щеки у меня мокрые, и уткнулся лицом в ладони.

Когда я опустил руки, то увидел, что Сэм подошел к Грейс и поддерживает ее, чтобы не упала.

Изо всех сил, наперекор осознанию неизбежного — что в конце концов всем нам придется потерять самое дорогое.

Не знаю, кто выглядел хуже, когда мы вернулись в дом. — Коул, сам не свой от горя, или Грейс с огромными глазами на бледном как мел лице. На них обоих было больно смотреть.

Коул вошел в столовую и опустился на стул. Я усадил Грейс на диван и сел рядом; я собирался включить радио, поговорить с ней, заняться хоть чем-нибудь, но был совершенно измочален. Так мы и сидели в тишине, погруженные каждый в свои мысли.

Примерно через час хлопнула задняя дверь, мы все вскинулись, но это оказалась Изабел, в своем белом пальто с меховой опушкой и бесшумных сапогах. Она перевела взгляд с Коула, который сидел за столом, уткнувшись лбом в скрещенные руки, на меня, а с меня на Грейс, чья голова лежала у меня на груди.

— Твой отец приезжал, — сообщил я, потому что ничего более умного придумать не смог.

— Я знаю. Увидела, когда все уже закончилось. Я не знала, что он собирается привезти тело сюда. — Руки у Изабел были судорожно прижаты к бокам. — Слышал бы ты, как он злорадствовал, когда приехал домой. Я только после обеда смогла вырваться из дома, сказала, что еду в библиотеку, потому что если он чего-то не знает, так это часы работы библиотеки. — Она помолчала, покосилась на застывшего в одной позе Коула, потом снова посмотрела на меня. — Кто это был? Я имею в виду, волк.

Я взглянул на сидевшего за столом Коула. Он не мог нас не услышать.

— Виктор. Друг Коула.

Внимание Изабел вновь переместилось на Коула.

— Я думала, у него нет друзей... — Она, видимо, поняла, как жестоко прозвучали ее слова, и добавила: — Здесь.

— Это не так, — произнес я твердо.

Она замаялась, глядя то на Коула, то на нас. Потом наконец сказала:

— Я приехала узнать, какие у вас планы.

— Планы? — не понял я. — На что?

Изабел снова посмотрела на Коула, потом, чуть пристальнее, на Грейс, потом поманила меня пальчиком.

— Можно тебя на минутку? — с вымученной улыбкой спросила она. — Давай выйдем на кухню.

Грейс приподняла голову и с недоумением взглянула на Изабел, но передвинулась, и я поднялся и пошел на кухню следом за Изабел.

Не успел я переступить через порог, как Изабел накинулась на меня:

— Я же тебе говорила, что волки крутятся у нашего дома, а мой отец от этого не в восторге. Чего ты дожидался?

Я вскинул брови, ошарашенный неожиданным обвинением.

— Чего? Того, что сегодня сделал твой отец? По-твоему, я мог это предотвратить?

— Ты за все отвечаешь. Это теперь твои волки. Ты не можешь просто сидеть сложа

руки.

— Я не думал, что твой отец пойдет и...

Изабел не дала мне договорить.

— Всем известно, что мой папаша готов стрелять во все, что не выстрелит в него в ответ. Надо было что-то делать!

— Я не вижу способов запретить волкам появляться на вашем участке. Они ходят вокруг озера, потому что там хорошо охотиться. Я действительно не ожидал, что твой бешеный папаша нарушит закон об охоте, лишь бы показать окружающим, где раки зимуют.

Тон у меня получился обвинительным; это было несправедливо.

Изабел издала короткий отрывистый смешок, больше похожий на лай.

— Уж кто-кто, а ты должен знать, на что он способен. Да, кстати, долго ты собираешься делать вид, что с Грейс все в порядке?

Я захлопал глазами.

— И не надо прикидываться невинным ягненком. Ты сидишь тут сложа руки, а у нее вид — краше в гроб кладут. Она ужасно выглядит. И пахнет от нее, как от того мертвого волка. Что происходит?

Я вздрогнул.

— Я не знаю, Изабел. — Собственный голос показался усталым даже мне самому. — Мы сегодня ездили в медицинский центр. Результаты — ноль.

— Так отвези ее в больницу!

— И что, по-твоему, они там сделают? Ну, может быть, возьмут анализ крови. И что он покажет? Думаешь, их анализаторы выделяют маркер оборотня? Или ей поставят диагноз: «Пахнет, как от мертвого волка»?

Моя отповедь прозвучала неожиданно гневно, но я злился не на Изабел — на себя самого.

— И что, ты собираешься просто... ждать? Пока не случится что-нибудь плохое?

— А что мне прикажешь делать? Отвезти ее в больницу и потребовать их вылечить то, что на самом деле еще не проявилось? Чего нет ни в одном справочнике болезней? Думаешь, чем у меня голова занята сегодня весь день? Всю эту неделю? Думаешь, я не схожу с ума от беспокойства, потому что не понимаю, что происходит? Мы же ничего не знаем точно. Нет никакого... прецедента. То, что случилось с Грейс, не было ни с кем до нее. Я вынужден действовать наугад, Изабел!

Изабел ответила мне сердитым взглядом; глаза у нее, как обычно подведенные черным, были покрасневшие.

— Думай! Действуй сам, а не жди, пока что-то случится. Надо искать, что убило того волка, а не просто смотреть на Грейс несчастными глазами. И вообще, о чем ты думал, когда разрешил ей остаться у себя? Ее предки такого мне на автоответчике наговорили! А что будет, если они узнают, где ты живешь, и явятся сюда как раз в тот момент, когда Коул будет превращаться? Отличная выйдет тема для светской беседы! Кстати, о Коуле. Ты в курсе, кто он такой? Что ты творишь, Сэм? Чего ты дожидаться?

Я отвернулся от нее и сцепил руки за головой.

— Господи, Изабел. Чего ты от меня хочешь? Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты повзрослел, — отрезала она. — Ты думаешь, что всю жизнь будешь работать в книжном магазине и жить с Грейс в мире грез? Бека больше нет. Теперь ты вместо него. Начинай вести себя по-взрослому, иначе все потеряешь. Думаешь, мой папочка

удовлетворится одним волком? Говорю тебе, он не успокоится. И что, по-твоему, произойдет, когда явятся за Коулом? Когда то же, от чего умер тот волк, случится с Грейс? Ты действительно ездил вчера в студию звукозаписи? С ума сойти!

Я повернулся к ней лицом. Ее скрещенные на груди руки были сжаты в кулаки, челюсти решительно стиснуты. Мне хотелось задать ей вопрос, почему она все это делает. Потому что Джек умер и она не перенесет, если то же самое случится с кем-то еще? Или потому, что я выжил, а Джек — нет? Или потому, что она теперь стала одной из нас и ее жизнь неразрывно переплелась с моей, Грейс, Коула и всех остальных?

На самом деле не так уж это было важно — что привело ее сюда и зачем она мне все это наговорила. Потому что я понимал — она права.

КОУЛ

Когда из кухни донеслись сердитые голоса, я вскинул голову. Мы с Грейс переглянулись. Она поднялась и, подойдя к столу, уселась напротив меня со стаканом воды и горстью таблеток. Потом проглотила таблетки и поставила стакан на стол. Все это явно потребовало от нее немалых усилий, но я ничего не сказал, потому что она молчала. Под глазами у Грейс чернели круги, щеки пылали от жара. Вид у нее был изнуренный.

В кухне Сэм с Изабел переговаривались на повышенных тонах. В воздухе повисло напряжение, точно провода, туго натянутые между нами.

— У меня просто в голове это все не укладывается, — произнес я.

— Коул? — подала голос Грейс. — Ты представляешь, что произойдет, когда станет известно, что ты здесь? Ничего, что я спрашиваю?

Она задала этот вопрос прямо и откровенно, без рассуждений о моей знаменитой физиономии.

Я покачал головой.

— Нет. Моим родным все равно. Они давным-давно от меня отступились. Но пресса заинтересуется. — Мне вспомнились три соплюхи, щелкавшие меня на свои мобильники. — Пресса поднимет шум. Мерси-Фоллз окажется в центре всеобщего внимания.

Грейс вздохнула и положила руку на живот, очень осторожно, как будто опасалась повредить кожу. Интересно, она и раньше так выглядела?

— Ты хочешь, чтобы тебя нашли? — спросила она.

Я вскинул бровь.

— А-а, — сказала она и задумалась. — Наверное, Бек считал, что ты больше времени будешь проводить в волчьем обличье.

— Бек считал, что я собираюсь покончить с собой, — сказал я. — Вряд ли он долго о чем-то раздумывал. Он пытался спасти меня.

За дверью Сэм произнес что-то неразборчивое, ему ответила Изабел:

— Я же знаю, что вы с Грейс обсуждаете все остальное, так почему же не это?

Она произнесла эти слова так, как будто это ее знание причиняло ей боль, и мне вдруг показалось, что Сэм ей нравится. Эта мысль отозвалась во мне странным ощущением беспомощности.

Грейс молча смотрела на меня. Она не могла этого не слышать. Но о ее реакции оставалось только догадываться.

Когда Сэм и Изабел вернулись в гостиную, вид у Сэма был виноватый, а Изабел казалась раздосадованной. Сэм подошел к Грейс сзади и положил руку ей на плечо. Это был не жест собственника, а скорее знак близости и поддержки. Изабел смотрела на его руку с выражением, которое, видимо, было отражением моего собственного.

Я закрыл глаза и открыл их снова. Виктор не шел у меня из головы. Я не мог больше этого выносить, не мог держать это в голове.

— Я иду в постель, — сказал я.

Изабел и Сэм снова переглянулись, продолжая свой молчаливый спор, потом Изабел сказала:

— Я уезжаю. Грейс? Рейчел сказала твоим, что ты у меня. Я сказала им то же самое, но, думаю, они мне не поверили. Ты всерьез настроена ночевать здесь?

Вместо ответа Грейс сжала запястье Сэма.

— Значит, голова на плечах тут осталась только у меня, — бросила Изабел. — Здорово, ничего не скажешь. При этом слушать меня никто не желает.

Она выскочила на улицу. Я немного подождал, потом вышел следом за ней в темную ночь. Она успела дойти до своего белого джипа. От холодного ветра у меня перехватило дух.

— Что? — спросила она. — Что тебе еще, Коул?

Наверное, я до сих пор был под впечатлением от того ее голоса, которым она говорила с Сэмом.

— Зачем ты с ним так?

— С Сэмом? Ему это необходимо. Больше же никто ему этого не говорит.

Она пребывала в бешенстве, но теперь, после того, как я видел ее плачущей в собственной постели, мне с первого взгляда стало понятно, что ее гложут те же самые чувства, что и тогда, только на этот раз она не дает им выхода.

— А тебе кто говорит? — поинтересовался я.

Изабел лишь молча взглянула на меня.

— Не поверишь, я сама это делаю.

— Отчего же, поверю, — возразил я.

На миг мне показалось, что она вот-вот заплачет, потом она уселась на водительское сиденье, захлопнула дверцу и, не глядя на меня, дала задний ход. Я стоял и смотрел ей вслед, хотя ее белый джип давным-давно скрылся из виду, и холодный ветер бил мне в лицо, бессильный превратить меня в волка.

Все шло вразнос, все было плохо, а я не мог превратиться в волка, и это должен был быть конец света. Однако почему-то сейчас это было хорошо.

И снова нам предстояло прощаться.

Грейс лежала на моей постели, на спине, согнув ноги в коленях. Футболка на ней немного задралась, обнажив полоску бледного живота. Светлые волосы сбились на одну сторону, как будто она летела по воздуху или плавала в воде. Я остановился перед выключателем, глядя на нее и ожидая... чего-нибудь.

— Не выключай, — попросила Грейс странным тоном. — Посиди со мной немного. Я еще не хочу спать.

Я все равно выключил свет — во внезапно наступившей темноте Грейс протестующе вскрикнула — и, наклонившись, щелкнул выключателем рождественской гирлянды, которая опоясывала комнату под потолком. Яркие огоньки разбежались между причудливых силуэтов колышущихся журавликов, и на лице Грейс, точно отблески костра, заиграли дрожащие тени. Протест сменился возгласом изумления.

— Это как будто... — начала она и умолкла.

Я подошел к постели, но не стал ложиться, а уселся рядом с Грейс по-турецки и провел тыльной стороной ладони по ее животу.

— Как будто что?

— Ммм, — выдохнула Грейс с полузакрытыми глазами.

— Как будто что? — не сдавался я.

— Как будто смотришь на звезды, — сказала она наконец. — А в небе в это время пролетает стая птиц.

Я вздохнул.

— Сэм, я очень хочу купить красный кофейник, если такие бывают, — сказала Грейс.

— Я найду тебе красный кофейник, — пообещал я и положил ладонь ей на живот; кожа оказалась обжигающей на ощупь.

Изабел велела мне спросить у Грейс, как она себя чувствует. Не ждать, когда она сама скажет, потому что она не скажет, пока не будет поздно. Не хочет меня расстраивать.

— Грейс... — начал я со страхом в голосе и убрал руку.

Она перевела взгляд с журавликов, покачивающихся под потолком, на мое лицо. Грейс перехватила мою руку и нашла в темноте мою ладонь; ее пальцы легли на мою линию жизни, мои — на ее.

— Что?

От нее исходил запах меди и лекарства — крови и ацетаминофена.

Я понимал, что нужно спросить ее, в порядке ли она, но мне хотелось еще один миг прожить в блаженном неведении. Еще один миг, прежде чем мы взглянем в глаза правде. Поэтому я задал вопрос, на который не было правильного ответа, и я это знал. Вопрос из жизни другой пары, с другим будущим.

— Когда мы поженимся, поедем на океан? Я никогда там не был.

— Когда мы поженимся, — сказала она, и в ее устах эти слова не прозвучали неправдой, хотя голос у нее был печальный и грустный, — мы можем побывать на всех океанах. Просто

чтобы отметить.

Я прилег рядом с ней, не выпуская ее руки, и мы принялись разглядывать стайку счастливых воспоминаний, вьющихся под потолком. Гирлянда помаргивала разноцветными огоньками; когда крыло очередного журавлика заслоняло какую-нибудь лампочку, у меня возникало ощущение, как будто мы плывем куда-то, покачиваясь на великанской лодке и глядя на незнакомые созвездия в вышине.

Время вышло.

Я закрыл глаза.

— Что с тобой происходит?

Грейс так долго молчала, что я начал сомневаться, произнес ли этот вопрос вслух вообще. Потом она все-таки ответила:

— Я не хочу засыпать. Боюсь.

Сердце у меня прекратило биться.

— Что ты чувствуешь?

— Мне больно говорить, — прошептала она. — И еще живот... с ним что-то совсем... — Она положила мою руку себе на живот и накрыла ее своей. — Сэм, мне страшно.

Меня охватила такая боль, что невозможно было говорить. Но я все же произнес, совсем тихо, потому что не знал, что еще сказать:

— Это связано с волками. Может, ты каким-то образом заразилась от того волка?

— Я думаю, это волчица, — сказала Грейс. — Та волчица, в которую я так и не превратилась. У меня такое ощущение. Я словно хочу превратиться, но не могу.

Я быстро прокрутил в уме все, что мне было известно про волков и наш убийственный недуг, но ничего подобного припомнить не смог. Грейс была единственной в своем роде.

— Скажи, — попросила она, — ты до сих пор его чувствуешь? Волка внутри? Или он умер?

Я вздохнул и уткнулся лбом ей в щеку. Разумеется, он был там. Был.

— Грейс, я везу тебя в больницу. Мы заставим их выяснить, что с тобой. И все равно, если ради этого придется все им рассказать.

— Я не хочу умереть в больнице, — сказала Грейс.

— Ты не умрешь, — пообещал я и поднял голову, чтобы посмотреть на нее. — Я еще не написал все песни про тебя, которые хотел.

Она улыбнулась краешком губ и потянула меня на постель. Потом положила голову мне на грудь и закрыла глаза.

Я остался лежать с открытыми глазами. Я смотрел на нее, на тени от журавликов, проплывавшие по ее лицу, и... мечтал. Мечтал о воспоминаниях о новых счастливых днях, которые можно было бы повесить под потолком, о стольких счастливых днях с этой девочкой, что они не влезли бы в мою комнату и заполнили бы весь коридор, весь дом, вырвались наружу.

Через час Грейс начало рвать кровью.

Я не мог звонить в «скорую» и быть с ней одновременно, поэтому оставил ее, сжавшуюся в комочек у стены в коридоре, а сам застыл на пороге комнаты с телефонной трубкой, не сводя с нее глаз. По полу тянулась тонкая струйка ее крови.

Коул — не помню, чтобы я его звал, — появился на лестнице и молча протянул ей полотенце.

— Сэм, — тоненьким, жалобным голосом сказала Грейс, — мои волосы.

Это был совершеннейший пустяк — кровь на кончиках ее волос. Но не было ничего страшнее, чем видеть ее в таком состоянии.

Пока Коул придерживал полотенце у носа и рта Грейс, я неуклюже собрал ее волосы в хвост, чтобы не мешали. Когда к дому подъехала «скорая», мы помогли ей подняться на ноги и повели вниз, очень осторожно, чтобы ее опять не начало рвать. Бумажные журавлики колыхались и хлопали крыльями над нашими головами, как будто хотели полететь с нами, но не пускали слишком короткие нитки.

Давным-давно жила-была девочка по имени Грейс Брисбен, и не было в ней ничего примечательного, кроме того, что она умела хорошо считать, еще лучше умела врать, а дом себе устроила на страницах книг. Она любила всех волков, которые жили у нее за домом, но одного из них любила больше всех.

А он отвечал ей взаимностью. Он любил ее так сильно, что даже то в ней, что было ничем не примечательно, стало особенным: привычка постукивать карандашом по зубам, фальшиво петь по утрам в душе и то, что, когда она целовала его, он понимал, что это у них навсегда.

Она бережно хранила обрывки воспоминаний: как стая волков тащила ее по снегу, первый поцелуй, благоухающий апельсинами, прощание навсегда за треснувшим лобовым стеклом.

Жизнь, полная несбыточных обещаний: возможности, скрытые в стопке приглашений от колледжей, восторг ночлега под незнакомой крышей, будущее, таившееся в улыбке Сэма.

Я не хотела оставлять эту жизнь позади.

Я не хотела ее забывать.

Я не готова была попрощаться с ней. Мне столько еще нужно было сказать.

Мерцающие огни
и безымянные двери.
Мое сердце истекает по капле,
и я просыпаюсь снова и снова,
а она спит и спит.
Ведь эта палата —
отель для тех, кого больше нет.

Не знаю, зачем я поехал вместе с Сэмом в больницу. Я отдавал себе отчет в том, что меня могут узнать — хотя шансы на то, что кто-то опознает меня в небритом субъекте с мешками под глазами, были невелики. Мог я и начать превращаться, если бы мое тело вдруг решило подчиниться прихоти холода. Но когда Сэм попытался открыть машину, чтобы ехать следом за «скорой», он посмотрел на свою окровавленную руку и не смог с первого раза попасть ключом в замок.

Я держался позади, готовый немедленно скрыться, если утренний холод решит заявить на меня свои права, но посмотрел на Сэма и забрал у него ключи.

— Садись, — велел я, кивнув в сторону пассажирского сиденья.

Он подчинился.

Так я и очутился в палате девушки, которую едва знал, вместе с парнем, которого знал немногим лучше, и удивлялся, почему они мне не безразличны. В палате было полно народу — два врача, еще какой-то мужчина, по-видимому хирург, и целая толпа медсестер. Все они приглушенно переговаривались, и хотя их речь была напичкана медицинским жаргоном по самое не могу, суть я все же ухватил: Грейс умирала, а они понятия не имели, что с ней такое.

Сэму не разрешили стоять у ее кровати, и он сидел на стуле в углу, уткнувшись лицом в ладони.

Я тоже не знал, куда себя деть, поэтому стоял рядом и размышлял, был бы я способен чувствовать висящий в воздухе реанимационной палаты густой запах смерти до того, как меня укусили.

Где-то внизу запиликал телефон, весело и деловито, и я понял, что пиликанье доносится из кармана Сэма. Он медленно вытащил мобильник и уставился на экранчик.

— Это Изабел, — сказал он хрипло. — Я не могу с ней говорить.

Я взял трубку из его безвольной руки и поднес к уху.

— Изабел?

— Коул? — спросила Изабел. — Это ты, Коул?

— Да.

— Ох, нет.

Ничего более искреннего из уст Изабел мне слышать еще не доводилось.

Я ничего не сказал, но, видимо, шум на заднем фоне оказался достаточно красноречивым.

— Вы в больнице?

— Да?

— Что они говорят?

— Что ты и сказала. Они понятия не имеют, что это.

Изабел негромко выругалась, потом еще раз и еще.

— Все плохо, Коул? Совсем плохо?

— Со мной рядом Сэм.

— Прекрасно, — сипло сказала Изабел. — Просто прекрасно.

Внезапно одна из сестер произнесла:

— Осторожно!

Грейс чуть приподнялась, и ее снова вырвало кровью, прямо на медсестру, которая только что подала голос. Сестра спокойно отошла в сторону, чтобы привести себя в порядок, а ее место заняла другая. Она протянула Грейс полотенце.

Грейс упала на постель и произнесла что-то такое, чего сестры не смогли разобрать.

— Что, милая?

— Сэм, — проскулила Грейс.

Этот жуткий стон, человеческий и звериный одновременно, чудовищно напоминал крик раненой оленихи. Сэм вскочил со стула, и в этот миг и в без того уже переполненную палату вошли мужчина и женщина.

Парочка направилась прямо к нам, и одна из сестер уже открыла рот, чтобы отправить их за дверь, но не успела она ничего сказать, как мужчина процедил:

— Ах ты сукин сын! — и врезал Сэму по уху.

Боль от удара Льюиса Брисбена не сразу дошла до сознания, как будто мое тело не могло поверить в произошедшее. Когда она наконец дала о себе знать, в левом ухе гудело и щелкало, и мне пришлось ухватиться за стену, чтобы удержаться на ногах. В голове снова и снова звучал рвущий душу стон Грейс.

На миг перед глазами промелькнуло лицо матери Грейс, совершенно безучастное, как будто оно не успело еще принять никакого выражения, а потом ее отец снова набросился на меня.

— Я убью тебя! — рявкнул он.

Я непонимающе смотрел на его кулак; в ушах до сих пор стоял звон от первого удара. Большая часть меня была поглощена Грейс, которая лежала на больничной кровати, а те крохи внимания, что я мог уделить Льюису Брисбену, не давали возможности поверить, что он сейчас ударит меня во второй раз. Я даже не шелохнулся.

Не успел он дотронуться до меня, как пошатнулся и потерял равновесие, и тут зрение и слух стремительно вернулись ко мне, и я увидел, что Коул оттаскивает его от меня, точно мешок с картошкой.

— Спокойно, дядя, — сказал ему Коул, потом, обращаясь к сестрам, добавил: — Что смотрите? Помогите этому парню.

Сестра предложила мне льда, и я покачал головой, но взял полотенце, чтобы приложить к рассеченному лбу.

— Я сейчас тебя отпущу, — сказал Коул мистеру Брисбену. — Не заставляй меня сделать так, чтобы нас обоих выставили из больницы.

Я стоял, глядя, как родители Грейс пробираются к ее постели, и не знал, что делать. Все, на чем держалась моя жизнь, рассыпалось в прах, и я не понимал больше, кто я и где.

Я поймал на себе взгляд Коула и вспомнил, что так и держу в руке полотенце, а из рассеченного лба медленно струится кровь. Я приложил к ссадине полотенце. От движения перед глазами замелькали разноцветные точки.

— Прошу прощения... Сэм? — произнесла медсестра у меня за спиной. — Поскольку вы не ближайший родственник, вам нельзя здесь находиться. Они попросили вывести вас из палаты.

Я молча смотрел на нее и чувствовал себя совершенно выпотрошенным. Что я должен был ей сказать: «Там, на этой кровати, вся моя жизнь. Пожалуйста, позвольте мне остаться»?

Взгляд у медсестры был сочувственный.

— Мне действительно очень жаль. — Она покосилась на родителей Грейс, потом посмотрела на меня. — Вы правильно сделали, что привезли ее сюда.

Я закрыл глаза; перед ними все еще плавали цветные пятна. Нужно было поскорее где-нибудь присесть, иначе мое тело сделало бы это за меня.

— Можно мне хотя бы сказать ей, что я ухожу?

— Думаю, не стоит этого делать, — бросила медсестра, спешившая мимо с каким-то

предметом в руках. — Пусть думает, что он здесь. Он сможет вернуться, если... — Она вовремя спохватилась и не договорила. — Скажи ему, чтобы не уходил далеко.

Сердце у меня на миг остановилось.

— Идем, — сказал Коул. Он оглянулся через плечо на мистера Брисбена, который смотрел на меня с непонятым выражением. — Это ты сукин сын, — сказал Коул и ткнул в него пальцем. — У него больше прав быть здесь, чем у тебя.

Но любовь нельзя измерить документально, поэтому мне пришлось оставить Грейс в палате.

КОУЛ

Когда приехала Изабел, сквозь волнистое стекло в окнах больничного кафетерия уже начинал просачиваться свет утренней зари.

Грейс умирала. Мне удалось вытащить это из сестер, прежде чем я ушел. Ее неукротимо рвало кровью, ей давали витамин К и делали переливания, надеясь замедлить процесс, но конец был уже близок.

Я пока не сказал об этом Сэму, но, думаю, он и сам все знал.

Изабел бросила на стол передо мной смятую салфетку. Я не сразу сообразил, что это та самая салфетка из забегаловки, на которой я нацарапал график. Потом разобрал написанное большими буквами «АМФ» и вспомнил, сколько всего о себе рассказал Изабел. Она плюхнулась на пластиковый стул напротив меня, очень сердитая и кричащая об этом каждой своей черточкой. На ней не было ни грамма косметики, если не считать размазанной вокруг глаз туши для ресниц, да и та, очевидно, осталась со вчерашнего дня.

— Где Сэм?

Я кивнул в сторону окна. Сэм казался черным пятном на фоне темного неба. Сцепив руки за головой, он смотрел в никуда. Все вокруг него шевелилось и изменялось: медленно восходящее солнце окрасило стены в оранжевый цвет, передвигались туда-сюда стулья, работники больницы входили и уходили со своими завтраками, копошилась со своей шваброй и табличкой «Осторожно, мокрый пол» санитарка. И только Сэм был как столб, вокруг которого творилась вся эта круговерть.

— Зачем ты здесь? — бросила Изабел.

На этот вопрос я до сих пор не знал ответа.

— Чтобы помочь, — пожал я плечами.

— Так помогай, — сказала Изабел и придвинула ко мне салфетку. — Сэм! — позвала она, уже громче.

Он опустил руки, но не обернулся. Откровенно говоря, я был удивлен, что он вообще пошевелился.

— Сэм, — повторила она, и на этот раз он все-таки повернулся к нам. Она указала на стойку и кассу самообслуживания в другом конце зала. — Принеси нам кофе.

Не знаю, что было более удивительным: что Изабел велела ему принести кофе или что он подчинился, хотя и без всякого выражения. Я перевел взгляд на Изабел.

— Ого. А я-то думал, что уже видел вершину твоего бессердечия.

— Это я еще милая, — отрезала Изабел. — Что толку стоять и смотреть в окно?

— Ну, не знаю, может, вспомнить счастливые дни, которые он провел со своей

девушкой, пока она не умерла?

Изабел посмотрела мне прямо в глаза.

— Думаешь, это поможет тебе с Виктором? Когда я думаю про Джека, все это без толку. — Она ткнула пальцем в салфетку. — Поговори со мной. Об этом.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к Грейс.

Сэм принес два стаканчика с кофе и поставил один передо мной, а второй перед Изабел. Себе он ничего не взял.

— С Грейс происходит то же самое, отчего умер тот волк, которого вы с ней нашли, — сказал он хрипло, как будто после долгого молчания. — Слишком уж отчетливый запах. Это оно.

Он встал у стола, как будто сесть значило согласиться с чем-то.

Я взглянул на Изабел.

— С чего ты решила, будто я могу сделать то, что не под силу докторам?

— Потому что ты гений, — отозвалась Изабел.

— Они тоже гении, — возразил я.

— Потому что ты знаешь, — сказал Сэм.

Изабел снова придвинула ко мне салфетку. И я снова очутился за одним столом с отцом, а он формулировал мне задачу. Я шестнадцатилетний сидел на его лекции, и он просматривал мою работу в поисках признаков того, что я пойду по его стопам. Я присутствовал на очередном награждении его премией, и он, окруженный типами в хрустких сорочках и бабочках, не терпящим возражения тоном заявлял им, что меня ждет блестящее будущее.

Перед глазами у меня стоял безыскусный жест Сэма — то, как он положил руку на плечо Грейс.

Перед глазами у меня стоял Виктор.

Я придвинул к себе салфетку.

— Мне понадобится еще бумага, — сказал я.

Это была самая долгая ночь в моей жизни. Мы с Коулом сидели в кафетерии, вспоминая все до последней мелочи, что было известно нам про волков, пока информация не полезла у Коула из ушей. Тогда он отправил нас с Изабел прочь, а сам остался сидеть за столом, обхватив голову руками и уставившись в свои записи. Подумать только, все, чего я хотел, все, о чем мечтал в этой жизни, лежало теперь на плечах Коула Сен-Клера, сидевшего за пластиковым столом перед исписанной каракулями салфеткой. Впрочем, другого выбора у меня все равно не было.

Из кафетерия я пошел к ее палате, сел на пол спиной к стене, обхватив руками голову. Память против воли впитывала до мельчайшей черточки эти стены, этот коридор, эту ночь.

Надежды на то, что меня пустят к ней, не было.

Поэтому я молился, чтобы никто не вышел оттуда и не сказал, что ее больше нет. Чтобы дверь оставалась закрытой.

«Только не умирай».

Пришла Изабел и потащила меня по людному коридору на пустую лестничную площадку, где уже ждал Коул. Его переполняла кипучая энергия, сжатыми в кулаки руками он то постукивал друг о друга, то взгромождал их один на другой.

— Так, наверняка я ничего обещать не могу, — начал Коул. — Это все догадки. Но у меня есть одна... теория. Суть в том, что, даже если я прав, доказать, что я прав, нельзя. Можно только, что не прав. — Я молча ждал, и он продолжил: — Что общего между Грейс и тем волком?

Он умолк. Я решил, что он ждет от меня ответа.

— Запах.

— Я тоже так подумала, — вмешалась Изабел. — Хотя после того, как Коул обратил на это наше внимание, это очевидно.

— Превращения, — сказал Коул. — И волк, и Грейс не превращались на протяжении... десяти лет? Больше? Это предел, после которого волк, если он больше не превращается, умирает. Я помню, ты говорил, что это естественная продолжительность жизни волка, но я думаю, что это не так. Я думаю, что каждый волк, который уже перестал превращаться, умирает, как тот волк... от чего-то такого. Не от старости. И я считаю, что именно это убивает Грейс.

— Волчица, которой она так и не стала, — произнес я, внезапно вспомнив то, что она сказала мне прошлой ночью.

— Именно, — подтвердил Коул. — Я думаю, что они умирают, потому что больше не могут превращаться. Но корень зла не в самих превращениях. Он в том, что дает нашему телу команду превращаться.

Я нахмурился.

— Это не одно и то же, — пояснил Коул. — Если превращение — болезнь, это одно. А если следствие болезни, то совершенно другое. Собственно, вот моя теория, хотя все это, конечно, высосано из пальца, ну, вы понимаете. Теория сляпана на коленке, ну да ладно. Грейс укусили. Когда ее укусили, волчий токсин, будем называть его так, попал в кровь. В волчьей слюне содержится что-то такое, что очень плохо для человека. Допустим, что превращения — это благо и что в волчьей слюне есть нечто, вызывающее в организме защитную реакцию — превращения, — чтобы вывести из организма токсин. При каждом превращении токсин частично нейтрализуется. По какой-то причине эти превращения связаны с погодой. Если, разумеется...

— ...каким-то образом не воспрепятствовать им.

— Угу. — Коул покосился на дверь этажа, на котором находилась палата Грейс. — Если каким-то образом лишить организм способности реагировать превращениями на тепло и холод, наступает кажущееся исцеление, но на самом деле это не исцеление. Это... разложение.

Я устал, и вообще, все эти рассуждения были слишком сложны для меня. Коул мог бы сказать, что волчий токсин заставляет человека нести яйца, и я бы ему поверил.

— Ладно. Все это логично, хотя и запутанно. Резюме? Что ты предлагаешь?

— Я думаю, ей нужно превратиться, — сказал Коул.

До меня не сразу дошло, что он имеет в виду.

— Стать волчицей?

Коул пожал плечами.

— Если я не ошибаюсь.

— А ты не ошибаешься?

— Не знаю.

Я закрыл глаза и, не открывая их, спросил:

— Полагаю, у тебя есть теория, как заставить ее превратиться в волчицу.

«Господи, бедная моя Грейс».

Все это не укладывалось у меня в голове.

— Чем проще, тем лучше, — сказал Коул.

Мне вдруг представились карие глаза Грейс на волчьей морде. Я обхватил себя руками.

— Нужно укусить ее еще раз.

Я вытаращился на Коула.

— Укусить?!

Коул поморщился.

— Это мое предположение. Что-то нарушило программу превращения, и, если привести в действие первоначальный пусковой механизм, возможно, она запустится заново с самого начала. Только на этот раз не нужно поджаривать ее в машине.

Все во мне восставало против этой идеи. Потерять Грейс, потерять то, что делало ее Грейс. Напасть на нее, умирающую. Принимать подобные решения на ходу, потому что времени уже не оставалось.

— Но превращения начинаются через несколько месяцев, как минимум через несколько недель после укуса, — возразил я.

— Думаю, столько времени нужно токсину, чтобы начать действовать с нуля, — сказал Коул. — Но очевидно, в крови у Грейс он уже и так присутствует. Если я прав, она должна превратиться сразу же.

Я сцепил руки за головой и, отвернувшись от Коула с Изабел, уставился в светло-голубую бетонную стену.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда у нее будет волчья слюна в открытой ране. — Коул помолчал, потом добавил: — Из-за которой она, вероятно, истечет кровью, потому что, судя по всему, токсин каким-то образом влияет на свертываемость.

Я несколько минут расхаживал туда-сюда, потом Изабел негромко произнесла:

— Если ты прав, Сэм тоже должен умереть.

— Да, — сказал Коул таким ровным тоном, что я понял — он все это уже обдумывал. — Если я прав, лет через десять — двенадцать Сэма ждет то же самое, что и Грейс.

Как можно верить теории, сляпанной на мятой салфетке в больничном кафетерии за скверным кофе?

Мне ничего другого не оставалось.

В конце концов я обернулся и посмотрел на Изабел. С размазанной вокруг глаз тушью, растрепанная, нахохлившаяся от неуверенности, она казалась совершенно другой девушкой, пытающейся натянуть на себя личину Изабел.

— Как мы проберемся в палату? — спросил я.

ИЗАБЕЛ

Мне выпало выманить родителей Грейс из палаты. Сэма они ненавидели, так что он отпадал, а способности Коула нужны были в другом месте, так что оставалась одна я. Пока я, цокая каблучками, шла по коридору к палате Грейс, мне подумалось, что мы подсознательно рассчитываем на провал теории Коула. Потому что если она сработает, у нас всех будут большие проблемы.

Я дождалась, когда из палаты Грейс выйдет медсестра, и приоткрыла дверь. Мне повезло: у постели сидела только ее мамаша, глядя в окно, а не на свою дочь. Я изо всех сил старалась не смотреть на бледную и неподвижную Грейс, безвольно лежащую на боку.

— Миссис Брисбен? — голосом пай-девочки позвала я ее.

Она вскинула глаза, и я с мстительным удовольствием отметила, что они заплаканы.

— Изабел?

— Я пришла, как только узнала, — сказала я. — Можно... можно мне кое о чем с вами поговорить?

Какое-то время она молча смотрела на меня, потом до нее, похоже, дошло, о чем я ее спрашивала.

— Конечно.

Я помялась на пороге. Давай уже, Изабел!

— Э-э... А можно не при Грейс? Ну, чтобы она не...

Я показала на свое ухо.

— А, — сказала ее мать. — Хорошо.

Наверное, ей было любопытно, что я ей скажу.

Откровенно говоря, мне и самой было любопытно. Ладони у меня вспотели от волнения.

Она погладила Грейс по ноге и поднялась. Когда мы вышли в коридор, я кивнула на Сэма; он, как мы и условились, стоял в нескольких шагах от двери. Вид у него был такой, как будто его вот-вот вырвет; у меня у самой было точно такое же ощущение.

— И не при нем тоже, — прошептала я.

Мне вдруг вспомнилось, как я заявила Сэму, что он не создан для вранья. Давя подступающую к горлу тошноту, я повторяла про себя то, в чем собиралась признаться матери Грейс, и думала, что нет ничего хуже кармы.

КОУЛ

Когда Изабел выманила миссис Брисбен из палаты — интересно, кроме нее там никого не оставалось? Наверное, существовал только один способ это выяснить — настал мой черед. Пока Сэм оставался на стреме, я проскользнула в палату. Внутри стоял густой запах крови, гниения и страха, и все мои волчьи инстинкты немедля восстали, нашептывая мне поскорее убираться прочь.

Я не стал к ним прислушиваться и направился напрямиком к Грейс. Казалось, она состоит из отдельных частей, которые кто-то свалил на постели и наспех приладил друг к другу. Я понял, что времени у меня почти не осталось.

К удивлению моему, когда я присел перед ней на корточки, она открыла глаза, хотя веки были тяжелые, набухшие.

— Коул, — произнесла она негромко и протяжно, как маленькая девочка, которая не в силах больше бороться со сном. — А где Сэм?

— Здесь, — соврал я. — Не оглядывайся.

— Я умираю? — прошептала Грейс.

— Не бойся, — сказал я, но это был не ответ на ее вопрос.

Я принялся шарить в ящиках тележки, которая была придвинута к кровати, пока не нашел то, что искал: коробку с какими-то острыми и блестящими медицинскими инструментами. Я выбрал тот, который показался мне наиболее подходящим, и взял Грейс за руку.

— Что ты делаешь?

Впрочем, она была уже слишком далеко отсюда, чтобы это ее волновало.

— Превращаю тебя в волчицу, — сказал я.

Она не шелохнулась, и в глазах ее не затеплилось ни искорки интереса. Я глубоко вздохнул, натянул кожу у нее на запястье и сделал крошечный надрез. И снова она даже не пошевелилась. Из ранки струей хлынула кровь.

— Прости, это будет омерзительно, — прошептал я. — Но к несчастью, я единственный, кто может это сделать.

Глаза Грейс чуть расширились, когда я набрал полную пригоршню слюны. Я не знал даже, много ли нужно для повторного инфицирования. Это Бек поставил дело на научные рельсы, заранее продумал все до мелочей. У него был маленький шприц, который он хранил в холодильнике.

— Поверь мне, так останется меньше рубцов, — сказал он мне тогда.

Я внезапно подумал, что Изабел не сможет заговаривать матери Грейс язык бесконечно, и во рту у меня пересохло. Кровь из крошечного надреза хлестала так, как будто я вскрыл вену.

Глаза у Грейс закрывались, хотя я видел, как отчаянно она пытается удержать их открытыми. На полу под ее рукой уже собралась лужа крови. Если моя теория окажется неверна, я только что убил ее.

СЭМ

Из палаты выглянул Коул, коснулся моего локтя и втащил внутрь. Он закрыл дверь на щеколду и подпер ее хирургической тележкой, как будто она могла кого-то остановить.

— Ну вот он, момент истины, — сказал он срывающимся голосом. — Если ничего не получится, ей конец, но ты сможешь провести с ней последние минуты. Если получится, нам... нам придется в спешном порядке ее отсюда вытаскивать. Давай. Соберись, потому что...

Я обошел его, и перед глазами у меня помутилось. Мне уже приходилось видеть такое количество крови, когда волки загоняли добычу, и тогда крови бывало столько, что она

обагрят снег на много ярдов вокруг. И приходилось видеть такое количество крови Грейс, много лет назад, когда я еще был волком, а она — маленькой девочкой, и она умирала. Но я не готов был увидеть это вновь.

— Грейс, — сказал я, но это был даже не шепот. Мои губы лишь шевельнулись беззвучно. Я стоял рядом с ней, но нас разделяли тысячи миль.

Ее била дрожь, она кашляла и цеплялась за поручни больничной кровати.

Взгляд Коула был прикован к двери. Ручку дергали снаружи.

— Окно, — приказал он мне.

Я недоуменно уставился на него.

— Она не умирает, — сказал Коул; глаза у него были раскрыты так же широко, как и мои собственные. — Она превращается.

Я посмотрел на лежащую на кровати девушку, и она взглянула на меня в ответ.

— Сэм, — сказала она.

Ее корежило, плечи ходили ходуном. Я не мог на это смотреть. Грейс, переживающая мучительную трансформацию. Грейс, превращающаяся в волчицу. Грейс, подобно Беку, Ульрику и всем остальным волкам до нее, исчезающая в лесу.

Она ускользала от меня.

Коул бросился к окну и дернул за щеколду.

— Простите, сетки, — сказал он и вышиб их ногой. Я продолжал стоять столбом. — Сэм! Ты что, хочешь, чтобы они увидели ее в таком виде?

Он подскочил к кровати, и мы вдвоем подняли Грейс с постели.

Дверь трещала; из коридора доносились крики.

Больничное окно находилось в четырех футах от земли. Стояло ослепительно солнечное погожее утро, совершенно обыкновенное, если не считать того, что оно не было обыкновенным. Коул выскочил из окна первым и, выругавшись, приземлился в невысокие кусты, а я тем временем пристроил Грейс на подоконнике. С каждым миготом от Грейс в ней оставалось все меньше и меньше. Когда Коул опустил ее на землю под окном, ее вырвало на траву.

— Грейс, — позвал я, хотя перед глазами все плыло, потому что запястья у меня были в ее крови. — Грейс, ты меня слышишь?

Она кивнула и упала на колени. Я присел рядом с ней. Глаза у нее были огромные и испуганные. У меня разрывалось сердце.

— Я найду тебя, — пообещал я. — Честное слово, я найду тебя. Не забывай меня. Не... не теряй себя.

Грейс схватила меня за руку, но промахнулась и едва не упала на траву.

А потом она вскрикнула, и девочка, которую я знал, исчезла, а на ее месте осталась стоять волчица с карими глазами.

Я не мог заставить себя подняться. Я стоял на коленях, совершенно опустошенный, и смотрел, как темно-серая волчица медленно трусит прочь от нас с Коулом. Прочь от людей. Кажется, я не дышал.

Грейс.

— Сэм, — сказал Коул. — Я могу отправить тебя следом за ней. Я могу перезапустить и тебя тоже.

За одно мгновение все мое прошлое промелькнуло у меня перед глазами. Я вновь корчился, превращаясь в волка, я увидел все мои весны, когда я прятался от каждого

сквозняка, услышал стон, с которым снова и снова терял себя. Мне вспомнился миг, когда я понял, что мне остался всего лишь год и всю оставшуюся жизнь я буду заперт в чужом теле.

Мне вспомнилось, как я стоял посреди улицы перед «Корявой полкой» и меня переполняла вера в будущее. Как слушал волчий вой в лесу за домом и был счастлив, что я теперь человек.

Я просто не мог. Грейс должна понять. Я не мог.

— Коул, — сказал я, — уходи. Не надо, чтобы тебя лишний раз видели. Пожалуйста...

Коул понял все без слов.

— Я отведу ее в лес, Сэм.

Я медленно поднялся на ноги, вернулся обратно в приемный покой через бесшумно разъехавшиеся передо мной стеклянные двери и, с ног до головы покрытый кровью моей девушки, впервые за всю свою жизнь солгал так, что мне поверили.

— Я пытался остановить ее.

Я потерял бы ее в любом случае.

Если бы Коул не заразил ее повторно, она умерла бы на больничной койке. Теперь в ее жилах бежит волчий токсин Коула, и лес отобрал ее у меня, как отобрал все, что было мне дорого.

А я остался. За мной наблюдают подозрительные глаза ее родителей, которые не могут доказать, что я похитил их дочь, но все равно в это верят; и сам я наблюдаю — потому что в этом крохотном городке ожесточение Тома Калперера становится все более и более ощутимым, а хоронить еще и Грейс я не намерен, — и жду, когда придет жаркое и благодатное лето, а вместе с ним выйдет из леса она. Моя летняя девочка.

Где-то далеко хохочет надо мной судьба, потому что теперь я человек, а Грейс — та, кого мне суждено терять снова и снова, раз за разом, каждую зиму, терять все безвозвратней и безвозвратней, если я не найду средство положить этому конец. Только на этот раз настоящий конец, а не отсрочку.

Разумеется, я делаю это не только ради Грейс. Я делаю это ради себя самого через пятнадцать лет, ради Коула, ради Оливии. И ради Бека — быть может, под волчьей шкурой все еще теплится искорка человеческого разума?

Я наблюдаю за ней, как многие годы до этого, а она наблюдает за мной — ее карие глаза смотрят на меня с волчьей морды.

Это история парня, который когда-то был волком, и девушки, которая в конце концов все-таки превратилась в волчицу.

Это еще не конец. Я сложил в память о нас с Грейс тысячу бумажных журавликов и загадал желание.

Я найду средство. А потом найду Грейс.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И снова я чувствую себя не в состоянии поблагодарить всех, кто так или иначе причастен к написанию этой книги. К появлению «Дрожи» и «Превращения» приложили руку столько людей, что, боюсь, кого-то волей-неволей придется пропустить.

Первым делом я должна поблагодарить моего совершенно невероятного редактора, Дэвида Левитана, благодаря которому я истерически смеялась, переделывая «Превращение» из домашней кошечки в тигра. Наше сотрудничество очень многому меня научило! Должна также сказать спасибо всему коллективу издательства «Сколастик» за неустанную поддержку. Особая благодарность Трейси ван Страатен (Чикаго навсегда останется у нас в памяти), Саманте Вулферт, Жанель Делуизе и Рейчел Горовиц (Западная Европа в ее руках как податливая глина), Стефани Андерсон (моему отважному выпускающему редактору за неустанную работу над текстами), а также Рейчел Коун, основательнице фан-клуба «Дрожи». Я перечислила бы всех до единого сотрудников «Сколастик», без помощи которых мои книги никогда не имели бы успеха, но на это уйдет целый день. Достаточно просто сказать: я вас всех очень люблю.

Отдельно хотелось бы поблагодарить Криса Стенгела, дизайнера обложки. Крис, ты — бог графики, и огромное тебе спасибо за то, что предпочел использовать свои способности во благо.

Мой агент Лора Реннерт и ее собака Лола были моими бессменными слушателями, без них я просто-напросто растеклась бы лужицей, а это не способствует написанию хорошей книги.

Спасибо Дженнифер Лафрен за «Наркотику», Мэриен — за чай с миндальным экстрактом, Бо Карр — за то, что трубила обо мне на каждом углу, всем «Готическим девам» за то, что вернули мне рассудок, Вере — за скрупулезность при раздаче ацетаминофена, мертвым немцам — за превосходную поэзию.

И конечно, эта книга не появилась бы на свет без помощи моих подруг-критикесс, Тессы Грэттон и Бренны Йованофф. Я знаю, ваши имена упомянуты в послесловии к каждой моей книге, но что поделать, если это правда? Вы могли бы злорадно посмеяться, когда я в очередной раз умоляю бросить мне спасательный круг, однако же неизменно приходите мне на помощь.

Большое спасибо моим родным. Кейт, ты знаешь, что ты первая моя читательница и лучшая подруга. Папа, логика оборотней стала возможна исключительно благодаря тебе. Мама, ты откуда-то всегда узнаешь, когда я дошла до ручки. Эндрю, ты помог мне разобраться в движениях души Коула. Джек, ты подвозил меня столько раз, что я потеряла им счет. Спасибо Карен, моей свекрови, за то, что пасла крошек номер один и номер два, пока я завоевывала Нью-Йорк. Спасибо всем вам.

И наконец, Эд, снова Эд. Тобой все начинается и все заканчивается.

«Кандид, или Оптимизм» — философская повесть Вольтера, главный герой которой, наивный юноша Кандид, сталкивается в жизни с множеством разнообразных испытаний. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Здесь и далее температура указывается по Фаренгейту.

Перевод Т. Кырымлы.

Перевод Г. Ратгауза.

Стихотворение Р. Фроста (1874–1963). Перевод Г. Кружкова.

Мальчик (нем.).

Здесь и выше цитируются «Дуинские элегии» Р. М. Рильке. Перевод В. Микушевича.

Э. Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса.

Перевод Т. Сильман.

Неруда П. Только смерть. Перевод В. Столбова.